

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XIII

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1964

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Фр. Данеш (Прага). Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии]	3
--	---

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» (И. Ф. Протченко—Москва; М. А. Жовтобрюх, В. М. Русановский — Киев)	17
Н. И. Жинкин (Москва); О кодовых переходах во внутренней речи . . .	26
В. А. Успенский (Москва). Одна модель для понятия фонемы	39
В. Н. Белоозеров (Москва). Формальное определение фонемы	54
О. Г. Карпинская (Москва). Типология рода в славянских языках . . .	61

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Ю. Шведова (Москва). Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения . .	77
Э. А. Макаев (Москва). Именное склонение в ведическом и в санскрите . .	94
Я. Б. Круцаткин (Севастополь). Назализованные гласные в истории древнеанглийского языка	102

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. А. Шахматов. Дифтонги <i>ju</i> и <i>je</i> в великорусских говорах (окончание)	109
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Ю. Немец (Будапешт). Общие проблемы тюркского языкознания в Венгрии	119
---	-----

Рецензии

В. Г. Гак (Москва). Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования	125
Л. И. Ешан (Бельцы), П. М. Алексеев (Ленинград). Э. А. Штейнфельдт. Частотный словарь современного русского литературного языка	130

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	135
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	139
Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 1964 г. (№ 1—6).	140

Фр. ДАНЕШ

ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ

Синтаксическую омонимию можно понимать в широком и узком смысле слова. В широком смысле омонимическим¹ можно считать всякое предложение, которому слушатель может дать более чем одну интерпретацию (без учета языкового контекста и ситуации, которые могут ослаблять, а иногда и разрушать системно обусловленную многозначность). При таком понимании омонимическими являются, следовательно, не только предложения (1) *V těchto dolech provází cínovce wolfram*; *Policie vyslychala toho člověka za stolem*; *Zahájil sjezd družstevníků*, но и предложения типа (2a) *Velmi tu knihu chválí*, (2б) *Zámek je zavřen*; *Vyčistil jsem kohoutek*; *Máslo jsem přepálil*, и наконец, даже предложения типа (3) *Tatínek už se vrátil* (чей?); *Nevěřila mi* (кто? кому?) и т. п.

Случаи типа (3) можно вообще не учитывать: их особенности связаны не с грамматикой, а с характером языковой номинации и действия, при которых индивидуальность денотата проявляется лишь в контексте (ситуации). Контекст одного предложения часто бывает недостаточным для такой номинативной или дейктической индивидуализации.

Тип (2б) характеризуется многозначностью, вытекающей из такой семантической полисемии или омонимии лексических единиц, которая не имеет синтаксического значения; ее теоретическое освещение относится к области лексической семантики, а не к грамматике. Равным образом тип (2a) не представляет синтаксической омонимии в узком смысле: форма *chválí* имеет два морфологических значения (3-е лицо ед. числа; 3-е лицо мн. числа), которые не влияют на синтаксическую конструкцию. Двухзначность подобного вида объясняет морфология.

Таким образом, только предложения типа (1) представляют собственно синтаксическую омонимию в узком смысле слова. Если верно, что, например, конкретное высказывание (a) *Vyrábějí odstředivky na prádlo moderního typu* слушатель может понять двояко, каждый раз иначе связывая данные словоформы, то тогда необходимо предположить, что в системе языка существуют какие-то две различные структуры, которым соответствует одно и то же высказывание (a), выступающее как их конкретизация (реализация). Ведь сущность омонимии заключается в том, что дифференциации в одном плане соответствует отсутствие дифференциации в другом плане². С лексическими и морфологическими единицами дело обстоит относительно просто. Здесь всегда представлена некоторая последовательность фонем (или графем), которой соответствуют два разных

¹ Термины «омонимия» и «многозначность» употребляются в данной статье как синонимы.

² При помощи математического аппарата попытались решить основные проблемы омонимии (и синонимии) Л. Небески и П. Сгалл в статье: L. Nebeský, P. Šgall, Vztah formy a funkce v jazyce (Pokus o axiomatizaci), SaS, XXIII, 3, 1962.

значения (или большее число значений). Следовательно, здесь всегда противопоставляются одна единица формального плана и две или более единиц плана семантического. В синтаксисе ситуация значительно сложнее.

В предварительном порядке и упрощенно можно было бы сказать, что между некоторым предложением и его семантической интерпретацией существует не прямая, а сложным образом опосредствованная связь. При этом связывающие их звенья представляют собой не только собственно синтаксические структуры, но и структуры лексические и морфологические (включая словообразовательные) во всей сложности их отношений. Таким образом, в синтаксисе оказываются включенными все «нижние» уровни языковой структуры (в обоих планах — формальном и семантическом)³.

В данной статье предлагается попытка теоретического освещения проблемы синтаксической омонимии. Автор исходит из концепции синтаксиса, изложенной в двух ранее опубликованных статьях⁴.

Мы исходим из понятия синтаксической формулы предложения как абстрактной единицы синтаксической системы. Синтаксической формуле мы противопоставляем высказывание, т. е. минимальную единицу речи (языковой коммуникации). Высказывание, как правило, является реализацией некоторой синтаксической формулы; в этом случае речь идет о синтаксически оформленном высказывании, или предложении. (Впрочем существуют и синтаксически неоформленные высказывания, т. е. такие, коммуникативное значение которых не вытекает из их грамматико-синтаксической организации, а дано лишь ситуацией и контекстом.) Неграмматическая организация всякого высказывания также подчинена определенным общим принципам, относящимся к общей теории высказывания, и в этой общности (разумеется, на более низкой ступени абстракции, чем та, которую представляет собой синтаксическая формула) следует видеть противопоставление высказывания индивидуальному, совершенно конкретному, единичному речевому акту.

Система синтаксических формул строится по принципу противопоставлений. Каждая формула представляет собой конфигурацию отличительных черт (иногда также некоторых черт избыточных, но константных, инвариантных). Оказывается, что для чешского языка существенными элементами формул можно считать два отношения синтаксической связи, а именно: зависимость и присоединение, части речи, некоторые морфологические категории, и в меньшей степени также и порядок слов.

Примером синтаксической формулы может служить: $(PRO_1^p \rightarrow) VF \rightarrow S_4^5$. (Последовательность символов произвольна; в тех случаях, когда порядок слов имеет грамматическое значение, это в формуле специально отмечается.) Система синтаксических формул упорядочена иерархически, и ее интегральной частью являются так называемые деревья и описательные правила. Они основываются на принципе синтаксической эквивалентности (т. е. на возможности субституции некоторого элемента формулы другим элементом). Это могут быть или правила развертывания (например:

³ Й. Кац и Й. Фодор, авторы в целом весьма интересной статьи [J. J. Katz, J. A. Fodor, The structure of a semantic theory, «Language», XXXIX, 2 (pt. 1), 1963, стр. 170—210], неправомерно упрощают проблему, предполагая, что значение предложения можно описать как сумму, возникшую путем сложения лексических значений.

⁴ Fr. Daneš, Větný model a větný vzorec, сб. «Československé přednášky pro V Mezinárodní sjezd slavistů v Sofii», Praha, 1963; его же, A three-level approach to syntax, «Travaux linguistiques de Prague», I, Praha, 1964.

⁵ В статье приняты следующие сокращения: S — имя существительное; VF — глагол в определенной форме (лица и числа) в индикативе или кондиционале (активном); A — имя прилагательное; ADV — наречие; PRO — местоимение; нижние индексы: sg — ед. число; pl — мн. число; m — муж. род; n — ср. род; a — одушевленность; 1, 2, 3, ... — падежи (существительных), лица (глагола); i — любой косвенный падеж (также предложный). Верхние индексы: p 1, 2, 3 (в соединении PRO^p — личное местоимение в 1, 2, 3-м лице); 1, 2, 3, ... — разные элементы одного и того же класса в данной формуле. Знаки: \rightarrow обозначает отношение зависимости (стрелка направлена в сторону зависимого элемента); \Rightarrow обозначает несвободный порядок слов; Φ обозначает присоединение; $()$ обозначает потенциальное место в формуле; \equiv обозначает эквивалентность двух элементов (с учетом данной синтаксической структуры).

$S \equiv S \rightarrow A, VF \equiv VF \rightarrow ADV$), или правила расширения (например: $S \equiv S^1 + S^2 + \dots + S^n$). Наряду с этим необходимо иметь в виду также правила субституции в узком смысле (например, $PRO^{23} \equiv S$, взаимная субституция местоимения 3-го лица и существительного) и существование потенциальных элементов (мест) формулы, обозначенных круглыми скобками. Помимо этого, проявляются ограничительные правила, касающиеся порядка слов, а также общие и специальные правила грамматического согласования.

Для каждой формулы v_i существует множество деривационных правил R^i , которое определяет множество его дериваций D^i . Каждой деривации d_j^i формулы v_i соответствует множество правил, по которым она была образована. Приведем пример. Из формулы $(v_1) (PRO^{23} \rightarrow) VF \rightarrow S_4$ при помощи множества правил R_1^1 можно образовать деривацию d_1^1 :

$$A \leftarrow S_1 \rightarrow VF \begin{cases} \nearrow S_4^1 + S_4^2 \\ \searrow ADV \end{cases}$$

Очевидно, что множество R_1^1 образуют следующие правила: (r_1) «подставить на потенциальное место» (кратко: устранить скобки); $(r_2) PRO^{23} \equiv S$; $(r_3) S \equiv S \rightarrow A$; $(r_4) VF \equiv VF \rightarrow ADV$; $(r_5) S \equiv S^1 + S^2$, причем каждое правило было применено только один раз (вообще же некоторые правила можно применять многократно). Для наглядности приведем примеры реализованных высказываний. Так, например, предложение *Očekáváte přátele* представляет собой одну из возможных реализаций формулы v_1 , а предложение *Stará matka netrpělivě očekávala syna a dceru* — одну из реализаций деривации d_1^1 .

Ясно, что теоретическое освещение синтаксической омонимии следует искать в процессе реализации синтаксических формул. Поэтому следующее изложение будет посвящено описанию того пути, который ведет от синтаксической формулы к основанным на ней высказываниям.

А. Из нашего понимания синтаксической формулы и синтаксического высказывания (предложения) вытекает, что к каждой формуле v_i из множества W_n всех формул данного языка относится определенное множество высказываний W_i . Путь, который ведет от v_i к W_i , можно описать как последовательный ряд операций.

I. Операция «д е р и в а ц и и». Применяя множества правил R^i к формуле v_i , мы получим на выходе этой операции множество дериваций $D^i = \{d_1, d_2, \dots, d_n\}$. (Для простоты будем учитывать и нулевую деривацию формулы, т. е. такую, которая ей тождественна.) При последующих операциях (II — V) отдельные символы постепенно заменяются соответствующими конкретными элементами данного языка, причем в некоторых случаях элементы дополняются или проводятся другие преобразования.

II. Второй операцией является операция «л е к с и ч е с к и х з а м е щ е н и й д е р и в а ц и й», которая проводится над множеством D^i . Путем подстановки лексических единиц на место каждого символа в деривации получим для каждой деривации множество $L = \{l_1, l_2, \dots, l_m\}$ разных лексических замещений данной деривации.

Пример. Если мы имеем деривацию $\emptyset \rightarrow VF \rightarrow S_4 \rightarrow A$, то путем лексического замещения получим, например: $l_1 (\emptyset \rightarrow potk- \rightarrow student-4 \rightarrow \rightarrow mlad-)$, $l_2 (\emptyset \rightarrow navští r- \rightarrow matk-4 \rightarrow star-)$, $l_3 (\emptyset \rightarrow chytí- \rightarrow ryb-4 \rightarrow \rightarrow velk-)$.

III. Третьей операцией, проводимой уже над множеством всех возможных лексических замещений, является «п а р а д и г м а т и ч е с к а я м о д и ф и к а ц и я». Благодаря этой операции мы получаем из лексически замещенных дериваций $\{l\}$ их парадигматические варианты $\{p\}$. Операция заключается в том, что лексические единицы, содержащиеся в данном l , приводятся к одной из возможных парадигматических (морфологических) форм⁶.

Пример. Над лексическим замещением l_1 ($chlarc_{-1} \rightarrow chyti \rightarrow ryb_{-4} \rightarrow velk_{-}$) из множества лексических замещений, соответствующих деривации d_3^2 , можно провести следующие модификации: (p_1) *Chlapec chyti velkou rybu*, (p_2) *Chlapec chytil velkou rybu*, (p_3) *Chlapec by chytil velkou rybu*, (p_4) *Chlapec by byl chytil velkou rybu*, (p_5) *Chlapec chyti velké rybu*, (p_6) *Chlapec chytil velké rybu*, (p_7) *Chlapec by chytil velké rybu*, (p_8) *Chlapec by byl chytil velké rybu*, (p_9) *Chlapci chyti velkou rybu*, (p_{10}) *Chlapci chytili velkou rybu*, ..., (p_{16}) *Chlapci by byli chytili velké rybu*. (При проведении третьей операции отпадают символы, обозначающие зависимость.)

Обратим внимание в связи с этим на некоторые моменты. В последовательности лексем *Chlarc- chyti- velk- ryb-* в соответствии с операцией парадигматической модификации можно распределить отдельные слова по трем разным группам: 1) у имен существительных *chlarc-* и *ryb-* категория падежа является синтаксически связанной (ср. синтаксическую формулу!), в то время как категория числа в синтаксическом отношении является независимой переменной; 2) у прилагательного *velk-* все категории в синтаксическом отношении переменные, однако их нельзя считать независимыми (они зависят от формы управляющего имени существительного в соответствии с правилом о согласовании); 3) у спрягаемого глагола ⁷ *chyti* связанными (уже по формуле) являются категории залога и отчасти наклонения (исключен императив); остальные категории являются синтаксически переменными и при этом или независимыми (индикатив, кондициональ, время), или зависимыми (лицо и число). Очевидно, что на количестве возможных парадигматических модификаций влияют только категории, в синтаксическом отношении свободно изменяемые. И, наконец, следует еще подчеркнуть то, что вытекает из предшествующего изложения, а именно, что на этом этапе пути от v_i к W_i реализуются правила о грамматическом согласовании.

IV. Четвертой операцией является операция м о д и ф и к а ц и и п о р я д к а с л о в. При этой операции к каждому из парадигматических вариантов присоединяется множество вариантов порядка слов $S = \{s_1, s_2, \dots, s_n\}$. Имеются в виду, разумеется, лишь такие модификации порядка слов, которые не обусловлены грамматически. Порядок слов, обусловленный грамматически, выполняет ли он функцию отличительного признака или является просто константой, выражен уже в формулах или в деривационных правилах и выступает на этом четвертом этапе как ограничение модификационных возможностей.

V. Последней, пятой операцией является и н т о н а ц и о н н о е о ф о р м л е н и е (это имеет место лишь для звуковой речи). При этой операции к каждой модификации порядка слов присоединяется множест-

⁶ Словообразовательные дериваты (и, разумеется, сложные слова) я считаю самостоятельными лексическими единицами и, следовательно, не включаю их в число парадигматических форм исходного слова.

⁷ В нашей синтаксической теории *verbum finitum* образует особый разряд слов.

во интонационных форм $J = \{i_1, i_2, \dots, i_n\}$. Под интонационными формами мы здесь понимаем супraseгментные системные звуковые средства, т. е. типы интонационных контуров, интонационный центр, интонационное разграничение. Поскольку речь идет о последней операции, то ясно, что на ее выходе получаем высказывания, т. е. $\{i\} = \{w\}$.

Для наглядности прилагаем упрощенную диаграмму модели А (см. рис. 1).

Б. Ясно, что только что продемонстрированный метод является синтетическим. Однако можно представить и метод обратный, аналитический, при котором речь шла бы о постепенном разложении исходного множества W всех высказываний данного языка на подмножества все более высокого порядка. Исходный шаг — это разложение множества всех предложений W на подмножества W_1, W_2, \dots, W_n , каждое из которых относится к определенной синтаксической формуле из множества V . Промежуточные подмножества W_1, W_2, \dots, W_n разложим далее на подмножества предложений, основанных на той же деривации соответствующей формулы; например: $W_i = \{D_1, D_2, \dots, D_u\}$. Путем дальнейшего разложения из каждого D_i получим подмножества предложений одного и того же лексического замещения, т. е. $D_i = \{L_1, L_2, \dots, L_m\}$. Каждое L_i можно затем разложить на подмножества предложений, основанные на той же деривации и имеющие одно и то же лексическое замещение и одну и ту же парадигматическую морфологическую форму, т. е. $L_i = \{P_1, P_2, \dots, P_k\}$. Каждое P_i можно разложить на подмножества предложений с тем же порядком слов (отличающихся лишь интонационной формой). Таким образом, $P_i = \{S_1, S_2, \dots, S_n\}$. И, наконец, при помощи последнего разложения в соответствии с интонационной формой получим отдельные предложения. Итак, $S_i = \{i_1, i_2, \dots, i_r\}$, откуда следует, что $\{i\} = \{w\}$.

Вполне понятно, что схему Б нельзя считать простым обращением схемы А. В то время как при схеме Б мы имеем дело только с высказываниями (предложениями) и их множествами, при схеме А операции проводятся над переводными образованиями (разной степени обобщенности) и только на выходе операции В появляются отдельные высказывания или их множества. Степень обобщенности элементов в А (т. е. d, l, \dots) прямо пропорциональна содержательности соответствующих подмножеств в Б (например, деривации d_i^j при схеме А соответствует множество D_i^j всех высказываний, основывающихся на этой деривации). Поэтому и символы D_i, L_i и т. п. имеют в каждой из обеих схем совершенно иное значение. Разумеется, последовательность операций при обеих схемах совпадает. Полагаем, что обе схемы (модели) можно считать эквивалентными и при решении синтаксических задач можно выбрать ту из них, которая в данной ситуации является более подходящей.

Теперь при помощи полученных двух «идеальных» моделей попытаемся дать интерпретацию синтаксической омонимии. Высказывание (w_1) *Naše děti ohrožují divoká zvířata* интуитивно и эмпирически мы можем считать омонимическим, так как мы понимаем его как в смысле «*děti jsou ohrožovány*», так и в смысле «*zvířata jsou ohrožována*»; иначе говоря (пользуясь традиционной грамматико-синтаксической терминологией), нельзя решить, какое имя существительное является грамматическим субъектом и какое объектом (или, с точки зрения смысловой структуры, какое из них *agens* и какое *patiens*): оба могут быть и тем и другим. Хотя и верно, что лексические значения и контекст могут в различной мере способствовать принятию той или иной интерпретации (иногда, возможно, и исключать одну из них), однако эти неграмматические факторы никак не могут повлиять на принципиальную омонимичность данного высказыва-

ния⁸. Если (w_1) является омонимическим, это означает, что в нашем разложении Б оно принадлежит одновременно нескольким подмножествам, т. е. в языке, в котором выявляется омонимия, невозможно разложение множества W на непересекающиеся подмножества (т. е. его разбиение). Весьма вероятно, что этим свойством характеризуются все естественные языки. Тем не менее разложение Б как модель не теряет своей теоретической и методической ценности. Оно позволяет, помимо прочего, дать общее определение синтаксической омонимии: омонимическим является такое высказывание, которое в разложении типа Б на некотором из его уровней принадлежит более чем одному подмножеству. Подобным же образом можно определить омонимию по модели А.

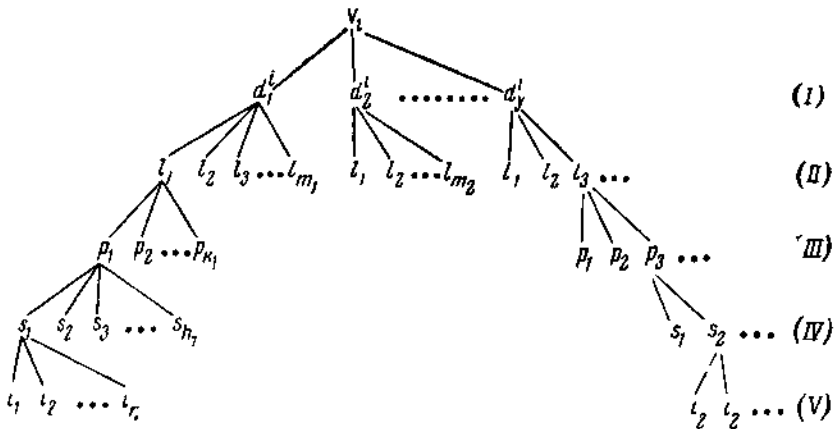

Рис. 1

Перейдем теперь к применению модели А. Эта модель позволяет нам установить тип данной омонимии, в зависимости от того, какой операцией (или на каком уровне) эта омонимия порождается.

а) Сравнение предложения (w_1) с предложениями (w_2) *Naše děti ohrožuje divoké zvíře*, (w_3) *Naše děti ohrožovala divoká zvířata*, (w_4) *Naše občany ohrožují divoká zvířata*, (w_5) *Naše mláďata ohrožují divoká zvířata*, (w_6) *Divoká zvířata ohrožují naše děti* (и с другими вариантами порядка слов в этом предложении) ясно показывает, что если никакое изменение порядка слов не устраняет омонимии, то изменения в морфологической модификации или в лексическом замещении приводят к неомонимическим предложениям. Из того, что операции в А являются упорядоченными, вытекает, что омонимия предложения (w_1) возникает при некоторых парадигматических модификациях, т. е. при операции III над некоторыми двумя лексическими замещениями (на выходе операции II). Иначе говоря, при операции III возникают некоторые p , формально тождественные как результат омонимии в морфологической части грамматики. При этом очевидно, что множества лексических единиц в обоих p тождественны.

⁸ Понятно, что для представления о функционировании языка важно знать частотность той или иной интерпретации омонимических высказываний в речи. Для структурного описания языковой системы подобные данные, однако, являются irrelevantными, между тем как для их определения структурное описание является необходимой предпосылкой.

Попробуем дать более точное определение типа синтаксической омонимии, которую обозначим как синтаксическую омонимию типа IIIa. При реализации некоторой деривации синтаксической формулы синтаксическая омонимия типа IIIa возникает в том случае, если выполнены следующие условия.

1. Соответствующая деривация имеет по крайней мере два таких функциональных места, которые располагают хотя бы одной синтаксически зависимой морфологической категорией.

2. Существуют по крайней мере две лексические единицы⁹, которые можно подставить на указанные (в п. 1) функциональные места, относящиеся к парадигматическому классу, который выражает морфологическую омонимию именно в упомянутых (в п. 1) категориях. Кроме того, для каждого функционального места, содержащего изменяемые морфологические категории, в зависимости от функциональных мест (в п. 1) имеется хотя бы одна лексическая единица, принадлежащая к парадигматическому классу указанного типа.

3. Свободно изменяемые морфологические категории получают в обоих l одно и то же значение и одни и те же парадигматические формы¹⁰.

4. Множества лексических единиц в обоих l тождественны. (Условия 3 и 4 действительны вообще для синтаксической омонимии любого типа.)

К о л и ч е с т в о омонимических высказываний этого типа зависит от следующих обстоятельств.

(1) В отношении формы деривации: а) оно обратно пропорционально количеству функциональных мест деривации, которые содержат изменяемые морфологические категории, зависимые от функциональных мест, указанных в п. 1; б) оно прямо пропорционально омонимии всех разных парадигматических классов, омонимических именно в категориях, указанных в п. 1, к которым могут относиться возможные лексические подстановки на местах, указанных в (а).

(2) Оно прямо пропорционально количеству различных лексических единиц, отвечающих условию п. 2.

Таким образом, для синтаксической омонимии (IIIa) релевантна лишь пара таких тождественных p , каждое из которых возникло путем парадигматической модификации другого l (что как раз и составляет, как мы знаем, необходимое условие омонимии). Обозначим подобные пары тождественных p символом $\pi(p_1, p_2)$, а пары соответствующих лексических замещений $l' = \langle l_1, l_2 \rangle$. Тогда действует правило, по которому каждому множеству $\Pi = \{\pi_1, \pi_2, \dots, \pi_q\}$ соответствует некоторое множество $L' = \{l'_1, l'_2, \dots, l'_p\}$ ¹¹, причем $q \geq p$.

Теперь можно было бы определить омонимию типа III при помощи модели А. Однако есть возможность таким образом усовершенствовать нашу «идеальную» схему А, чтобы она подходила для языка с синтаксической омонимией. Этого можно достичь введением промежуточной операции III₀, которую назовем «объединением тождественных p ». При посредстве данной операции к каждой паре тождественных p присоединяется не-

⁹ Почти всегда оказывается, что достаточно, если существует хотя бы одна такая лексическая единица, так как можно занять оба места той же самой лексической единицей (ср. *Děti honí děti*). Однако это особый случай, поскольку при этом наступает нейтрализация синтаксической омонимии.

¹⁰ Упоминание о парадигматической форме необходимо в связи с возможностью синонимии форм.

¹¹ Очевидно, что все лексические элементы, подставленные во множество L' на места с какой-нибудь парадигматической морфологической категорией, синтаксически зависимой (в деривации), образуют множество всех слов, в парадигме которых обнаруживается морфологическая омонимия соответствующего типа.

которое л. Исправленная таким способом часть нашей диаграммы будет выглядеть примерно так (исправленную модель обозначим А'):

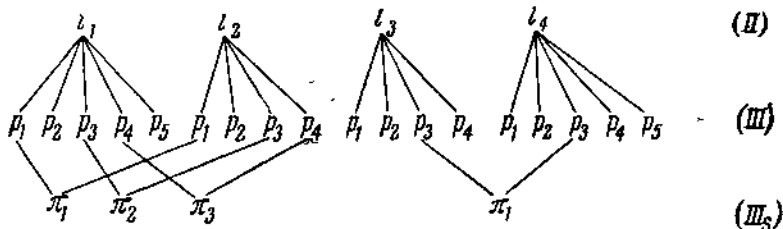

Рис. 2

Посредством введения составной операции III' вместо первоначальных двух операций III и III₅ можно прийти к известному упрощению. Новая операция III' будет заключаться в том, что как только в процессе образования парадигматических модификаций получится какое-нибудь p , сходное с другим p , оба они будут заменены некоторым л. Покажем это графически.

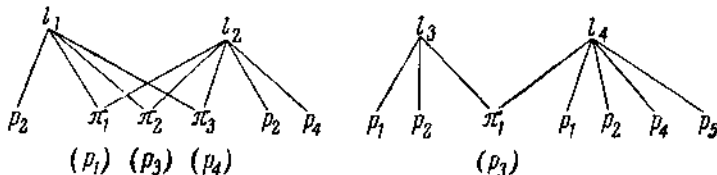

Рис. 3

По этой схеме можно определить синтаксическую омонимию типа IIIa следующим образом: синтаксически омонимичным является каждое омонимическое w , путь которого к v проходит на уровне (III) через некоторую точку л. Если бы мы ввели другое условие во второй части операции III', а именно вместо л писали бы просто p , то наше определение звучало бы (с учетом дополнительного пояснения в нижеследующем замечании) так: «... такую точку p , которая связана более чем с одним l (причем количество этих l одновременно указывает на определенную кратность синтаксической омонимии)». Это определение является наиболее наглядным.

З а м е ч а н и е. Для простоты предполагалось, что л всегда представляет л а р у тождественных p и равным образом l' — пару разных l , или, иначе говоря, имелась в виду омонимия лишь из двух значений. В действительности, однако, приходится иметь дело не с парными, а n -членными соотношениями и, следовательно, с многозначной омонимией. Так, например, если приять во внимание лексическую омонимию и полисемию и призвать лексическими единицами подставленные операцией II разные значения слов (что, видимо, необходимо), то тогда получатся некоторые л, содержащие больше двух тождественных p , потому что множество лексических замещений L_i^j будет более обширным (будет содержать большее число l). Правда, при этом как следствие лексической омонимии и полисемии возникнут пары (или n -членные соотношения) формально тождественных l , которые, однако, на уровне (II) не будут омонимическими в синтаксическом отношении. На уровне (III) эта лексическая омонимия (и полисемия) проявится в том, что увеличится число тождественных p внутри отдельных л.

Возьмем следующий пример: (π_1) *kohoutky nahrazuji tlačitka* является четырьмя

омонимическим, так как ему соответствует четырехчленное множество $l' \{l_1, l_2, l_3, l_4\}$, а именно:

$$\left. \begin{array}{l} l_1 (kohoutk_1^a \rightarrow nahraz \rightarrow tlačítka) \\ l_2 (kohoutk_4^a \rightarrow nahraz \rightarrow tlačítka) \end{array} \right\} kohoutek^a = \text{«кран»}$$

$$\left. \begin{array}{l} l_3 (kohoutk_1^b \rightarrow nahraz \rightarrow tlačítka) \\ l_4 (kohoutk_4^b \rightarrow nahraz \rightarrow tlačítka) \end{array} \right\} kohoutek^b = \text{«курок»}$$

Так как $kohoutek^a$ и $kohoutek^b$ грамматически совершенно эквивалентны, то эта лексическая двузначность при операции III устранена не будет; а поскольку это лексическое различие не выражается никакими диакритическими знаками и на уровнях (IV) и (V), то эта двузначность не будет устранена никаким системным средством, связанным с реализацией данного четырехчленного множества l' (индексы a, b не имеют никакого синтаксического значения). Лексическая двузначность может быть, однако, устранена в речи под влиянием ситуации или контекста. Равным образом, синтаксический контекст высказывания с другой деривацией также может ее устранить (например, в предложении *Kohoutek na vodovodních vedeních nahrazuje tlačitko*). В случае, если между двумя омонимическими лексическими элементами имеется грамматическое (морфологическое) различие (как, например, между $kohoutek^a$ и $kohoutek^c$ «петушок», где налицо различие по категории одушевленности), то эта омонимия будет устранена при некоторых применениях операции III. Иногда устранение лексической омонимии может произойти лишь на уровне (V), например услов типа *také, zase...*, наличие двух лексических значений у которых связано с тем, расположен или не расположен на них интонационный центр¹² (так называемое «логическое или фразовое ударение»).

Совершенно иное положение оказывается в случае, когда грамматическое различие является синтаксическим, как, например, у $psát^a$ (переходный), $psát^b$ (непереходный, «мусть писать»). В этом случае нормальная тождественность соответствующих l связана с синтаксической омонимией на уровне (II). Предпосылкой является, разумеется, то, что лексико-семантическая часть описания языковой системы, которая служит исходной для основной операции II лексического замещения, будет содержать в отдельных лексических элементах синтаксически релевантные показатели. Например, в нашей модели А лексема *zase* при проведении операции II должна быть обозначена каким-нибудь индексом, который при операции V будет замещен соответствующим интонационным центром.

Синтаксическая омонимия типа IIIa находит объяснение только на двух уровнях: на уровне (III) и на ближайшем более высоком уровне (т. е. с номером, меньшим на единицу). При движении в направлении «вниз» от уровня соответствующего типа, т. е. на уровнях с большим номером, положение иное: все модификации, присоединенные к некоторому l посредством любой операции под большим номером, являются омонимическими. Это значит, что операция под номером большим, чем номер данного типа, умножает омонимию (образует дальнейшие омонимические высказывания). Так, например, омонимическое (π_2) *naše dítě honilo divoké zvíře* при операции IV умножится: (s_2^1) *naše dítě honilo divoké zvíře*, (s_2^2) *divoké zvíře honilo naše dítě*, (s_3^2) *naše dítě divoké zvíře honilo*, (s_4^2) *divoké zvíře naše dítě honilo*, ... Подобным же образом затем при выполнении операции IV над элементами s будет достигнуто дальнейшее увеличение, например, посредством различного размещения интонационного центра на том же самом s .

б) Другой подтип синтаксической омонимии на морфологическом уровне представляет собой высказывание *Chlapci přinesou velkou rybu*. Если, как и в предшествующем случае (а), мы будем продвигаться к уровням все меньшего номера, то установим, что хотя дифференциация по-прежнему произойдет на уровне (II), все же члены пары $l' = \langle l_c, l_f \rangle$ относятся к разным деривациям [но не к той же самой деривации, как это было в случае (а)].

¹² Детальное толкование этого явления см. в книге: Fr. D a n e š, *Intonace a věta ve spisovné češtině*, Praha, 1957.

Участок диаграммы A' , следовательно, будет выглядеть так:
в случае (б) в случае (а)

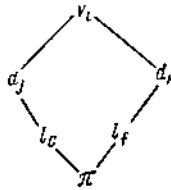

Рис. 4

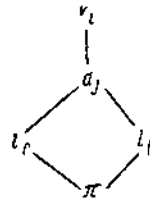

Рис. 5

Для большей наглядности можем выписать формы отдельных элементов:

$$l_c: chlarc_{-1} \rightarrow p\check{r}ines \rightarrow ryb_{-4} \rightarrow velk_{-}; \quad d_j^i: S_1 \rightarrow VF \rightarrow S_4 \rightarrow A;$$

$$l_f: (\sigma_1 \rightarrow) p\check{r}ines \rightarrow chlarc_{-i} \rightarrow ryb_{-4} \rightarrow velk_{-};$$

$$d_k^i: (\sigma \rightarrow) VF \begin{cases} \nearrow S_4 \rightarrow A \\ \searrow S_i \end{cases}$$

d_j^i и d_k^i относятся к одной и той же формуле $v_i: (PRO_1^p \rightarrow) VF \rightarrow S_4$.

Вместе с тем ясно, что: 1) при деривации (операция I) в d_j было замещено потенциальное место и применено правило подстановки $(PRO_1^p) \equiv S_1$, в то время как в d_k этого не было; но зато в d_k в отличие от d_j было применено правило $VF \equiv VF \rightarrow S_i$; 2) в l_c и l_f при операции II той же самой лексической единицей были замещены функциональные места, которыми отличаются обе деривации; 3) лексическая единица *chlarc*- относится к такому парадигматическому классу, где множество парадигматических форм для синтаксически зависимой категории в d_j и множество парадигматических форм для свободно изменяемых категорий в d_k не являются дизъюнктивными (их пересечение является непустым множеством);

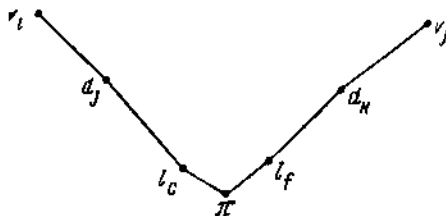

Рис. 6

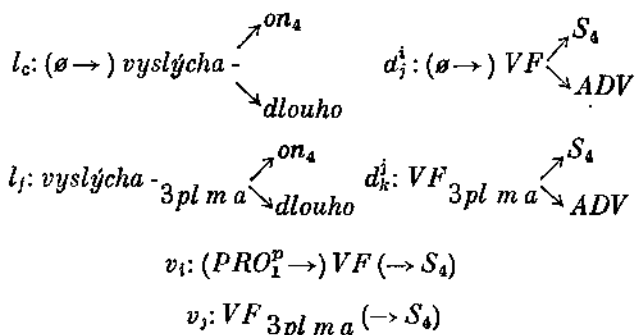
4) в l_f была избрана в качестве изменяемой категории такая, парадигматическая форма которой относится к этому пересечению; 5) функциональное место (в других деривациях несколько мест), содержащее морфологические категории, изменяемые в зависимости от функционального релевантного места, было замещено в l_c и l_f одной и той же лексической единицей;

6) выполнены оба общеобязательных условия.

Одновременно это является совокупностью условий, при которых достигается синтаксическая омонимия (б). Для полноты добавим, что, конечно, проведение операции с большим номером (т. е. IV и V) умножает омонимию.

в) В качестве третьего подтипа можно привести высказывание *Karla vyslýchali dlouho*. В этом случае наша диаграмма показала бы, что хотя омонимия достигается также на уровне (III), все же не только l_c и l_f отно-

сятся к разным деривациям, но и каждая из этих дериваций относится к другой формуле. Покажем это на схеме:

Ясно, что здесь условия возникновения синтаксической омонимии являются следующими: 1) в d_j^i потенциальное место не замещается; 2) в l_c лексическая единица, которая занимает функциональное место с зависимо изменяемыми категориями, характеризуется как раз теми категориями, которые в l_l являются синтаксически зависимыми; 3) выполнены оба общеобязательных условия.

Таким образом, в случае (в) перед нами не омонимия парадигматической формы, как она обычно понимается, а омонимия в том смысле, что парадигматические формы так называемого 3-го лица выполняют функцию как форм «личных», так и «безличных» (и при этом «безличных» разного рода). В этом отношении синтаксис, собственно, заставляет нас усовершенствовать морфологическое описание. Разумеется, и здесь сохраняет силу положение о том, что применение операций IV и V умножает омонимию.

Полученная модель позволяет заранее определить все теоретически возможные случаи омонимии в данном языке. Так, например, очевидно, что в процессе речевой реализации формулы $\underbrace{(PRO_1^p \rightarrow)}_1 \underbrace{VF}_2 (\rightarrow S_4)_3$ синтаксическая омонимия должна появиться на уровне (III), а именно в том случае, если будут выполнены — помимо двух общеобязательных условий — следующие специальные условия: А) соответствующие деривации d_j, d_k будут иметь такую форму, что в d_j будет реализовано с использованием субституций $PRO^p \equiv S$ потенциальное место (1) и не будет реализовано место (3), в то время как в d_k все будет обстоит как раз наоборот; Б) соответствующее π будет содержать только одну субстантивную лексическую единицу на месте (1) или же (3) в парадигматической форме, синонимической для номинатива/аккузатива; В) зависимо изменяемые морфологические категории у лексических единиц на функциональном месте (2) приобретут значения, сходные с категориями лексической субстантивной единицы на месте (1) или же (3).

Перейдем теперь к синтаксической омонимии другого типа, а именно типа II.

Пусть имеется синтаксически двузначное высказывание *On už píše*. Из модели А' вытекает, что омонимия возникает лишь на уровне (II) при лексическом замещении и является следствием синтаксической (и семантической) омонимии лексической единицы (глагола) *psa-/píš-*.

Мы имеем здесь полную аналогию с типом IIIб, но с тем различием, что в IIа возникнут не два тождественных p (т. е. π), а два тождественных l

(обозначим их λ), каждый из которых относится к другой деривации, а через нее и к другой формуле. Схема по модели A' (с введением составной операции II')

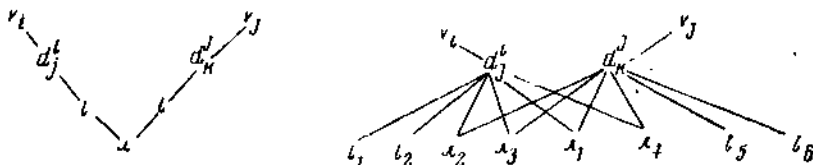

Рис. 7

Запишем более наглядно:

$$\lambda: on_1 \rightarrow p\acute{i}\check{s}-/psa - \rightarrow u\check{z}$$

$$d_j^i: PRO_1^p \rightarrow VF (\rightarrow S_4); \quad v_i: (PRO_1^p \rightarrow) VF (\rightarrow S_4)$$

$$\downarrow$$

$$ADV$$

$$d_k^j: PRO_1^p \rightarrow VF \rightarrow ADV; \quad v_j^j: (PRO_1^p \rightarrow) VF$$

Очевидно, что наличие или отсутствие в формуле символа $(\rightarrow S_4)$ определяет разные синтаксические классы элементов, которые можно подставить вместо VF . Так, например, к классу VF^i относятся такие глаголы, как *korám*, *brouším*, в то время как к классу VF^j — глаголы *rostu*, *spím*.

В соответствии с этим мы должны различать и два неодинаковых в синтаксическом отношении глагола *píšuⁱ* — *píšu^j*, *zpívámⁱ* — *zpívám^j* и т. д.

Некоторые омонимические в синтаксическом отношении высказывания имеют более сложную структуру: в них комбинируется омонимия нескольких типов. В качестве примера можно привести высказывание *Zahájil sjezd družstevníků*, которое является омонимическим на уровнях (II) и (III). Соответствующее λ связано со следующими двумя деривациями: $(d_j^i) S_2 \leftarrow S_1 \rightarrow VF$; $(d_k^j) (\emptyset \rightarrow) VF \rightarrow S_4 \rightarrow S_2$. Последние в свою очередь связаны с двумя формулами: $(v_i) (PRO_1^p \rightarrow) VF$; $(v_j) (PRO_1^p \rightarrow) VF \rightarrow S_4$. Комбинированная омонимия этих двух формул всегда проявляется при следующих условиях (помимо двух общеобязательных условий): 1) в деривациях $\{d^i\}$ потенциальное место S_1 должно быть занято тем же самым лексическим элементом, что и в $\{d^j\}$ функциональное место S_4 , а именно элементом, принадлежащим к парадигматическому классу, который для выражения синтаксически зависимых категорий в обеих деривациях имеет омонимическую форму; 2) в d^j потенциальное место не должно быть занято; 3) VF должно быть замещено в d^i и в d^j лексическим элементом синтаксически омонимическим. Ясно, что условия 1, 2 относятся к типу III, в то время как условие 3 — к типу II.

Приступаем к интерпретации синтаксической омонимии типа IV (т. е. омонимии, порождающейся операцией IV). Примером может служить следующее синтаксическое высказывание: *Pozoroval toho člověka za stromem*. Мы заранее знаем, что синтаксическая омонимия этого высказывания определенным образом зависит от порядка слов; например, вариант с другим порядком слов *Toho člověka pozoroval za stromem* не является омонимическим. Далее мы знаем, что релевантное выражение *za stromem* может попасть в деривацию исходной формулы $(v_i) (PRO_1^p \rightarrow) VF (\rightarrow S_4)$ двумя способами: или путем применения разворачивающего правила $(r_1) S \Rightarrow S_i$ (с зависимым порядком слов) или правила $(r_2) VF \rightarrow S_i$ (без зависимого

порядка слов). Так как первое правило ограничивает позицию элемента S_i , а второе не ограничивает, то это означает, что (r_2) допускает и ту позицию, которую (r_1) предписывает как единственно возможную. Из этого вытекает, что некоторые модификации порядка слов, относящихся к какой-либо деривации d^i , полученной из v_i применением правила (r_2) , будут тождественны модификациям порядка слов, относящихся к деривациям, образованным по правилу (r_1) . Или: позиция элементов в s , требуемая правилом (r_1) , является необходимым, но все же не достаточным условием для того, чтобы высказывания, основывающиеся на деривации, полученной по правилу (r_1) , были однозначными. Общее истолкование этой омонимии можно дать при помощи модели A' следующим образом. Обозначим некоторую деривацию, возникшую в результате применения правила r_1 , как d_1^i , а деривации по правилу r_2 как d_2^i . Символ \Rightarrow , появляющийся в d_1^i , будет устранен лишь правилом уровня IV, в результате чего все возникшие таким путем s , присоединенные к d_1^i , будут повторяться при d_2^i , но не наоборот. Если мы обозначим все тождественные s буквой σ , то получим следующее графическое изображение, из которого ясно, что из каждой точки σ ведут вверх два пути, каждый к иной деривации:

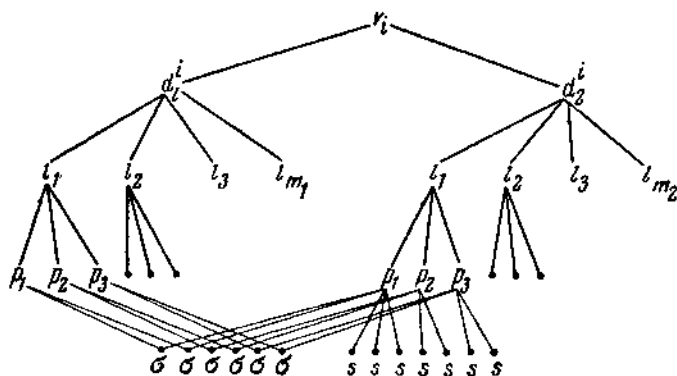

Рис. 8

Другой вариант омонимии IV представляет предложение *Koupila ždímačku na prádlo nejmodernějšího typu*. В этом случае речь идет о деривациях, полученных по двум разным правилам развертывания: $(r_2) S \equiv S \Rightarrow S_2$ и $(r_1) S \equiv S \Rightarrow S_i$. Имеется в виду или деривация $d_j^i: (\sigma \rightarrow) VF \rightarrow S_4 \begin{matrix} \nearrow S_i \\ \searrow S_2 \end{matrix} \leftarrow A$, или деривация $d_k^i: (\sigma \rightarrow) VF \rightarrow S_4 \Rightarrow S_i \Rightarrow S_2 \leftarrow A$. В нашем предложении *Koupila jsem ždímačku na prádlo nejmodernějšího typu* выражение *nejmodernějšího typu* (которое является реализацией символов $\Rightarrow S_2 \leftarrow A$) помещено так, что это удовлетворяет правилу порядка слов (\Rightarrow) как в случае d_j^i , так и d_k^i .

Тип IV явно представляет так называемые «мнимые синтаксические пары» школьных грамматик. С грамматической точки зрения речь идет, конечно, о действительных парах (синтагмах); как «мнимые» они выступают лишь с точки зрения интерпретации, обусловленной семантикой и контекстом.

И снова можно привести пример сложной синтаксической омонимии, а именно типа (III + IV). Например, высказывание *Děti honí zvířata v lese*.

Омонимию на уровне (V) оставляем пока в стороне; эти явления до сих пор не были подвергнуты систематическому анализу и не получили достаточно удовлетворительного теоретического освещения. Разумеется, возможность такого типа синтаксической омонимии нельзя исключать. Видимо, сюда относится, например, подтип с так называемым частичным отрицанием и общим отрицанием в таких случаях, как *Všichni tomu nevěřili* — *Všichni tomu nevěřili*. Из-за недостатка места я вынужден отказаться от интерпретации этих примеров¹³.

Далее следовало бы рассмотреть многозначность некоторых конструкций, главным образом типа (а) *Kritika polského delegáta byla správná* и (б) *Zahlédli ji až při odchodu z divadla*. Оставляю их толкование до иного удобного случая. Здесь я хочу подчеркнуть только то, что в случаях типа (а) истолкование следует искать в семантической полифункциональности адноминального генитива (проявляющегося и в других, сходных типах, как, например: *dárek našeho Jirky, obrazy Jana Průchy*)¹⁴, и его можно в самой общей форме сформулировать так: двузначными являются такие лексические замещения схемы $S \rightarrow S_2$, в которых (1) вместо S подставляется имя существительное со значением действия, производное от глагола, который может выступать в схеме $S_1 \rightarrow VF \rightarrow S_4$ или $S_1 \rightarrow VF \rightarrow S_2$, (2) вместо S_2 подставляется такое имя существительное, которое может выступать на обоих местах (для существительных) в какой-нибудь из схем, указанных в (1). Очевидно, что трансформационные отношения здесь отчасти компенсируются отношениями словообразовательной деривации, что хорошо отражает условия в языках типа чешского¹⁵.

В случаях типа (б), по моему мнению, перед нами лишь неопределенность, но не синтаксическая омонимия.

В заключение отмечу, что в этой статье я не стремился дать полное и всестороннее представление о синтаксической омонимии в чешском языке, а ограничился опытом ее интерпретации в свете определенной синтаксической теории¹⁶.

Перевел с чешского Л. Н. Смирнов

¹³ Различие между звуковой и графической реализацией проявится, конечно, и на других операционных уровнях. Так, например, в парадigmatике в некоторых случаях морфологическая омонимия будет беднее, чем в звуковой речи.

¹⁴ См. также: P. Sgall, Zur Frage der Ebenen im Sprachsystem, «Travaux linguistiques de Prague», I.

¹⁵ Считаю поэтому весьма ценным в аппликативно-генеративной модели С. К. Шаумяна положение, на основании которого при помощи R -образных классов слов вводятся синтаксически релевантные словообразовательные параметры в структуру предложения.

¹⁶ Из-за недостатка места некоторые части статьи изложены сокращенно. Изложение аппарата теории множество опущено.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОБСУЖДЕНИЕ «ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ»

Проект «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» готовился в 1962—1964 гг. Орфографической комиссией, созданной при Институте русского языка Академии наук СССР под председательством акад. В. В. Виноградова. Естественно возникает вопрос: почему эта работа признана столь необходимой всего лишь по прошествии шести - семи лет после выхода в свет «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г.? Бесспорно, Свод 1956 г. явился важной ступенью на пути упорядочения нашего письма; нельзя забывать, что это — первый полный Свод правил русского правописания, так как книга Я. К. Грота «Русское правописание» (1885 г.) была посвящена в основном рассмотрению трудных и спорных орфографических вопросов. В Своде 1956 г. дается полное систематическое изложение не только орфографических, но и пунктуационных правил.

И все-таки работа, проведенная в 1956 г. по регламентации русского правописания, оказалась недостаточной, ибо существующие правила излишне усложнены. В орфографическом своде осталось много исключений, противоречивых и трудно объяснимых правил. Это ведет к отрицательным последствиям, так как в известной мере тормозит обучение устной и письменной речи, является причиной снижения грамотности населения и так или иначе сказывается на всех формах практического применения языка. Заметно усложняется и усвоение русского языка представителями других народов СССР, а также зарубежных стран. В условиях все возрастающей роли русского языка как языка международного общения народов нашей страны, равно как и его все повышающегося значения в международном масштабе, недостатки и трудности орфографии наносят известный урон.

Эти обстоятельства заставили вновь заняться дополнительным изучением вопроса о том, как облегчить усвоение богатств великого русского языка и норм его правописания, как усовершенствовать и упростить систему правил орфографии. Уже в самом начале своей деятельности Комиссия, состоящая из 27 представителей различных учреждений и организаций и включающая лингвистов Института русского языка и Института языкознания Академии наук СССР, ряд сотрудников Академии педагогических наук, Министерства просвещения РСФСР, опытных учителей московских школ, профессоров университетов, педагогических институтов Москвы и Ленинграда, писателей, встретила немало трудностей. Это обусловлено прежде всего неразработанностью теоретических вопросов орфографии и пунктуации, а также малым количеством специалистов, занимающихся этими проблемами. Возникла необходимость сформировать особую группу сотрудников для выполнения научно-исследовательских заданий Орфографической комиссии. Была также организована на добровольных началах представительная общественная комиссия по орфографии. По крупным и особо трудным вопросам создавались целые коллективы ученых и прак-

тических работников, включавшие, например, работников энциклопедий, издательств, картографов, корректоров, преподавателей и других специалистов. По многим сложным вопросам в Комиссии готовилось одновременно несколько проектов, отражающих различные точки зрения авторов. Во всех случаях принятие решения было связано, как правило, с кропотливой и трудоемкой работой по подсчету всех слов, зафиксированных существующими словарями, и их подробной классификацией. Сбор и анализ статистических фактов сопровождался экспериментами в фонетических лабораториях, выявлением особенностей восприятия текста с новыми написаниями. Обобщался материал о типичных ошибках школьников. Результаты этой работы нашли отражение в пяти книгах, подготовленных за двухлетний период деятельности Комиссии, в которых дается освещение актуальных вопросов русского письма. Три из них, а именно: «Вопросы русской орфографии», «Проблемы современного русского правописания», «О современной русской орфографии» уже вышли из печати в 1964 г. Две книги («Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии», «Орфография собственных имен») находятся в печати и выйдут в ближайшее время.

Итак, в итоге длительного обсуждения, участники которого стремились к изучению явлений с учетом различных точек зрения (научно-теоретической, педагогической, психологической, практической и др.), создан проект, который вынесен на обсуждение. И все же на этой предварительной стадии (как нередко бывает в большом деле) Комиссии за сравнительно короткий срок ее деятельности, видимо, не во всем в равной мере удалось осуществить действительно разносторонний подход; поэтому в дальнейшем потребуются дополнительное исследование ряда особенно сложных орфографических проблем, внимательный учет экономических соображений, а также определение того, все ли выдвинутые предложения одинаково целесообразны и неотложны в данное время. Однако уже после ознакомления с некоторыми критическими отзывами хочется выразить пожелание, чтобы в ходе обсуждения отрицательное отношение к отдельным пунктам проекта (признаваемым не совсем удачными или мало аргументированными) не мешало видеть принципиальную важность и целесообразность большой работы Комиссии в целом. Центральный раздел проекта, содержащий новые правила, видимо, вызовет наибольшее число откликов, в том числе и критических. Судя по уже опубликованным материалам, многие, например, сдержанно (а порой и резко отрицательно) относятся к предложению о введении написаний *огурци*, *отци* и т. п., некоторые решительно не приемлют изменений в написании отдельных слов (*заец*, *достоев*). Как видно, в таких случаях Комиссии придется особенно тщательно обсудить эти пункты, внимательно изучив выдвигаемую аргументацию.

Изучение всей совокупности стоящих сейчас актуальных орфографических проблем приводит к убеждению, что в данное время нет оснований ставить вопрос о коренной реформе русского письма, которая неминуемо и серьезно затронула бы не только школу, но и отразилась бы на всей культурной жизни страны. Поэтому изложенные в проекте Комиссии новшества, изменения и уточнения, хотя и не исчерпывают все возможные предложения по улучшению орфографии и пунктуации, все же, как кажется, достаточно полно охватывают круг вопросов, которые желательно обсудить в развернувшейся дискуссии.

Нередко приходится слышать несколько тревожный вопрос, особенно от лиц старшего (да, впрочем, и среднего) поколения: — Ведь мы окажемся неграмотными, что ж теперь — переучиваться всем придется? Примерно тот же вопрос задается и применительно к школьникам. Редко,

но говорят и так: — Не отразятся ли эти изменения на самом языке? Подобные вопросы ставятся и в печати¹. Последний вопрос требует отрицательного ответа, как возникающий по недоразумению, ибо русскому языку не грозит никакая опасность. Ведь речь идет о разумном усовершенствовании правописания, о таком изменении правил, которое не вступает в противоречие с системой языка, не затрагивает его основ, не будет сказываться отрицательно на языковом строе. Конечно, только такие выдвигаемые в проекте изменения, которые будут признаны отвечающими этому основному требованию, могут получить одобрение и быть рекомендованы для включения в окончательный свод правил. Подобное недоразумение вызывается и тем, что иногда ставится знак равенства между языком и орфографией (заметим в скобках, что, к сожалению, неправильные суждения такого рода появились у авторов отдельных статей в ходе дискуссии, в частности на страницах «Литературной России» и «Литературной газеты»)².

На первый же вопрос можно ответить так. При переходе на новую орфографию (если предложенные в проекте изменения в основном будут приняты) неизбежно, особенно в первое время, возникнут известные трудности, но они легко преодолимы и не вызовут серьезных осложнений в орфографической практике. Хотя изменению подвергнется значительное число ныне действующих правил, тем не менее на письмо по новым правилам можно будет перейти без особого труда. Это объясняется тем, что при составлении новых правил были сохранены основные принципы, в соответствии с которыми исторически складывалась русская орфография. В Орфографической комиссии были составлены тексты, написанные с учетом предлагаемых орфографических новшеств (два текста из газет «Правда», «Московский комсомолец» за июнь 1964 г., два других текста — отрывки из классических произведений художественной литературы). Эти «пробные тексты» показали, что изменения касаются сравнительно небольшого круга явлений (по числу случаев это приблизительно дает три процента к общему количеству слов в тексте). В то же время надо подчеркнуть, что изменения вносятся именно в наиболее запутанные и противоречивые разделы правил письма. Важным моментом в рационализации правил явилось устранение излишней детализации и, как следствие, — сокращение числа правил.

Новый проект преследует цель по возможности облегчить положение в школьном преподавании. Вполне понятно, что при более рациональной системе правил письма эти правила быстрее и легче усваиваются. Экономия свободного времени будет позволять использовать его для овладения богатствами языка, что должно содействовать в свою очередь сознательному и прочному усвоению норм правописания и правил грамматики. Подсчеты показывают, что при обучении правописанию по новым правилам только в средней школе может высвободиться более 50 часов учебных занятий, не говоря о том, что в ходе обучения на достижение некоторых орфографических премудростей (которые в проекте предлагается устранить) тратится столько сил школьников (да и не только школьников), что эти затраты трудно выразить цифрами.

В качестве примеров устранения излишней подробности, исключения ненужных правил можно привести такие данные. Новый проект предусматривает замену пятнадцати правил написания *о* и *е* после цiliaщих и *ц* двумя краткими правилами, одиннадцать правил переноса слов — одним,

¹ См., например, статью О. В о л к о в а «Управисься ли чинить?» («Лит. Россия» 16 X 1964).

² См., например, статьи С. Ш у р т а к о в а в «Лит. Россия» за 9 X 1964, Н. З а д о р ц о в а в «Лит. газ.» за 26 IX 1964 г. и др.

простым и доступным; вместо двенадцати правил написания *н/ни* в причастиях и прилагательных предлагается только два, вместо трех правил правописания *пол* — одно; раздел «Прописные буквы» занимает в Своде 1956 г. одиннадцать страниц, а сейчас предлагается вдвое меньше и т. д.

Думается, что к преимуществам ряда новых правил относятся предоставление возможности их более гибкого применения ввиду разрешения факультативных написаний. Это позволит отойти от формализма и педантизма, порой встречающихся сейчас в школьной практике, и сосредоточить усилия на выработке высокой культуры языка. В этой области предстоит еще сделать многое: «необходимо распространять глубокие знания языковых норм, формировать строгий и требовательный лингвистический и словесно-эстетический вкус»³.

В заключение остановимся вкратце на некоторых вопросах культуры речи в плане той роли, которую играет борьба за подъем общей культуры языка в успешном решении задачи достижения орфографической грамотности. Всеми признается необходимость повысить роль школы в воспитании культуры устной и письменной речи, в усвоении норм литературного языка. В устной речи молодежи (в том числе учащейся) нередко обнаруживаются плохое владение правилами сочетаемости слов, небрежность словоупотребления, встречаются жаргонизмы, что свидетельствует о недостаточном воспитании бережного отношения к родному языку (ср. хотя бы такие слова из школьного арго: *здровски, училка, законно, железно* и пр.)⁴. Получила распространение болезнь, которую писатель К. И. Чуковский метко назвал канцеляритом. Один старшеклассник сочинил объявление с приглашением на воскресник в таком стиле: «Жильцам, проживающим по улице..., необходимо явиться с лопатами и носилками к 9 часам утра для оформления колодца грунтом». Шестиклассница в своем сочинении пишет: *шел кратковременный дождь...* Такое засилье канцелярских штампов не удивительно, если учесть, что они встречаются иногда и на страницах учебников. Нельзя не поддержать требование «Литературной газеты» улучшить стиль школьных учебников (конечно, не только по русскому языку, литературе, но и по другим предметам). Многие из них написаны тяжелым, неудобочитаемым языком. В школьном учебнике по зоологии читаем например: «Среди животных есть много полезных... *От них мы получаем продукты питания..., материал для изготовления одежды и обуви...* Лошади, ослы, верблюды *используются для транспорта*». Или: «Для того, чтобы успешно использовать животных, *необходимо знать их потребности*».

Все это наглядно показывает, что вопросы орфографии тесно связаны с более широкой проблемой культуры речи. Грамотное письмо — это следствие решения основной задачи — борьбы за высокую культуру языка, в которой должны принять участие все многочисленные культурные силы нашего общества.

Широкое обсуждение проекта «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» позволит определить, что в нем может быть признано приемлемым, и в то же время выявить его недостатки, поможет усовершенствовать проект, внести новые изменения в правила. Конечно, все сказанное выше о большой работе по улучшению орфографических правил не означает, что предлагаемый проект свободен от недостатков. В самой Орфографической комиссии долго велась (а по некоторым пунк-

³ В. В. Виноградов, Культура речи и орфография, «Лит. газ.» 13 VI 1964.

⁴ Д. Гранин в своем последнем романе «Иду на грозу» недаром использует эту особенность для характеристики речи даже положительных персонажей. Например, один юный научный сотрудник произносит такие слова: «Так ему и надо. Принципиально! — закипятился Ричард. — Без пощады! Железно!».

там и теперь продолжают возникать) жаркие споры. Поступающие в Комиссию, редакции газет и журналов письма, публикуемые в печати статьи, наряду с одобрением многих правил, содержат критические замечания, а также полезные советы и предложения; это поможет выработать такие изменения к своду «Правил русской орфографии и пунктуации», которые действительно необходимы с точки зрения запросов жизни, современной теории и практики.

И. Ф. Протченко

Закончен первый этап работы Орфографической комиссии — опубликован проект нового свода правописных и пунктуационных законов русского литературного языка. Общий характер предполагаемых изменений, сущность отдельных правил уже давно известны как специалистам-языковедам, так и широким кругам общественности. Деятельность комиссии проходила в условиях широкой гласности, обсуждалась в массовой печати и специальных изданиях. Однако только теперь, после опубликования «Предложений», можно говорить о новой системе орфографии как о единстве взаимосвязанных и взаимообусловленных правил.

Обычно в обсуждении орфографии больше, пожалуй, чем в любой другой дискуссии, дает о себе знать элемент эмоциональности, высказывается много предложений и предположений, просто пожеланий и размышлений досужего ума, часто сводящихся к формуле известного чеховского героя: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Всякая орфографическая система (как, кстати, и любая другая система) хороша, если она отличается логической стройностью и внутренней непротиворечивостью. При оценке «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» прежде всего возникают вопросы: стала ли русская орфографическая система экономнее? повысилась ли информативность ее правил? четко ли проведены в ней основные принципы?

Требование максимальной экономности орфографии — вполне закономерное и справедливое: в период бурного развития науки и техники, сопровождающегося обильным потоком информации, которую должен воспринять любой занимающийся общественно полезным трудом член общества, должно быть устранено все, что загромождает память. В этом отношении «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. являются весьма уязвимыми, так как содержат немотивированные и в силу этого щедро снабженные исключениями правила.

Допустимо ли что-либо улучшать в системе орфографии? Ведь любое изменение в системе вызывает нарушение равновесия, а следовательно, влечет ее коренную перестройку. В связи с этим высказывались предложения создать совершенно новую, строго логическую, непротиворечивую систему¹. Однако, во-первых, существующая правописная система имеет большую традицию и упразднение ее на некоторое время вызвало бы сплошную неграмотность населения, во-вторых, улучшение существующей орфографии вполне допустимо, так как она не является системой в строгом понимании этого термина. Следовательно, задача состоит в улучшении орфографии путем более последовательного проведения принципа системности.

Именно по этому правильному пути пошла Орфографическая комиссия. Представленные «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» характерны стремлением к экономности за счет придания большей системности существующему правописанию: вместо 4 правил о разделительных знаках, содержащихся в «Правилах русской орфо-

¹ См.: М. Янакиев, Теория орфографии и речь, ВЯ, 1964, 1, стр. 73.

графии» 1956 г., в проекте находим 2, вместо 15 правил, охватывающих случаи написания *о*, *е* после шипящих и *ц*, созданы 2, вместо 7 правил о написании *ь* после шипящих предлагается 1, вместо 6 правил о чередовании в корнях оставлены 4 и т. д.

Чем экономнее система, тем выше ее информативность. Большинство предлагаемых правил шире охватывает материал, чем правила, существующие доныне. С этой точки зрения вполне обоснованным является: уменьшение количества знаков для передачи варианта фонемы *е* в позиции после шипящих (только *о* вместо *о* и *е*);

отмена написания фонематически немотивированного *ь* после шипящих в конце слова;

унификация суффиксов прилагательных, образованных от географических названий (только *-инский* вместо *-инский* и *-енский*) и уменьшительных суффиксов существительных среднего рода (только *-ец-* вместо *-ец-* и *-иц-*);

отмена в принципе написания двойных согласных в заимствованных словах;

подведение под единый принцип написания суффиксов причастий *-н-* и *-нн-*;

устранение разнобоя в написании *пал-*;

подведение — с точки зрения орфографии — под разряд префиксов иноязычных начальных составных частей слов типа *пан-*, *квази-*, *псевдо-*, *вице-*, *лейб-*, *обер-*, *унтер-*, *штаб-* и др.;

устранение исключения в передаче уменьшительного суффикса существительных (только *-еньк-* вместо *-еньк-* и *-имьк-*);

унификация написания прилагательных, образованных при помощи суффикса *-ян-* (*ан-*);

оформление в виде правила употребления прописной буквы в названиях государственных учреждений, международных, союзных и республиканских организаций и т. п.;

дальнейшее упрощение правил переноса и т. д.

В результате предлагаемых изменений резко уменьшится количество не только основных правил, но и исключений.

Основным принципом, на котором базируется русская орфография, является фонематический, требующий соответствия написаний всех гласных и согласных русского языка их звучанию в основных фонематических позициях. Фонематический принцип — одно из важнейших средств повышения экономности письма, так как он позволяет передавать все многообразие звуков речи сравнительно небольшим количеством знаков, употребляющихся для обозначения фонем — инвариантов позиционных рядов².

В «Предложениях» фонематический принцип проводится с большей последовательностью, чем в «Правилах» 1956 г. Именно этим объясняется уменьшение разнобоя в передаче звуков одного фонемного ряда.

Одной из важных черт предлагаемых правил является их большая гибкость, наличие орфографических вариантов. Если правописание регламентирует систему образования и употребления грамматических форм литературного языка во всем его функциональном разнообразии, т. е. в какой-то мере подчиняет себе обширную, изменяющуюся и богатую типами связей область речевой деятельности, то жесткие законы правописания рано или поздно приходят в столкновение с речевой действитель-

² Наиболее полным проявлением фонематического принципа могло бы считаться такое письмо, в котором каждой фонеме соответствует отдельный знак. Попытка создания такого письма сделана в Англии; в 1964 г. в младших классах 233 школ в порядке эксперимента вводится преподавание нового алфавита, состоящего из 44 букв, отражающих фонематический строй английского языка.

ностью и возникает потребность пересмотреть их. Но хорошо известно, что лучшим является то правописание, которое не меняется. Следовательно, введение в свод орфографических и пунктуационных законов принципа вариативности (параллельное употребление *и* — *ы* в начале корней после префиксов для редких образований; двойное — слитное и раздельное — написание наречных единиц, представляющих переходной тип между наречиями и падежно-именными конструкциями; постановка отдельных знаков препинания и пр.) не расшатывает нормы, как может показаться, а наоборот, способствует их стабилизации.

Упрощает систему правописания ограничение семантического, или, как его еще называют, словесно-семантического принципа³. С его применением связаны наиболее казуистические правила орфографии (написание частицы *не* с прилагательными, немотивированное употребление прописной буквы, правописание отдельных типов наречий, сложных слов и под.). Орфографическая комиссия допускает замену всякого слитного написания *не* с прилагательными написанием раздельным (если слово употребляется без *не*). То, что подобная вариативность облегчает написание, не вызывает сомнений. Но, может быть, это создаст дополнительные трудности при чтении, однако читающему о значении слова говорит контекст.

В отличие от польского, чешского, словацкого и других славянских правописаний, русская, а вслед за ней украинская, белорусская и другие правописные системы употребляли прописную букву не только для различения нарицательных и собственных имен, но и для установления «степени важности» этих последних. В результате было неясно, как писать большинство зарубежных и международных организаций, так как правила рекомендовали парадоксальные написание: *Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов*, но *Всемирная федерация профсоюзов* и под. Рекомендуя употреблять прописную букву только в первом слове подобных названий, комиссия не только упрощает русскую орфографию, но и сближает ее в этом пункте с орфографиями большинства славянских народов.

К сожалению, оставлены в силе правила слитного, полуслитного и раздельного написания сложных слов. Непонятно, как можно было с такой тщательностью упрощать правила переноса, пользование которыми не вызывало особых трудностей, и вместе с тем оставить в силе слитные и полуслитные написания сложных прилагательных, хотя, как правильно отмечал М. В. Панов, «в языковом отношении, фонематически это разграничение ни на чем не основано: диеремные явления в обоих случаях одинаковы»⁴.

Как и во всякой незавершенной работе, в «Предложениях» имеется ряд спорных моментов и явных недосмотров. Их можно свести к следующим группам: недостаточное внимание к морфологическому принципу, который должен дополнять основной принцип — фонематический; непоследовательность в применении одного и того же принципа; недостаточная мотивированность отдельных правил; фрагментарность в изложении некоторых правил; неточные формулировки; противоречия в иллюстративном материале.

1. В литературе довольно часто можно встретить с мнением, что морфологический принцип полностью реализует себя в фонематическом. «Фонематический принцип, — пишет М. В. Панов, — почти всегда ведет к тому, что морфема передается в единообразном графическом облике; поэтому часто фонематический принцип называют морфологиче-

³ См.: А. Н. Гвоздев, Основы русской орфографии, в кн. «Избр. работы по орфографии и фонетике», М., 1963, стр. 79.

⁴ М. В. Панов, Об усовершенствовании русской орфографии, ВЯ, 2, 1963, стр. 93.

ским»⁵. Это действительно так. Однако сущность морфологического принципа не исчерпывается единообразной передачей морфем в разных окружениях. Он требует также однотипности в передаче парадигматически взаимосвязанных морфем. Этой особенностью морфологического принципа, на наш взгляд, пренебрегла Орфографическая комиссия, унифицируя правило о написании *и* после шипящих и *ц*. Употребление флексии *-и* в им. падеже мн. числа существительных муж. рода с основой на *ц* ведет к искусственному созданию нового типа склонения. Ср.:

стол — стол-ы — стол-ов
 нож — нож-и — нож-ей
 огурец — огурц-и — огурц-ов

2. Несколько странное впечатление производит сопоставление следующих положений: «Единственное возражение против введения *ци* во флексиях заключается в том, что буквосочетание *ц + и* частотно, привычно, изменение его кажется нежелательным. Однако внутренняя логика построения русской графики требует принятия написания *ци...*» и «Наиболее частотное слово *еще*, встречающееся как под ударением, так и без ударения, оставлено без изменения». Почему в одном случае высокая частотность принимается в расчет, а в другом — не принимается?

3. Применение принципа вариативности, как уже отмечалось, в целом положительно сказывается на простоте и стабильности орфографии. Однако варианты написаний нежелательны тогда, когда они могут вызвать смешение различных правил. В частности, сомнительна целесообразность допущения вариативности флексий в дательном — предложном падежах для существительных жен. рода на *-ия* и ср. рода на *-ие*. С введением такого правила женские имена на *-ия* и *-ья* будут писаться по-разному: к *Марии* и к *Марие*, но только к *Марье*; к *Евфросинии* и к *Евфросиние*, но только к *Авдотье*. Однако один вариативный ряд должен создать по аналогии другой, и рядом с формами *о Марии* — *о Марие* возникнут формы *о Марьи* — *о Марье*. То же самое произойдет и с формами предл. падежа существительных ср. рода. Воспоминание *о чудном мгновении* вызовет к жизни форму *о чудном мгновеньи*. Кстати, Орфографическая комиссия учитывает такую возможность в правиле о беглых гласных в формах род. падежа мн. числа жен. и ср. рода имен существительных на *-ья*, *-ье*. Мотивируя отказ заменить существующие формы *шалуний*, *ущелей* формами *шалуней*, *ущелей*, Комиссия пишет, что «у существительных ср. р., имеющих варианты на *-ье* и *-ие*, появились бы письменные варианты форм род. п. мн. ч.: *мгновений* (от *мгновенье*), *мгновений* (от *мгновение*)». Жаль, что оба правила не согласованы между собой.

4. Комиссия иногда излишне определенно обращается с терминами, содержание которых пока окончательно не установлено. Так, довольно просто решается вопрос о правописании частиц: «Пишутся отдельно все частицы, за исключением случаев, когда они входят в состав целых слов (*чтобы*, *также*), например: *бы(б)*, *ли(ль)*, *же(ж)*, *вот*, *кто* *нибудь*, *где* *либо*, *скажи* *ка*, *кто* *то*, *да* *с*». На каком основании *чтобы*, *также* считаются словами, а *где-либо*, *кто-нибудь* и под. не считаются? К такому правилу, очевидно, потребуются обширный комментарий с объяснением, какую совокупность морфем признавать и какую не признавать словом.

В принципе правильно решая вопрос о правописании частицы *не* с прилагательными и причастиями, Комиссия, на наш взгляд, не учла всех трудностей, которые будут возникать в применении новых правил. Ведь подчас трудно определить, какая форма является причастием, а какая прилагательным. Следует уточнить правило, указав, что разграничение

⁵ Там же, стр. 84.

причастий и прилагательных базируется на чисто формальных признаках (например, наличие или отсутствие причастных суффиксов).

В «Предложениях» признается очевидность факта, что *ы* и *и* являются позиционными вариантами одной фонемы: «буква *ы* обозначает твердость согласного +и». С этим мнением можно согласиться, однако нельзя не считаться и с существованием утверждений, что в отношении дополнительной дистрибуции находятся не [ы] и [и], а предшествующие им твердые и мягкие согласные.

5. Некоторые правила производят впечатление первоначальных набросков и в таком виде не могут быть приняты. Например, о написании *о* — *е* в иноязычных словах сказано: «Некоторые (?) заимствованные слова (*жюкей*, *жонглер*, *шокировать*, *шоссе*, *шофер* и др.) пишутся с буквой *о*». Нужно признать, что аналогичное правило в правописании 1956 г. сформулировано гораздо точнее.

Новые правила могут вызвать ряд вопросов о правописании глагольных форм с частицей *не*. В «Предложениях» сказано, что все глагольные формы пишутся с *не* раздельно. И все же, очевидно, это не распространяется на глаголы, которые без *не* не употребляются (*негодовать*, *ненавидеть*, *несдобровать* и т. п.) и на *не* в составе префикса *недо-* (*недовыполнить*, *недосмотреть*, *недоспать* и т. п.). Подобные случаи следовало бы оговорить специально.

Пока окончательно не разработано правило об упразднении двойных согласных в словах иноязычного происхождения, хотелось бы посоветовать не составлять списка исключений, предназначенных, как и все исключения, для механического зазубривания, а опереться на какой-либо определенный различительный признак для слов, в которых удвоение согласных сохраняется. Допустим, можно было бы рекомендовать удвоение сонорных согласных в двусложных словах (*ванна*, *вилла*, *манна*, *мирра*, *тонна*, но *бета*, *каса*, *масив* и пр.). Следует также решить, будет ли сохраняться удвоение согласных в иноязычных словах на стыке морфем (если в русском языке одна из морфем воспринимается как префикс: *революция* — *контрреволюция*) и в собственных именах иноязычного происхождения.

6. Некоторые правила сформулированы неточно, без учета их возможных толкований. Допустим, если следовать такому правилу: «В глагольных корнях гласные *и* и *е* чередуются: *сжигать* — *сжечь*, *постилать* — *постелю*, *растилать* — *растелю* и т. п.», то можно и нужно писать *стричь* — *стрегу*, *пилить* — *пелю* и *треснул* — *трищать*.

7. В предлагаемых правилах переносов сказано, что букву *ь* нельзя отрывать от предшествующей согласной: *подъезд*. Но ведь «Предложения» начинаются с правила о том, что в разделительной функции употребляется только *ь* (*подъезд*). Это явный недосмотр.

Анализируемые «Предложения» в их первом варианте вызывают ряд возражений. Однако нет сомнения в том, что внутренняя последовательность и научная аргументированность позволяют им быть основой будущих правил русской орфографии и пунктуации.

Предложения по усовершенствованию русской орфографии, представленные Орфографической комиссией, несомненно, улучшают русский правописный кодекс, делают его более простым, удобным и экономным, повышают информативность правил, вносят большую последовательность в проведение основного принципа русской орфографии — фонематического. Новые правила не только будут способствовать повышению грамотности населения, читающего и пишущего по-русски. Они помогут также в усовершенствовании орфографий других языков Советского Союза, в частности украинского.

М. А. Жовтобрюх, В. М. Русановский

Н. И. ЖИНКИН

О КОДОВЫХ ПЕРЕХОДАХ ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ

1. Тема настоящей статьи известна уже давно — это соотношение мышления и языка. Поскольку язык есть средство выражения мысли, можно было бы полагать, что структура этих средств должна соответствовать структуре мышления. Такой подход первоначально кажется вполне разумным: если в языке появятся излишние для выражения мысли средства, они отомрут как ненужные, и, наоборот, если в мышлении окажутся такие компоненты, которые никогда не найдут своего выражения в языке, это значит, что язык не является средством выражения мысли, что противоречит определению.

Однако известно, что концепцию полного совпадения языка и мышления фактически осуществить не удалось. Наоборот, было показано, что структура суждения как единица мышления не совпадает со структурой предложения как единицей языка. Отрицательный ответ только усложняет проблему, так как остается в силе положение о том, что всякое средство должно соответствовать цели. Поиск соответствий между языком и мышлением продолжался. Получившийся вывод поучителен. В настоящее время почти единодушно признается, что интонация выполняет синтаксическую функцию. А так как предикат суждения маркируется в предложении при помощи интонации (логическое ударение), то интонация была признана тем дополнительным языковым средством, при помощи которого снова восстанавливается соответствие языка и мышления. При таком подходе мышление фактически переводят в систему языковых средств и называют, например, логико-грамматическим уровнем (или слоем) языка (поскольку, в частности, о субъекте и предикате суждения можно узнать, только изучая текст и средства языка). Тем самым экстралингвистический факт превращается в лингвистический, а решаемая проблема, по сути дела, снимается. Однако при этом подходе поучителен и положительный результат, позволяющий рассматривать суждение в аристотелевском смысле не как модель процесса мышления, а как форму изложения мысли, т. е. как средство языка¹.

¹ Концепция логико-грамматического слоя языка разрабатывается В. З. Панфиловым (см. его работу «Грамматика и логика», М.—Л., 1963) и не может быть специально затронута здесь. Признавая правомерность выделения в натуральном языке логико-грамматического слоя, заметим в то же время, что было бы точнее говорить о двух языках — логическом и грамматическом, сплетенных в одну структуру. Оба эти языка целиком формальны. При таком подходе лексика будет учитываться как пограничная подсистема, представленная в виде номеров абстрактного лексикона. Мышление включается в момент реализации этого двухзвенного языка, и тогда лексика приобретает реальное значение. Необходимость двух языков, соединенных в одну структуру, определяется тем, что грамматика беспредметна, а логика задает предметный вектор (или, по В. З. Панфилову, обладает предметной отнесенностью). Несовпадение структур логики и грамматики обеспечивает возможность фиксации определенной мысли механизмом высказывания. Известно, что предложение, состоя-

Представление о том, что аристотелевская логика относится к плану выражения, а не выражаемого, не ново, но вся острота этого положения обнаруживается в наибольшей мере при постановке проблемы мышления и языка. Оказывается, что при обсуждении этой проблемы во все времена и при разнообразных ее решениях происходила незаметная подмена понятий. Мышление рассматривалось то как экстралингвистический факт, то как логико-грамматический слой языка, обнаруживаемый лингвистическими методами. Проблема становилась неопределенной, так как оставалось неясным, что называть мышлением и что языком.

Можно решить этот вопрос формально и избежать «учетверения терминов». Все то, что относится к плану выражения, т. е. самые средства выражения, будем называть языком.

Язык рассматривается как система знаковых противопоставлений. Добавление или удаление хотя бы одного из средств выражения (знака или правила связи знаков) составит новый язык. Выбор означаемого и передача этой выборки партнеру образуют сообщение. В таком случае мышлением может быть названа деятельность, осуществляющая эту выборку.

В некоторых случаях легко обнаруживается полный параллелизм языка и мышления. Представим себе язык, состоящий из ограниченного числа только имен. В таком языке будет однозначное соответствие между каждым именем и актом называния. Даже если усложнить язык, кроме имен ввести другие разряды слов и добавить какие-либо правила, но оставить фиксированность языка, т. е. прекратить генерацию языковых средств, сохранится полное соответствие языка и мышления. Это распространяется на всякий мертвый язык: вследствие конкретной единичности контекстных значений мертвый язык всегда будет содержать конечное число высказываний. Живой человеческий язык не фиксирован. Посредством ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний. Это достигается благодаря особому механизму — механизму мета-языка, который работает, как пульс, в каждом языковом акте. Всякое высказывание производится в расчете на то, что в данной ситуации оно является новым для воспринимающего партнера. Поэтому и набор языковых средств должен стать новым. В момент сообщения происходит перестройка обозначений. В отношении $\frac{\text{язык}}{\text{содержание}}$ изменяются оба ряда. Таким образом, соответствие языка и мышления обнаруживается снова. Однако в отличие от фиксированного языка, который является раз и навсегда заданным, живой язык, содержащий два звена — сам язык и мета-язык, — становится саморегулирующейся системой. В этих условиях должно измениться и понятие о мышлении: его следует рассматривать как деятельность конструирования, посредством

щее из двух и более слов, содержит больше чем одно высказывание (суждение). Эта неопределенность устраняется контекстом, при помощи которого отбирается один предикат из нескольких возможных, причем именно этот предикат (*P*) считается **н о в ы м** в высказывании (несет основную информацию). Однако линейное называние предикатов не было бы результативным, если бы цепи предложений не образовывали структурные единицы текста. Зерном такой единицы можно считать субъект высказывания — то, о чем мы говорим, полагая, что об этом и надо говорить. В таком случае этот субъект (*S*) и будет **н о в ы м** в высказывании. Для построения каждого отдельного предложения достаточно грамматики, для развития же текста необходимо взаимодействие этих двух языков образует механизм формирования текста. Субъект высказывания (*S*), подразумеваемый в группе предложений, является **н а к о п и т е л е м** предикатов, распределенных в словах каждого предложения. Но этот механизм работает лишь в момент его реализации в лексике. Ни в грамматике, ни в логике, отдельно взятых, нет мыслей. Поэтому выделение или логико-грамматического слоя, или двух языков еще не решает проблему мышления и языка.

которой производится отбор как содержания, так и языковых средств из трудно обозримого множества компонентов. Трудность решения такой задачи обнаруживается хотя бы в том, что передающий сообщение добивается лишь частичного понимания у воспринимающего партнера.

Хотя каждое высказывание единично, язык в целом представляет собой систему общих форм. Но если бы даже удалось полностью формализовать язык, в остатке бы оказалось все то, для чего язык существует, — речевое действие. Но именно в этом действии и обнаруживается мышление. Формализуется система языка, сам же язык приобретает жизнь в процессе р е а л и з а ц и и системы. Проблема языка и мышления как раз и относится к реализации, а не к структуре языка. Именно поэтому разные направления структурализма в лингвистике стремятся обойтись без понятия мышления.

Вообще говоря, изолированное выделение какой-либо структуры может привести к универсализму. Когда границы предметных структур не определены, одна из них (например — языковая система) кажется доминирующей, и тогда неизбежно возникает антивомия. Действительно, возможны два вывода — как тот, что знаковая система определяет мышление, так и тот, что мышление определяет знаковую систему. Знаки конвенциональны, а их система определяется лишь внутренними, формальными критериями. Поэтому языков может быть много и каждый из них будет «выбирать» в обозначаемом то, что в состоянии выразить данная знаковая система. Это и значит, что язык определяет мышление. Но, с другой стороны, как только язык начинает применяться, на конвенциональность его знаков накладываются сильные ограничения: хотя знак и можно заменить другим, но если такой знак уже создан, то именно потому, что он конвенционален, его лучше сохранить. Фактически оказывается, что знаки языка живут своей жизнью и сопротивляются произвольным заменам. Но самое существенное состоит в том, что язык, давая возможность выразить бесконечно много мыслимых содержаний, не может выполнять эту роль без интерпретаций. В то же время из природы отношения $\frac{\text{язык}}{\text{содержание}}$ вытекает, что не может быть задано никакой содержательной интерпретации бессодержательной знаковой системе языка. Это значит, что интерпретация привносится со стороны и что мышление определяет язык. В результате, таким образом, проблема о соотношении мышления и языка продолжает оставаться нерешенной.

При решении обсуждаемой проблемы в течение всего, вообще говоря, плодотворного периода развития языкознания от логицизма и психологизма до структурализма допускался один промах — по характеру проблемы надо было от лингвистики перешагнуть в экстралингвистическую область, но это не было сделано. В одном случае были смешаны логика и грамматика, в другом — грамматика впитала в себя логику, в третьем — от языка отторгалось всякое содержание. Во всех случаях лингвистика оставалась в изоляции.

Та экстралингвистическая область, которую следовало привлечь при исследовании обсуждаемой проблемы, — это мышление, но не его логические формы, а самый процесс мышления, т. е. явление психологическое (так называемый психологизм в лингвистике не имел никакого отношения к предмету психологической науки). Если же лингвистика и психология откажутся от исследования реального процесса мышления, они понесут весьма значительную потерю — выпадает сам говорящий человек, его речь. До недавнего времени говорящий человек был вне поля зрения как психологии, так и лингвистики. Исследуя историю и современную систему данного национального языка, лингвистика оставляет в стороне

вопрос о том, как реализуется эта система, как говорят на этом языке люди. Это относится ко всем аспектам языка.

Применению элементарных принципов общей теории коммуникации позволяет целиком отклонить индивидуалистическую концепцию мышления. Прежде всего очевидно, что индивид раньше должен усвоить мысли, созданные множеством людей предшествующих поколений, и только после этого он становится способным участвовать в процессе дальнейшей разработки некоторой системы мыслей. Мысль вырабатывается не отдельным человеком, а в совместной человеческой деятельности. Для того чтобы участвовать в дальнейшей разработке некоторой системы мыслей, необходимо результаты интеллектуальной работы одного человека «транспортировать» в голову другого. Таким «транспортёром» мысли является язык, а его реализатором — речь. Речь содержит неизмеримо больше информации, чем язык. Она содержит информацию: а) о языке, б) о той части действительности, о которой говорится в речи, и в) о говорящем человеке во многих аспектах. В языке нет мыслей, они находятся в речи. Однако это не значит, что вместо проблемы «мышление и язык» следует говорить о проблеме «мышление и речь». Наоборот, научный смысл имеет именно проблема мышления и языка, так как мысль «транспортируется» в речи средствами языка. В языке должно быть нечто такое, что способно фиксировать мысль и передавать ее через речь. Проблема состоит в том, чтобы исследовать стык между языком и речью, узнать, в какой форме зарождается у человека мысль и как она реализуется в речи.

Этих предварительных замечаний достаточно для того, чтобы разъяснить значение термина «код» («кодирование»), в котором он применяется в этой статье.

О коде можно говорить в двух смыслах.* Кодом иногда называют самую знаковую систему обозначений. В таком случае язык — это код. Но кодом можно назвать и способ реализации языка. Это следует понимать так. Какое-нибудь слово, например *стол* или *лошадь*, может быть дано (и это заметил еще И. П. Павлов) или как слово слышимое, или как видимое (в буквах), или как произносимое; к этому добавим, что слово может появиться как осязаемое (по азбуке Брайля), как зрительно-двигательное (пальцевая речь) и др. Все это разные коды. При этом слова *стол* и *лошадь* как элементы системы языка остаются тождественными во всех этих разных кодах. Таким образом, код в этом значении представляет собой систему материальных сигналов, в которых может быть реализован какой-нибудь определенный язык. Отсюда видно, что возможен переход от одного кода к другому. В отличие от этого переводом лучше назвать эквивалентное преобразование одной языковой формы в другую.

В дальнейшем будут рассматриваться коды реализации натурального языка. В круговороте кодовых переходов надо найти самое неясное, самое неуловимое звено — человеческую мысль, внутреннюю речь. Это несомненно экстралингвистическое явление, но интересное для лингвистики.

2. Принятые допущения. Как фактически происходит процесс мышления, можно узнать только экспериментально. В дальнейшем будет изложен один из экспериментальных подходов к решению некоторых относящихся сюда вопросов. Ставится прежде всего следующая проблема: осуществляется ли процесс мышления средствами только данного натурального языка? Для ответа на этот вопрос распорядок эксперимента должен был опираться на некоторые допущения.

А. Если испытуемый по словесной инструкции выполнял такие задания, как опознавание содержания предьявляемых картин и рассказ о них, сосчитывание точек или клеточек рааграфленой бумаги в количестве 20—30, чтение текста и пересказ его содержания, составление предложе-

ния из заданных слов, простые арифметические действия в уме и т. п., то принималось, что у испытуемого происходит мыслительный процесс.

Б. Для учета только тех явлений, наблюдение над которыми требовалось согласно поставленной проблеме, была допущена следующая абстракция, определяющая экспериментальную модель. Испытуемый рассматривался как система, способная принять заданную информацию, ее адекватно переработать и выдать. Адекватность переработки определялась по правильности ответа (объективные критерии правильности устанавливались заранее). Задачи, которые ставились перед испытуемым, требовали устного ответа, т. е. выход систем являлся речедвигательным.

В. Так как испытуемый контролировал речедвижения, предполагалось, что одновременно не могут быть осуществлены другие, также контролируемые движения, хотя бы они и не были речевыми, например, ритмические постукивания рукой. Иначе говоря, допускалось единство контролирующего пункта центральной управляющей системы, посылающей двигательные команды.

3. Методика исследования. Буквенный и звуковой коды адресуются ко входу речевой системы. Это коды приема и соответственно — понимания речи. Естественно допустить, что продуктивное мышление, если оно осуществляется средствами языка, может реализоваться только в речедвигательном коде. Это положение, высказанное еще 100 лет назад И. М. Сеченовым, многократно подтверждалось экспериментально. В последнее время в очень точных опытах А. Н. Соколова было показано, что при решении испытуемым разных интеллектуальных задач, в особенности в начальных опытах, от речевых органов (язык, губы) при помощи специальных электродов могут быть отведены и усилены биопотенциалы или токи действия². Однако при повторных решениях задачи того же типа биопотенциалы ослабевают и часто пропадают на весь дальнейший период решения задачи.

Допущение (В), изложенное выше, позволяет построить методику торможения речедвижений в процессе внутренней речи и тем самым выяснить, реализуется ли мышление только в речедвигательном коде или существует и другой код, не связанный непосредственно с формами натурального языка. Поскольку в русском языке слова обладают сильно централизованным и разноместным ударением, в цепи слов динамическое выделение слогов является не регулярно, и текст не организован метрически. Если от испытуемого одновременно с решением интеллектуальной задачи потребовать контролируемого ритмического постукивания рукой, то, согласно допущению (В), единый управляющий центр не сможет управлять одним выходом одновременно по двум алгоритмам. Это легко проверить. Если во время громкого чтения выстукивать рукой определенный метр, то или чтение прекращается или рука сбивается с метра. Таким образом, можно допустить, что выстукивание определенного метра рукой будет тормозить или нарушать не только экспрессивную, но и внутреннюю речь, так как в обоих случаях речь осуществляется через импульсы на речедвигательный анализатор. Предварительные опыты показали, что нарушение двух рядов движений происходит только в том случае, когда оба эти ряда организованы разнометрически. Если при метрическом постукивании задача решается без помех, как и без постукивания, следует сделать вывод, что средства, при помощи которых решалась эта задача, были не языковыми.

Процедура опытов, производившихся в дальнейшем, состояла в следующем. Было составлено два ряда задач, аналогичных по характеру и

² См.: А. Н. Соколов, Динамика и функции внутренней речи (скрытой артикуляции) в процессе мышления (По данным электрографии речевой мускулатуры), «Изв. Акад. пед. наук РСФСР», 113, 1960.

равнотрудных. По случайному выбору каждому из испытуемых предлагались задачи из обоих рядов. Одна проводилась с постукиванием, другая без него. Группы опытов с постукиванием и без него распределялись во времени так, что испытуемый не мог заметить попарного соответствия задач. Постукивание производилось тупой металлической палочкой по металлической пластинке, прикрепленной к пневматическому прибору, при помощи которого происходила запись постукивания на ленте кимографа. Учитывались правильность и полнота ответа и соблюдение метра постукивания. Давался всегда один и тот же метр [— ∪ ∪ ∪] — ∪], который предварительно выучивался испытуемым до безошибочного воспроизведения. Время регистрировалось секундомером с точностью до 1 секунды. Испытуемый был отделен от экспериментатора экраном. Регистрирующая аппаратура находилась вне поля зрения испытуемого.

4. Р е з у л ь т а т ы. Полученные результаты могут быть распределены на две основные группы: а) вариации в зависимости от индивидуальных особенностей испытуемого и б) вариации в зависимости от характера решаемой испытуемым задачи. Здесь нас будут интересовать только случаи вида (б). Важно также выделить такие случаи, когда всем испытуемым, независимо от индивидуальных особенностей, метрическое постукивание или резко мешает или безразлично.

Первоначально были проведены опыты с чтением про себя отрывков из текстов разного жанра (повесть, научный текст, газетный и т. п.). Оказалось, что существует достаточно большая группа испытуемых, для которых метрическое постукивание не оказывает мешающего действия на понимание текста и объем его воспроизведения. Другим испытуемым постукивание мешало: нарушался преимущественно метр постукивания. У обеих групп испытуемых постукивание субъективно вызывало большее напряжение, чем чтение без постукивания. Однако воспроизведение прочитанного оставалось достаточно хорошим. Эти результаты оказались для экспериментатора неожиданными, так как предполагалось, что хотя бы часть слов должна была проговариваться про себя; кроме того, ожидалось, что разнообразие синтаксических членений в разных предложениях также скажется на мешающем действии метра. Однако значительное усиление мешающего действия метра не наблюдалось.

Для предварительного объяснения этих результатов была проведена другая серия опытов, в которой испытуемому разрешалось в процессе чтения про себя произвольно менять метр постукивания. В этих условиях, во-первых, пропала субъективно ощущаемая напряженность работы, во-вторых, понимание и воспроизведение текста в опытах с постукиванием у всех испытуемых не отличалось от показателей в опытах без постукивания. Следует думать, что в этом варианте метр постукивания определялся ритмом чтения про себя, т. е. доминантой стали акценты чтения про себя, а субдоминантой переменный метр постукивания. Это дало возможность объяснить и результаты первой серии опытов с заданным метром постукивания. Здесь доминантой становился тот заданный метр, под который некоторые испытуемые могли прочитать про себя тексты. Другие же испытуемые сбивались с метра.

Однако даже при этом, весьма вероятном объяснении результаты первой серии опытов все же оставались мало определенными. Возникал вопрос о степени точности, с какой сама методика реагирует на речедвигательный код. Надо было найти такую мыслительную задачу, решение которой всегда и у всех испытуемых резко затруднялось бы при введении метрического постукивания, а это означало бы, что данная задача может решаться только в речедвигательном коде и ни в каком другом.

Такой задачей оказался порядковый счет, а именно пересчет клеточек (не более 18—25) разграфленной бумаги. Оказалось, что введение метрического постукивания резко нарушало весь процесс. Все без исключения испытуемые или сбивались со счета или постукивали неправильно, время подсчета увеличивалось вдвое, а иногда и втрое. Когда по инструкции требовалось сосчитать те же 20 клеточек, начиная, например, с *пятьсот шестьдесят один* и т. д., время опыта увеличивалось еще больше, возрастали и неправильности.

Результаты этой серии опытов показывают, что методика метрического постукивания является достаточно точным средством для обнаружения во внутренней речи речедвигательного кода. Но надо было апробировать методику и в части перехода от одного кода к другому. Ранее было установлено, что метрическое постукивание не нарушает процесса чтения про себя. Следовало выяснить, при каких условиях буквенный код преобразуется в речедвигательный. Для решения этой проблемы испытуемым предлагалось прочитывать предложения на русском языке, записанные латинскими буквами. Несмотря на то, что испытуемые вполне владели латинским алфавитом, в опытах с постукиванием время чтения возрастало в 3—5 раз по сравнению с аналогичным опытом без постукивания; нарушался и метр постукивания. В тот же экспериментальный сеанс через 3—4 опыта время чтения стало постепенно уменьшаться, и постукивание мешало все меньше и меньше. Такие же результаты получились и при чтении незнакомых слов, написанных русскими буквами, *динитрофенолдиамин*. Из этих опытов можно было сделать вывод о том, что речедвигательный код является первичным, а буквенный — вторичным, производным от двигательного. Как только слово усвоено мозгом в речедвигательном коде, его значение может реализоваться в буквенном коде, а речедвигательный будет вступать в силу только при каких-либо затруднениях узнавания написанного слова. Теперь стало ясно, почему в первых сериях при чтении текстов разного жанра постукивание мешало только в редких случаях. Значения слов могут фиксироваться в буквенном коде без перехода в двигательный, иначе говоря, слова опознаются как некоторые простые, цельные образования, не распадающиеся на слоги.

Этот вывод подтверждает положение о том, что слог является производительной единицей, а слово — единицей семантической. Именно поэтому слова могут быть приняты и поняты без слогоделения. Вообще говоря, этот вывод достаточно тривиален, так как заранее ясно, что слог семантически иррелевантен. Однако следует подчеркнуть и другую, менее тривиальную сторону проблемы. Слог и слово — это единицы разных планов. Слог — речевая единица, слово — языковая. И хотя речь реализует язык, двигательный речевой код является первичным, а языковой, буквенный — вторичным. Язык создается в речи и постоянно в ней воспроизводится. Слово должно быть усвоено в динамике слогоделения прежде, чем перейдет в буквенный код.

После проверки методики метрического постукивания можно было приступить к опытам основной серии. Следовало поставить вопрос о механизме формирования предложения в процессе мыслительной деятельности. Это и есть психологический аспект проблемы мышление и язык. Задача решалась в нескольких специальных подсериях опытов, которые позволяли подойти к процессу формирования предложения с разных сторон. В первой подсерии изучался вопрос о преобразовании неосмысленного конгломерата слов в осмысленное сочетание. Для этого наугад взятое предложение рассыпалось на слова, ряд которых попеременно предъявлялся испытуемому в письменном виде. При этом сохранялись все словоформы. Например, предъявлялся такой набор: *доступно, доказано, физкультурой, и, всякому,*

заниматься, давно, наукой, полезно, приятно, это. Следовало составить предложение: *Заниматься физкультурой полезно, приятно и всякому доступно — это давно доказано наукой.* Каждый испытуемый составил по 15 пар таких наборов (в вариантах с постукиванием и без него). Количество слов в парах изменялось от 4 до 25.

В этих опытах метрическое постукивание не нарушало работы испытуемого, но они отмечали некоторую субъективную напряженность. Несмотря на предшествующие подготовительные опыты, этот результат все же оказался неожиданным. Испытуемый должен был понять или догадаться о заданном тексте при помощи активного сопоставления разрозненных слов. Казалось, отбор и пробы разных комбинаций слов должны были происходить во внутреннем проговаривании. Фактически процесс осуществлялся иначе. Испытуемые понимали значение слов в буквенном коде. Отсюда следует, что лексическое значение может фиксироваться и передаваться любым произносимым знаком. Следует также, что синтаксическая конструкция как форма соединения слов может быть произносима и поэтому безакцентна. Все испытуемые говорят, что синтаксический оборот приходит в голову сразу, как нечто целое. Время в этих опытах идет на то, чтобы, мысленно сопоставляя слова, ждать, когда «всплывет» подходящая конструкция. Надо заметить, что в процессе работы иногда все же появляются редкие перебои метра постукивания. В самом конце каждого опыта испытуемый обычно внутренне проговаривает уже найденное предложение — это заметно по ошибкам в постукивании. (По инструкции испытуемый в этот момент должен прекратить опыт и громко произнести ответ.)

Результаты этой подсерии не следует понимать так, что человек всегда при решении подобных задач пользуется только буквенным кодом. Очень возможно, что в опытах без постукивания испытуемые переходили на двигательный код; однако от этого решение задачи не убыстрялось и не улучшалось, хотя субъективная напряженность пропадала. Переход на буквенный код и безакцентное связывание слов в предложении мог происходить вследствие усложненных условий при решении задачи, а именно метрического постукивания. Таким образом, эта подсерия опытов доказывает только то, что при осмыслении бессмысленного набора слов можно обойтись во внутренней речи без двигательного кода. Тогда буквенный код необходим, но недостаточен, так как прием значений отдельных слов недостаточен для понимания смысла всего предложения. Остается неясным, какой же еще существует четвертый код, применение которого и обеспечивает осмысленное сопоставление знаков.

Во второй подсерии основных опытов исследовался другой вариант той же задачи. Теперь требовалось изменить синтаксическую структуру исходного письменного материала, который предъявлялся испытуемому в виде простых предложений, например: *Больна Лиза. Это Королев понял из разговора. Лиза девушка двадцати лет. Она единственная дочь Ляликовой. Лиза ее наследница.* Следовало составить: *Из разговора Королев понял, что больна Лиза, девушка двадцати лет, единственная дочь Ляликовой и ее наследница.*

Задачи этого вида решались в опытах с метрическим постукиванием очень легко, без увеличения времени и с очень редкими перебоями в метре постукивания. Результат подтверждает вывод из предшествующей подсерии опытов о том, что синтаксическая структура может быть использована в безакцентной форме. Это положение представляет общий интерес и противоречит распространяющемуся сейчас мнению о том, что интонация является одним из неотъемлемых средств синтаксического членения. Проведенные опыты позволяют думать, что синтаксические членения являются указателями осмысления слов до их реализации в интонации. Речь

экспрессивная (в речедвигательном коде) и импрессивная (в звуковом коде), конечно, будет синтаксически члениться при участии интонации. Но в наших опытах исследовался не вход и выход речевой системы, а центральное звено переработки словесных сообщений, внутренняя речь. Эксперимент показывает, что изучаемое звено относится к области кодовых переходов. Последовательно рассуждая, этого и следовало ожидать, но все же и вторая подсерия опытов не показала отчетливо, существует ли особый код внутренней речи и в чем состоят самые кодовые переходы.

То же получилось и в третьей подсерии основных опытов. Они были задуманы с тем, чтобы усилить речедвигательный код внутренней речи. Испытуемому предлагался в письменном виде конец какого-то предложения (например, . . . с железной крышей и ржавыми окнами), требовалось «сочинить» его начало (например, *Вдали оказался дом с железной крышей и ржавыми окнами*). Очевидно, что правильных ответов может быть больше, чем один. В этих опытах нужные слова не были зафиксированы в буквенном коде, их надо было активно искать в памяти. Казалось бы, такой отбор мог быть проведен только с участием речедвигательного анализатора. Однако эксперимент показал, что метрическое постукивание и здесь не было помехой. Испытуемые говорили, что еще до внутреннего произнесения слов им ясно, как в каждом отдельном случае можно по смыслу составить предложение. Но из объективных данных нельзя было установить, как реализуется этот смысл. Он не мог реализоваться ни в двигательном, ни в буквенном кодах; звуковой же код адресован к слуху как приемнику речи, а экспериментальная задача требовала не присма, а синтеза речи. Предположение, что смысл появляется в каком-то «чистом» виде, вне всякой материальной, знаковой реализации, как это когда-то думали представители вюрцбургской школы психологов, противоречит элементарным допущениям.

Трудность обнаружения кода, специфического для внутренней речи, возникла вследствие того, что обычные три кода — буквенный, речедвигательный и звуковой — у испытуемых были вполне автоматизированы. Вследствие этого кодовые переходы были очень быстрыми и не только не замечались испытуемым, но и не поддавались объективному учету, к тому же методика реагировала только на двигательный код. Надо было замедлить процесс решения мыслительной задачи и ввести новый, малопривычный код для приема сообщений. Такой подход подсказывался опытом с применением латинского алфавита при чтении русских слов; тогда введение непривычного кода приводило к замене буквенного кода на двигательный. Теперь надо было применить такой входной код, который во внутренней речи переходил бы в двигательный, но при этом оставались бы широкие возможности в условиях постукивания для нового кодового перехода, чего не могло быть, например, в опыте с подсчетом клеточек.

Таким входным кодом был выбран тактильный. В ладонь испытуемого, которая была отгорожена от него экраном, экспериментатор вписывал тупым стилетом простые фигуры: палочка; кружочек; крестик; две палочки; два кружочка. Из них в зависимости от последовательности элементов могли составляться разные ряды. Задача испытуемого состояла в том, чтобы опознать элементы ряда, запомнить их и после окончания опыта воспроизвести. Без метрического постукивания обычно запоминали пять-шесть элементов ряда. Все испытуемые замечали способ запоминания. По ходу вписывания фигур они проговаривали про себя примерно так — *две палочки | две палочки, кружочек | две палочки, кружочек, крестик | две палочки, кружочек, крестик, два кружочка*, и т. д. Этот прием они называли суммированием, т. е. при вписывании нового элемента проговаривались все ранее вписанные.

При введении метрического постукивания у всех испытуемых появилась экспериментальная амнезия. Воспроизводилось только два, редко три элемента, остальные, хотя и опознавались при вписывании, но потом забывались, так как постукивание вытесняло проговаривание про себя названий элементов. Через один или два экспериментальных дня некоторые испытуемые неожиданно для экспериментатора стали в опытах с постукиванием с легкостью воспроизводить все пять, шесть элементов, т. е. столько же, сколько и без постукивания. Стало ясным, что они перешли на какой-то другой код при решении этой задачи. Мы опишем коды, найденные двумя испытуемыми.

Испытуемый М. перед опытом с постукиванием уже составил правило перевода слов русского языка на предметно-схемный язык. Так, он представлял себе елку, когда вписывалась палочка; когда вписывался в ладонь крестик, — что елку вставили в крест; при вписывании следующих элементов — кружочка, палочки, двух кружочков, крестика — он продолжал развивать этот же сюжет: на елку повесили круглое украшение, потом длинное украшение, на верх елки крестик. В следующий раз тот же испытуемый применил новую разновидность того же кода. Другой испытуемый применил безакцентный двигательнопредметный код. Испытуемый обозначил находившихся в комнате экспериментатора палочкой, а его ассистента — кружочком. Запоминание происходило так: при вписывании палочки испытуемый взглядом глаз или легким поворотом головы обращался к экспериментатору, при вписывании кружочка — к ассистенту. Две палочки — два взгляда в сторону экспериментатора; два кружочка — два поворота в сторону ассистента; крестик — специальное покачивание головой и т. д.

5. Гипотеза языка внутренней речи. Выражение «язык речи» кажется бессмысленным. Но если обратиться к той области, где нет различия между языком и речью, где средства обозначения и их реализация совпадают, где кодовый переход и перевод одно и то же, тогда есть смысл говорить о каком-то данном языке, который является языком только данной речи, приспособленной к данной ситуации. Такой язык должен отличаться некоторыми особенностями.

Описанный выше предметно-схемный код, обнаруженный у разных испытуемых, может быть охарактеризован некоторыми общими чертами. Во-первых, это код непроизносимый, в нем отсутствуют материальные признаки слов натурального языка. Здесь нет последовательности знаков, а есть изображения, которые могут образовать или цепь или какую-то группировку. Этот код отличается от всех других тем, что обозначаемое других языков в этом новом коде является вместе с тем и знаком. Когда мы говорим: *Большой театр*, то за буквами или звуками языка разумеется самое вещь — Большой театр. Когда же мы представляем себе Большой театр, то независимо от каких-либо букв или звуков, мы имеем в виду самое эту вещь как предмет, могущий породить множество высказываний (например, мысль о том, что находится справа, слева, свяди от Большого театра и т. п.). Поэтому такой код и может быть назван предметным.

Вместе с тем представления как изобразительные компоненты этого кода схематичны. Испытуемый представлял себе, например, елку и елочные украшения лишь как заместителей палочки и кружочка: палочки, крестики и кружочки сами по себе никак не связаны, поэтому и плохо запоминаются, елка же предметно связана с елочными украшениями. Тем не менее, эта связь схематична. Предметы, сведенные к такой схеме, составляют единство, каждый элемент которого непроизносим, но по которому можно восстановить произносимые слова любого языка, если есть правила

перевода, а они элементарны, так как предметы уже названы в натуральном языке. Такой предметный код представляет собой у н и в е р с а л ь н ы й я з ы к, с которого возможны переводы на все другие языки.

Язык внутренней речи свободен от избыточности, свойственной всем натуральным языкам. Формы натурального языка определены строгими правилами, вследствие чего соотносящиеся элементы когерентны, т. е. наличие одних элементов предполагает появление других, — в этом и заключена избыточность. Во внутренней же речи связи предметны, т. е. содержательны, а не формальны, и конвенциональное правило составляется *ad hoc*, лишь на время, необходимое для данной мыслительной операции. Как только мысль переработана в форму натурального языка, кодовый, мыслительный прием может быть забыт.

Без изобразительного языка внутренней речи был бы невозможен никакой натуральный язык, но и без натурального языка деятельность внутренней речи бессмысленна. Натуральный язык является для участников общения средством выработки такого субъективного кода, который, будучи переведен на натуральный язык, сделал бы возможным самый процесс общения и соответственно сравнения разных субъективных представлений и сглаживание различия между ними.

Применение натурального языка возможно только через фазу внутренней речи. Решить мыслительную задачу — это значит найти контролируемый выход из ситуации, в определенном отношении новой. В языке это отображается в переосмыслении лексических значений. Слово не может обладать постоянным значением. Иначе при ограниченном количестве слов было бы ограниченное число высказываний, и вновь возникающие предметные ситуации не могли бы быть высказаны. Поэтому в процессе общения неизбежно меняется интерпретация лексики в силу того, что контекст определяет переосмысление лексических значений. Мысль в ее содержательном составе всегда пробивается в язык, перестраивает его и побуждает к развитию. Это продолжается непрерывно, так как содержание мысли больше, чем шаблонно-узуальные возможности языка. Именно поэтому зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде: представление так же, как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний. Это затрудняет речь, но побуждает к высказыванию.

Таким образом, механизм человеческого мышления реализуется в двух противостоящих динамических звеньях — предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь). В первом звене мысль задается, во втором она передается и снова задается для первого звена. Именно эта двухзвенность механизма человеческого мышления резко отличает его от искусственных устройств с применением формально-логических средств переработки поступившей информации. В последнее время усиленно разрабатывается идея перцептрона, механизма, опознающего изображение, и, вероятно, наступит момент, когда такие устройства войдут в практику. Однако машинный язык, перерабатывающий информацию, поступающую от изображений, сам не является изображением. Это дискретный символический язык. У человека же изображение входит в самый состав его мышления. Бесконечность отражаемого мышлением мира обеспечивает безграничные возможности постоянно возрождающегося во внутренней речи натурального языка.

Правдоподобность гипотезы о предметно-изобразительном коде языка внутренней речи может быть подтверждена как некоторыми дополнительными опытами, так и обыденными наблюдениями. Во всех случаях, когда испытуемые рассматривают картину с инструкцией запомнить ее содержание, с тем чтобы впоследствии рассказать о ней, метрическое постукива-

ние не оказывает никакого мешающего воздействия. Это значит, что изображение распознается и запоминается в своем предметном коде, а поэтому словесный отчет о нем может быть отложен до момента воспроизведения представлений. Бывали случаи, когда испытуемый во время постукивания пересматривал несколько наглядных решений задачи, или, отвлекаясь от задачи, вспоминал ряд эпизодов из своей жизни. Такой опыт длился одну-две минуты, в то время как устный отчет испытуемого о решениях задачи или рассказ о жизненных эпизодах продолжался не менее 10—15 минут. Ясно, что эти две минуты, в которые укладывался весь опыт, испытуемый не мог работать путем проговаривания. Код, на котором осуществлялся мыслительный процесс, был менее избыточен, чем натуральный язык. То же самое может наблюдать каждый в процессе письма. Предметы и взаимоотношения между ними мысленно просматриваются нами быстрее, чем мы можем об этом говорить, тем более, писать; мы вспоминаем какие-либо явления иначе, чем говорим о них.

Язык есть средство передачи сообщений — это его коммуникативная функция. Но считают также, что язык в то же время — и средство мышления, и это его экспликативная функция. Однако, если под языком понимать всю систему его формальных средств, возведенных в норму, то такой язык вследствие избыточности плохо выполнял бы эту экспликативную функцию, оставаясь вполне пригодным для выполнения функции коммуникативной. Вообще же говоря, никому еще не удалось показать на фактах, что мышление осуществляется средствами только натурального языка. Это лишь декларировалось, но опыт обнаруживает другое.

6. Некоторые общие выводы. Если принять, что язык как таковой может быть представлен в виде отношения: $\frac{\text{выражение}}{\text{выражаемое}}$, то «языков» окажется больше, чем один, так как могут быть применены разные знаковые системы выражения. Если также принять, что любой язык есть средство общения людей, то должен существовать только один достаточно понятный язык, порождающий другие языки. Действительно, понимание может осуществиться только в том случае, когда у партнеров общения будет что-то общее. Общим для людей является предстоящая им действительность. Представления же как отражение действительности субъективны и не могут быть переданы непосредственно от одного партнера к другому; поэтому нельзя узнать, какая часть содержания этих представлений совпадает у разных партнеров. Операция обозначения позволяет выделить дискретные элементы содержания представлений, которые в знаковой системе натурального языка могут передаваться от одного партнера к другому и сравниваться. В результате формируются и каждым усваиваются общественно отработанные понятия как критерии взаимного понимания. Взаимодействие внутреннего, субъективного языка и натурального, объективного образует процесс мышления. Мышление — это общественное, а не индивидуальное явление. Мысли вырабатываются в совместной деятельности людей. Понимание — это перевод с натурального языка на внутренний. Обратный перевод — высказывание.

В самом натуральном языке можно обнаружить новое взаимодействие двух языков. Для понимания необходима операция отождествления и выполнение правил тождественных преобразований. В языке должны быть компоненты, позволяющие партнерам отличать тождественное от нетождественного. При помощи мета-языковой абстракции эта часть натурального языка может быть выделена и представлена как особый язык, один и тот же во всех натуральных языках — это логика. Соблюдение правил такого языка в речах на любом натуральном языке называют логическим мышлением.

Далее, естественный язык может породить такой язык, высказывания на котором непереводимы на естественный язык: на естественном языке устанавливаются общепонятные положения, вводятся символы, определяются их значение и такие правила составления высказываний, которые сохраняют истинность ранее принятых положений. Отсюда следует, что правильные высказывания на этом языке не нуждаются в проверке и понимании, т. е. в переводе на естественный язык. Таков язык математики. Так как этот язык порождается естественным языком, он сохраняет двухзвенность естественного, а именно — язык алгебры (символический) и язык геометрии (изобразительный). Оба эти языка взаимно переводимы, но перевод на естественный язык исключается (алгебраические формулы не поддаются описанию в словах, а геометрические объекты, например, многомерного пространства — наглядно не представимы). Следует различать фазу порождения математических языков (это аспект человеческого мышления и общения) от фазы применения математической системы. В последнем случае осуществляется процесс, часто называемый языком информационных машин.

В процессе общения и применения естественного языка вырабатываются еще два особых языка — языка художественного мышления. Выше отмечалось, что представления и чувствования сами по себе и непосредственно не передаваемы. Однако возможен такой язык, при помощи которого можно управлять появлением у воспринимающего партнера определенных представлений и чувствований. Это достигается путем введения в язык новых правил, регулирующих или надсинтаксическую структуру временных членений (как в поэтическом языке), или форму языковой изобразительности, т. е. способ построения описываемых ситуаций (как в художественной прозе). Так создается двухзвенный механизм художественного мышления. Здесь задаются новые, так сказать, более «свободные» правила отождествления, логика ограничивается, выражаемое определяется неповторимостью ситуаций и индивидуальностью интонаций. Наиболее полно язык изображений представлен в изобразительном искусстве. Художник передает в своем произведении сложное наглядное сообщение, которое приобретает смысл при интерпретации его замысла зрителем. Здесь также обнаруживается двухзвенный механизм художественно-изобразительного мышления (в наиболее простой форме он реализуется в надписях под картинами и скульптурами).

Гипотезу двухзвенности языка внутренней речи подтверждают не только экспериментальные факты, но и тривиальные наблюдения над формами общения людей, показывающие, что понимание, т. е. прием сообщений, следует рассматривать как перевод с одного языка на другой. При этом одним из этих языков должен быть язык изображений, так как именно из них составлена первая, чувственная ступень познания действительности.

В. А. УСПЕНСКИЙ

ОДНА МОДЕЛЬ ДЛЯ ПОНЯТИЯ ФОНЕМЫ

В настоящей статье делается попытка построить некоторую математическую модель для понятия фонемы, точнее говоря для одного из понятий фонемы, а именно того, при котором каждый звук языка является аллофоном ровно одной фонемы¹. Изложение не предполагает предварительного знакомства с какими-либо специальными математическими понятиями; те из них, которые окажутся необходимыми, будут разъяснены по ходу дела.

Статья состоит из трех параграфов. Сама модель строится в § 3. В § 2 обсуждаются некоторые традиционные приемы фонематического анализа; это обсуждение имеет целью оправдать построения § 3; формально же для понимания этих построений потребуются из § 2 лишь понятие свободного варьирования (стр. 46) и связанная с ним аксиома близости свободных вариантов (стр. 48). В § 1 описываются те предполагаемые заранее заданными объекты и отношения, которые служат исходным материалом для образования фонем.

§ 1. Исходный материал

В лингвистических представлениях, лежащих в основе нашей модели, мы отталкиваемся от того, что исходным материалом для образования списка фонем какого-либо языка служит некоторый набор отрезков устной речи, уже расчлененных на звуки, причем для звуков определено понятие «фонетической близости». Путем последующего, так называемого фонематического, анализа этого исходного материала и составляется список фонем.

Таким образом, мы считаем, что предварительный фонетический анализ, результатом которого является установление звуков языка и их фонетической близости и представление каждого устного высказывания в виде последовательности таких звуков, предшествует фонематическому анализу, а не является его частью. Возможно, конечно, и противоположная точка зрения, однако разница между обеими точками зрения, по-видимому, чисто терминологическая. С другой стороны, полезно иметь в виду, что в реальной исследовательской деятельности языковедов многие акты, которые мы отнесли к числу предварительных (а именно, сегментация потока

¹ Например, такое понятие возникает, по-видимому, если понимать под «фонемами» как те объекты, которые в статье С. И. Бернштейна «Фонема» (БСЭ, т. 45) названы «фонемами 1-й степени», так и те объекты, которые в указанной статье названы «фонемоидами». Подобное понимание характерно для ленинградской фонологической школы учеников Л. В. Щербы (см.: Л. Р. Зиндер, Общая фонетика, Л., 1960, § 38). В учебнике Г. Глисона «Введение в дескриптивную лингвистику» (М., 1959) также ни разу не встречается примера двух фонем, имеющих общий аллофон; более того, отдельные места этого учебника (гл. XIII, § 12 и отчасти гл. II, § 21) заставляют полагать, что такая возможность в нем и не допускается. Автор надеется, что словом «модель» он достаточно ясно дал понять, что не претендует ни на какое новое «определение» фонемы, а лишь на уточнение некоторых из общеизвестных представлений.

речи и классификация полученных сегментов по признакам «одинаковости» и «близости», см. ниже), зависят от объявленного нами «последующим» фонематического анализа, причем не только от его целей, но и от результатов². (Эта зависимость особенно заметна, когда указанному «предварительному» анализу подвергается хорошо знакомый исследователю язык.) Однако мы занимаемся здесь не происхождением понятия фонемы, а самим этим понятием и строим модель именно для него самого, а не для процесса образования его в умах людей. Поэтому мы позволяем себе, прибегая к определенной идеализации, не учитывать отмеченную обратную связь³ и считать, что предварительный фонетический анализ происходит как бы сам по себе⁴.

Опишем исходный материал более подробно.

1. Имеется некоторый набор отрезков устной речи, называемых и с х о д н ы м и п р о и з н е с е н и я м и. Исходные произнесения, хотя и рассматриваются изолированно, вовсе не предполагаются изолированно же произнесенными, а, напротив, мыслятся как бы «вырезанными» из потока речи (изолированно произнесенные отрезки речи включаются сюда как частный случай)⁵. В качестве исходных произнесений могут фигурировать, например, предложения, словоформы, морфемы (точнее, морфы, являющиеся алломорфами тех или иных морфем)⁶.

2. Для исходных произнесений проведена их сегментация, т. е. такое членение их на части, называемые к о н к р е т н ы м и з в у к а м и, или

² Так, Н. С. Трубецкой говорит в «Основах фонологии» (М., 1960), что «звук языка можно определить только по соотношению с фонемой» (стр. 47) и что «конкретные звуки существуют лишь постольку, поскольку они являются реализациями фонем» (стр. 49); см. также примеч. 11.

³ Система письма, например, также оказывает некоторое влияние на производимый пользующимися этой системой фонетический (а тем более на фонематический) анализ; однако это обстоятельство может ведь и не учитываться в теоретических построениях.

⁴ Хотя «благодаря такому подходу фонология превращается в занятие, представляющее только эстетическую ценность, т. е. сводящееся к определению правил выбора наиболее простого описания единиц, выделение которых никаким строгим правилам не подчиняется» [В. В. Иванов, О приемлемости фонологических моделей, «Машинный перевод» («Труды Ин-та ТМ и ВТ АН СССР», 2), М., 1961, стр. 397].

⁵ Исходные произнесения мы считаем физическими явлениями, имеющими определенную локализацию во времени и пространстве. При этом способ реализации произнесения в пространстве и времени мы считаем его неотъемлемой составной частью и, таким образом, произнесения с различными пространственно-временными координатами рассматриваем как не тождественные друг другу объекты (хотя бы эти произнесения и были в каком-то ином смысле «одинаковыми»). Более детальное выяснение того, что такое произнесение, увело бы нас слишком далеко.

⁶ Выбор исходных произнесений может составлять существенную черту той или иной лингвистической теории. Так, можно считать, что одна из характерных особенностей московской фонологической школы состоит в том, что в число исходных произнесений непременно включаются морфы. От выбора исходных произнесений зависит и сама совокупность звуков языка. Так, если в качестве исходных произнесений брать лишь изолированно произносимые слова (и притом не брать фамилий вроде *Гинцбург*), то в перечень звуков русского языка не войдет, по-видимому, звук [з] (звонкий аналог звука [ц]), который, однако, войдет в указанный перечень, если в число исходных произнесений будут включены такие словосочетания, как *отец бы*, или даже просто слово *отец*, но произнесенное не изолированно, а в составе подобного словосочетания (см.: Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, § 64). Этот выбор существенно влияет и на образующийся инвентарь фонем (даже в рамках одного и того же понимания фонемы). Так, Н. С. Трубецкой считает звуки английского языка, называемые им «светлым l» и «темным l» и обозначаемые соответственно [l] и [l̥], вариантами одной фонемы, поскольку в качестве исходных произнесений он выбирает слова; если же в качестве исходных произнесений взять словосочетания, то приводимое им же противопоставление [wɪlɔ: n] (*we learn*) — [wɪlɔ: n] (*will earn*) докажет, что [l] и [l̥] суть варианты разных фонем (см.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 309—310).

звук а м и р е ч и, при котором каждое исходное произнесение предстает как линейная последовательность конкретных звуков (звуков речи).

3. Произведена некоторая классификация конкретных звуков, встречающихся в исходных произнесениях, в результате которой некоторые конкретные звуки объявляются одинаковыми⁷. Предполагается, что отношение одинаковости является отношением типа эквивалентности, так что вся совокупность конкретных звуков разбивается на непересекающиеся классы одинаковых конкретных звуков⁸. О двух одинаковых конкретных звуках говорят, что они суть представители одного и того же абстрактного звука⁹, или звука языка¹⁰.

4. Некоторые пары звуков языка выделены как фонетически близкие¹¹. Таким образом, на совокупности звуков языка задано отношение фонетической близости. Это отношение предполагается рефлексивным и симметричным, но не предполагается вообще говоря, транзитивным.

5. Указан транскрипционный алфавит, т. е. список знаков, называемых транскрипционными, содержащий столько же различных знаков, сколько имеется звуков языка. Между транскрипционным алфавитом и совокупностью звуков языка установлено взаимнооднозначное соответствие (т. е. соответствие, при котором каждому знаку соответствует ровно один звук, а каждому звуку ровно один знак). Транскрипционный знак, соответствующий данному абстрактному звуку, объявляется именем, или обозначением, этого звука.

6. Каждое исходное произнесение записывается в виде цепочки транскрипционных знаков, образуемой, если каждый конкретный звук произнесения заменить соответствующим транскрипционным знаком (т. е. именем того абстрактного звука, представителем которого является дан-

⁷ Следует подчеркнуть условность этой классификации, зависящей как от различающей способности используемых приборов, так и от целей последующего использования.

⁸ Отношение считается заданным для некоторой совокупности объектов, если про любые два объекта из этой совокупности, взятые в определенном порядке, известно, находятся они в этом отношении или нет (эти объекты могут и совпадать, так что, в частности, про любой объект должно быть известно, находится ли он в этом отношении к самому себе). Отношение называется рефлексивным, если любой объект рассматриваемой совокупности находится в этом отношении к самому себе. Отношение называется симметричным, если всякий раз, когда какие-то два объекта находятся в этом отношении, те же объекты, но взятые в обратном порядке, также находятся в этом отношении. Отношение называется транзитивным, если всякий раз, когда a находится в этом отношении к b , а b — к c , непременно a находится в этом же отношении к c . Отношение называется отношением типа эквивалентности, если оно рефлексивно, симметрично и транзитивно. Если отношение является отношением типа эквивалентности, то совокупность объектов, на которой оно определено, можно разбить на непересекающиеся, т. е. не имеющие общих элементов, классы так, что любые два объекта, находящиеся в этом отношении друг к другу, непременно попадают в один и тот же класс, а любые два объекта, не находящиеся в этом отношении, непременно попадают в разные классы. Если же отношение не является отношением типа эквивалентности, то подобное разбиение невозможно. О понятии разбиения см. ниже в примеч. 21.

⁹ Читатель заметит, что мы следуем здесь системе понятий и терминов, предложенных, правда, не для звуков, а для букв, А. А. Марковым в его книге «Теория алгорифмов» [М. — Л., 1954 («Труды Математического ин-та им. В. А. Стеклова [АН СССР]»), гл. 1, § 1, п. 2; § 2, п. 2; § 3, п. 3]. Ср. также: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 49.

¹⁰ См.: П. С. Кузнецов, Об основных положениях фонологии, ВЯ, 1959, 2, п. 2. См. также: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 45; С. И. Бернштейн, Фонетика (БСЭ², т. 45).

¹¹ Понятие фонетической близости является на самом деле довольно расплывчатым (см.: М. Халле, Фонологическая система русского языка, сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962, п. 1.32) и в сильной степени зависит от результатов последующего фонологического анализа (см.: Г. Глисон, указ. соч., гл. XII, § 12).

ный конкретный звук). Транскрипционные записи исходных произнесений будем называть исходными выражениями. Каждое исходное произнесение будем называть произнесением исходного выражения, служащего транскрипционной записью данного исходного произнесения¹².

7. Каждому исходному произнесению отнесено одно или несколько значений (а именно, то или те, которые рассматриваемое исходное произнесение имело в контексте, из которого оно «вырезано» в соответствии с п. 1). Не требуется, чтобы было известно, какое именно значение имеет то или иное исходное произнесение или даже что такое значение вообще. Предполагается лишь, что мы умеем опознавать значения как совпадающие («одно и то же») или несовпадающие («не одно и то же»). Каждому исходному выражению отнесем все значения всех его произнесений. Полученную совокупность значений данного исходного выражения назовем его содержанием. Два исходных выражения назовем равными, если они имеют одно и то же содержание (т. е. одну и ту же совокупность значений). Отношение равнозначности исходных выражений является (как легко проверить) отношением типа эквивалентности.

Совокупность звуков языка (или обозначающих их транскрипционных знаков) с заданным на этой совокупности отношением фонетической близости и совокупность исходных выражений с заданным на этой совокупности отношением равнозначности и образуют исходный материал для последующего фонематического анализа.

В дальнейшем нам будет удобно — что соответствует лингвистической традиции — называть транскрипционные знаки просто звуками. Каждое исходное выражение есть цепочка звуков. Транскрипционный алфавит состоит из звуков и потому будет называться теперь алфавитом звуков.

Для построения модели не обязательно помнить, как образовался список исходных выражений. Достаточно представлять себе следующее: имеется некоторый алфавит (т. е. список попарно различных знаков), называемый алфавитом звуков; знаки этого алфавита называются звуками; на совокупности звуков задано некоторое рефлексивное и симметричное отношение, называемое отношением фонетической близости; некоторые конечные последовательности звуков¹³ названы исходными выражениями; предполагается, что каждый звук встречается хотя бы в одном исходном выражении; на совокупности исходных выражений задано некоторое рефлексивное, симметричное и транзитивное отношение, называемое отношением равнозначности; про равнозначные выражения говорят также, что они имеют «одни и те же (или „одинаковые“) значения», или «одно и то же (или „одинаковое“) содержание», а про неравнозначные — что они имеют «различные значения», или «различные содержания».

¹² Различные исходные произнесения могут иметь равные транскрипционные записи (наша транскрипция могла не уловить различие в произношении, если такое и было); другими словами: одно и то же исходное выражение может иметь различные произнесения. При этом две цепочки знаков считаются «равными», или «одинаковыми», или — при отождествлении равных цепочек — «одной и той же цепочкой», если они состоят из одинаковых знаков, идущих в одном и том же порядке (подробнее см.: А. А. Марков, указ. соч., гл. I, § 3).

¹³ Т. е. слова в алфавите звуков; конечная последовательность, или цепочка, знаков какого-либо алфавита называется вообще «словом в данном алфавите» (см.: А. А. Марков, указ. соч., гл. I, § 3). Здесь этот термин не употребляется во избежание смешения с языковедческим термином «слово».

§ 2. Фонематический анализ

Цель фонематического анализа — установить фонемы рассматриваемого языка; это положение вряд ли вызовет возражения. Однако, как известно, существуют довольно различные понимания того, что такое фонема и что значит «установить фонемы». Эти понимания можно извлечь — почти всегда без полной уверенности в правильности такого извлечения — скорее из употребления соответствующих понятий представителями разных школ, чем из прямого их определения.

Среди различных пониманий прежде всего выделяются те, в которых каждое исходное произнесение может быть представлено как цепочка *линейно* следующих друг за другом фонем¹⁴. Среди этих последних подходов выделяются далее те, при которых совпадают фонетическая и фонематическая сегментации, т. е. членение исходных произнесений (или исходных выражений) на звуки совпадает с членением их на фонемы. Таким образом, при представлении исходного произнесения в виде цепочки фонем каждый звук соответствует ровно одной, стоящей «на том же месте» фонеме¹⁵, а каждая фонема соответствует ровно одному, стоящему «на том же месте» звуку¹⁶.

¹⁴ В рамках этой точки зрения, следовательно, в фонологическом представлении любого исходного произнесения участвуют, во-первых, только фонемы (а не фонемы и фонемиды, как в упоминавшейся уже статье С. И. Бернштейна «Фонема»; Н. С. Грубцкой говорит по этому поводу, «что каждое слово без остатка разлагается на фонемы, что оно состоит из фонем», — см.: Н. С. Грубцкой, указ. соч., стр. 44) и, во-вторых, только такие фонемы, которые мыслятся линейно расположенными (и называются иногда «сегментными»; см.: Г. Глиссон, указ. соч., гл. XV, § 17). Возможна и иная точка зрения, включающая в рассмотрение и так называемые «суперсегментные фонемы»; она излагается, например, в гл. IV названного сочинения Г. Глиссона (который, впрочем, в других главах часто забывает о ней, говоря, например, в § 21 гл. II и § 2 гл. XII, что «фонема — это класс звуков»). Хотя суперсегментные фонемы и не воспринимаются обычно (как это видно на примере самой книги Г. Глиссона) как «полноправные» фонемы, однако полностью их игнорировать довольно трудно. Действительно, надо либо признать, что сообщения, отличающиеся друг от друга как «планом содержания», так и «планом выражения», могут иметь тем не менее одинаковый фонемный состав и, следовательно, не различаться на фонемном уровне (что противоречит, по-видимому, основной цели введения понятия «фонема»), либо допустить суперсегментные фонемы. [Полезно сопоставить в этой связи определение фонемы, данное Л. В. Щербой в § 6 его статьи «Русские гласные ...» (см. в кн.: Л. В. Щерба, Избранные работы по языковедению и фонетике, I, Л., 1958) с его же замечанием о различии слов «завтра!» и «завтра?», содержащемся в примечании к § 4 той же статьи]. Заметим, что ситуацию, описываемую «сегментным» подходом, можно считать частным случаем ситуации, описываемой «суперсегментным» подходом, при подходящем выборе исходного материала (для английского языка, скажем, можно считать, что совокупность исходных произнесений состоит только из слов и предложений, произносимых с одинаковой интонацией; тем самым будут исключены тоны и завершители; что касается ударений и открытого перехода, то их можно считать признаками звуков речи; впрочем, может быть, и тоны и завершители можно считать признаками звуков речи²).

¹⁵ И, следовательно, не может не соответствовать никакой фонеме (соответствуя, скажем, не фонеме, а фонемиде) или соответствовать сразу последовательности двух или более фонем (как, согласно Н. С. Грубцкому, звук [e] в [sɔpɛs] (солнце), где он соответствует последовательности фонем /ol/; см.: Н. С. Грубцкой, указ. соч., стр. 70; см. аналогичные примеры из хантыйского и шведского у Л. Р. Зиндера (указ. соч., § 55)).

¹⁶ И, следовательно, не может соответствовать последовательности двух или более звуков (как, согласно Н. С. Грубцкому, фонема /s/ в слове *целый* с фонематической записью /sɛlɔj/, где она соответствует последовательности звуков [ts]; см.: Н. С. Грубцкой, указ. соч., стр. 63) или не соответствовать никакому звуку (как, согласно Л. В. Щербе, выделенная им фонема /ə/ во французском, которая в известных условиях не произносится; см.: Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, М., 1963, § 130).

Всякий звук языка, соответствующий (в каком-либо исходном выражении) какой-либо фонеме в указанном только что смысле, называется аллофоном этой фонемы¹⁷.

Объединим в один класс все аллофоны одной и той же фонемы; полученные классы аллофонов образуют покрытие совокупности всех звуков¹⁸. Каждый класс аллофонов и объявляется фонемой (или, если угодно, фонемой объявляется некоторый абстрактный объект, сопоставленный с таким классом). Теперь можно сказать, что цель фонематического анализа исходного материала — установить классы аллофонов, т. е. объединить звуки в фонемы.

Определенное на совокупности звуков отношение «быть аллофонами одной и той же фонемы» рефлексивно и симметрично; в то же время оно может и не быть транзитивным¹⁹, так что классы аллофонов могут пересекаться (т. е. иметь общие элементы)²⁰. Однако, как было оговорено в самом начале, здесь будет рассматриваться лишь тот случай (т. е. тот язык или то понятие фонемы), когда классы аллофонов не пересекаются и, следовательно, образуют разбиение совокупности всех звуков²¹.

Что касается самой процедуры фонематического анализа, то при объединении звуков в фонемы (точнее, в непересекающиеся фонемы) руководствуются обычно следующими правилами, которые можно, как кажется, разделить на запрещающие, предписывающие и рекомендуемые.

Запрещающие правила¹

1. Правило фонетической близости. Запрещается объединять в одну фонему звуки, не являющиеся фонетически близкими²².

2. Правило минимальных пар. Запрещается объединять в одну фонему звуки, для которых существует минимальная пара²³.

¹⁷ См.: Г. Глисон, указ. соч., стр. 232; употребляются также термины «вариант» (Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 46) и «оттенки» (Л. Р. Зиндер, указ. соч., § 29; Л. В. Щерба, указ. соч., § 16; впрочем из формулировок Л. В. Щербы, приведенных в этом параграфе, а также в § 19 и 20, можно, пожалуй, заключить, что сам Л. В. Щерба называет оттенком фонемы скорее не звук языка, а звук речи (конкретный звук), являющийся представителем звука языка (абстрактного звука), являющегося в свою очередь аллофоном данной фонемы).

¹⁸ Некоторая система классов называется покрытием совокупности, если каждый элемент этой совокупности принадлежит хотя бы одному из классов этой системы.

¹⁹ Например, в учении московской фонологической школы каждая из пар русских звуков ([a], [A]) и ([A], [a]) представляет собой пару аллофонов одной и той же фонемы, в то время как пара ([a], [o]) таковой не является (см.: Р. И. Аванесов, указ. соч., § 16).

²⁰ Например, в учении московской школы звук [A] является одновременно аллофоном двух фонем, обозначаемых обычно /a/ и /o/; в том же учении русский звук [т] является одновременно аллофоном фонем /т/ и /д/. А. Мартине указывает, что в датском звук [α] является аллофоном фонем /æ/ и /a/ (А. Мартине, Основы общей лингвистики, п. 3—9, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1983).

²¹ Система классов называется разбиением некоторой совокупности E, если, во-первых, эта система является покрытием для E, во-вторых, каждый элемент каждого класса системы принадлежит E, в-третьих, каждый класс не пуст (т. е. содержит хотя один элемент) и, наконец, в-четвертых, классы попарно не пересекаются.

²² См.: Г. Глисон, указ. соч., гл. II, § 21, 22; гл. XII, § 6, 7; гл. XIII, § 5, 6; гл. XVII, § 16; Л. Р. Зиндер, указ. соч., § 54. Ср. Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 56, правило третье.

²³ См.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 55, правило второе; Л. В. Щерба, указ. соч., § 63, где члены минимальной пары называются quasi-омонимами, Г. Глисон, указ. соч., гл. II, § 4, 5; гл. XII, § 6. Чуть позже понятие минимальной пары, как и другие понятия, встречающиеся в приводимых нами правилах, будет выражено через понятие § 1.

Предписывающие правила

3. Правило свободного варьирования. Звуки, находящиеся в отношении свободного варьирования²⁴, предписывается объединять в одну фонему.

Рекомендующие правила

4. Правило дополнительного распределения. Звуки, находящиеся в отношении дополнительного распределения²⁵, рекомендуется объединять в одну фонему.

5. Правило «системности взаимосвязей». Рекомендуется так объединять звуки в фонемы, чтобы получившиеся фонемы находились в определенных (т. е. в достаточной мере неопределенных) взаимосвязях друг с другом и со всей системой языка в целом²⁶.

Эти правила являются, по-видимому, в достаточной мере общепризнанными в кругу теорий, не допускающих пересечения классов аллофонов²⁷. Та или иная фонологическая школа может добавлять к ним свои, специфические для данной школы запрещения, предписания или рекомендации (что, впрочем, является излишним, поскольку уже пятое правило²⁸ предоставляет самые широкие возможности для различных толкований). Мы попытаемся в той или иной степени отразить эти правила в нашей модели. Даже правило «системности взаимосвязей», при всей его неопределенности, все же отчасти проявится в модели: фонемы, как увидим, будут выделяться в модели не изолированно, а так, что существование каждой отдельной фонемы будет зависеть от существования остальных.

Но сперва дадим для встречающихся в приведенных правилах понятий определения через понятия § 1. Мы не сможем этого сделать для правила «системности взаимосвязей» — и не только потому, что оно достаточно неопределенно само по себе, но и потому, что мы почти ничего не знаем о языке в целом²⁹. Встречающийся в первом правиле термин «фонетически

²⁴ См.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 53, правило первое; Г. Глисон, указ. соч., гл. XII, § 8, 10. Л. Р. Зидер (указ. соч., § 29) называет такие звуки «факультативными вариантами» объединяющей их фонемы.

²⁵ См.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 56, правило третье; Г. Глисон, указ. соч., гл. XII, § 9.

²⁶ См.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 67, правило пятое; Г. Глисон, указ. соч., гл. XII, §§ 14, 15; гл. XVII, § 17; М. Халле, указ. соч., п. 1. 4, условие (4).

²⁷ Применению этих правил в рамках других теорий препятствует правило минимальных пар: ср. примеч. 20 и противопоставление [том] — [дом].

²⁸ Смысл этого правила сводится, по-видимому, к тому, что система фонем должна давать по возможности наиболее экономное и изящное описание языковых явлений. Так, именно в интересах простоты описания Г. Глисон (указ. соч., гл. II, § 23) демонстративно отводит звуки [š] и [ž] к разным фонемам даже в предположении отсутствия соответствующих минимальных пар, хотя это и не вытекает из тех положений, которые формулируются им в гл. XII, § 7, 9.

²⁹ Для нас исходным материалом служит всего лишь совокупность звуков с отношением фонетической близости и совокупность исходных выражений с отношением равнозначности, в то время как «на самом деле» лингвист при построении системы фонем учитывает грамматику (и уже во всяком случае систему словоизменения). Высказываемое нередко мнение, что результаты фонематического анализа не должны зависеть от грамматики (см., например: Г. Глисон, указ. соч., гл. XIII § 4), противоречит многим авторитетным концепциям (например, концепции московских фонологов; в той же книге Глисона, в гл. XII, § 14, говорится о морфофонематических связях фонем, причем эти связи мыслятся отнюдь не как обнаруживающиеся лишь после выделения фонем; так, в гл. XVII, § 17 в качестве одного из аргументов против объединения звуков [i] и [y] в одну фонему выдвигается происходящее из такого объединения усложнение описания морфофонематических явлений). Поэтому разумность описания грамматикических явлений следует, по-видимому, считать одним из факторов, влияющих на выбор системы фонем в целом (и даже на приготовление исходного материала).

близкие» не нуждается, в рамках наших рассмотрений, в определении: согласно § 1, отношение фонетической близости должно быть задано заранее вместе с другими компонентами исходного материала. Нам предстоит, следовательно, дать определения для терминов, входящих в правила второе, третье и четвертое.

Начнем с минимальных пар. Пусть x и y — звуки, а P и Q — цепочки звуков. Тогда PxQ и PyQ тоже суть цепочки звуков. Пусть, далее, PxQ и PyQ суть исходные выражения, имеющие различные значения. В таком случае говорят, что PxQ и PyQ образуют минимальную пару для x и y .

Перейдем теперь к свободному варьированию. Пусть P и Q — некоторые цепочки звуков. Будем говорить, что звуки x и y находятся в отношении свободного варьирования (или просто свободно варьируются) в окружении (P, Q) , если цепочки PxQ и PyQ либо обе не являются исходными выражениями, либо обе являются исходными выражениями и притом равнозначными. Например, согласно Глиссону³⁰, в некоторых американских диалектах английского языка звуки [θ] и [ð] свободно варьируются в окружении ([wi], [ɪ])³¹; в русском языке звуки [ф] и [п] свободно варьируются в окружении ([шка], [ɪ]). Будем говорить, что звуки x и y находятся в отношении свободного варьирования³², если, каковы бы ни были цепочки звуков P и Q , звуки x и y свободно варьируются в окружении (P, Q) . Иначе говоря, звуки x и y находятся в отношении свободного варьирования, если 1) всякий раз, когда цепочка PxQ есть исходное выражение, цепочка PyQ также есть исходное выражение, причем с тем же содержанием; 2) то же самое с переменной ролей x и y .

Займемся, наконец, дополнительным распределением. Как известно, о двух звуках говорят, что они находятся в отношении дополнительного распределения, если они не встречаются в одинаковых окружениях. Под окружением же данного звука, встретившегося в данной цепочке (а точнее, под окружением данного вхождения³³ данного звука в данную цепочку), понимают обычно упорядоченную пару, которая состоит из цепочки звуков, стоящих левее данного, и цепочки звуков, стоящих правее данного. Здесь сразу возникает затруднение, заключающееся в том, какой величины следует брать цепочки, образующие окружение. Наиболее последовательно, вероятно, было бы считать, что в окружение должны входить все звуки, встречающиеся в рассматриваемой цепочке левее и правее данного звука; такое окружение будем называть полным. Однако такое понимание расходится с лингвистической практикой, которая в интересах простоты описания («правило системности взаимосвязей!») довольствуется обычно гораздо более скромными по своим размерам (так сказать, «локальными») окружениями, часто состоящими всего из одного звука слева и одного звука справа³⁴.

В дальнейшем под термином «окружение» мы будем понимать именно полное окружение. Приведем соответствующее формальное определение. Чтобы найти окружение данного вхождения знака x в цепочку знаков A ,

³⁰ Г. Глиссон, указ. соч., гл. XIII, § 11.

³¹ Через « $\ddot{\text{I}}$ » обозначается «пауза» (т. е. цепочка звуков, не содержащая ни одного звука).

³² Не смешивать с отношением свободного варьирования в фиксированном окружении!

³³ Знак x имеет три вхождения в цепочку знаков $xaxbarb$: на первом месте, на третьем и на шестом; подробнее см.: А. А. Марков, указ. соч., гл. I, § 4.

³⁴ Так, приводимое Г. Глиссоном (указ. соч., гл. II, § 23) противопоставление [tʁeʒɛr] : [pʁeʒɛr] дает достаточное основание для отнесения звуков [ʒ] и [ʒ̣] к разным фонемам лишь при условии, что в окружение включается не более двух звуков слева.

поступаем следующим образом: подчеркиваем рассматриваемое вхождение знака x ; цепочка A превращается тем самым в цепочку PxQ (где цепочки P и Q могут быть и пусты, т. е. не содержать ни одного знака); упорядоченная пара (P, Q) и есть искомое окружение. Каждому звуку отвечает некоторая совокупность окружений, а именно совокупность окружений всех вхождений этого звука во все исходные выражения. Говорят, что звуки x и y находятся в отношении дополнительного распределения, если совокупности их окружений не пересекаются.

Итак, задание исходного материала (алфавита звуков, отношения фонетической близости, списка исходных выражений и отношения равнозначности) однозначно определяет для совокупности звуков три отношения: 1) отношение «иметь минимальную пару» (нас, впрочем, больше будет интересовать противоположное ему отношение «не иметь минимальных пар»), 2) отношение свободного варьирования, 3) отношение дополнительного распределения. Кроме того, для любых двух цепочек звуков P, Q однозначно определяется отношение «свободного варьирования в окружении (P, Q) ». Из определения этих отношений вытекают — чисто логически — некоторые их свойства и связи, которые фиксируются ниже в замечаниях 1—8.

З а м е ч а н и е 1. Отношение свободного варьирования является, очевидно, отношением типа эквивалентности.

З а м е ч а н и е 2. Отношение «не иметь минимальных пар» является, очевидно, рефлексивным и симметричным. Известно, что оно может не быть транзитивным. Действительно, согласно Глиссону³⁶, в английском языке, например, для звуков $[p^h]$ и $[p^=]$ ³⁶ не существует минимальных пар и для звуков $[p^=]$ и $[b]$ не существует минимальных пар; в то же время для $[p^h]$ и $[b]$ минимальная пара существует (например, *cap* — *cab*). Следующий простой пример наглядно иллюстрирует эту ситуацию.

П р и м е р 2.1. Пусть совокупность исходных выражений состоит из трех выражений: *axb*, *cyd*, *azb* — и пусть все они имеют различные значения. Тогда для x и y не существует минимальных пар, так же как для y и z . Вместе с тем для x и z существует минимальная пара.

З а м е ч а н и е 3. Отношение дополнительного распределения, очевидно, является симметричным и не является рефлексивным. Известно, что оно не является, вообще говоря, транзитивным: приведенные только что примеры нетранзитивности отношения «не иметь минимальных пар» являются одновременно примерами на нетранзитивность отношения дополнительного распределения. (Так, в примере 2.1 звуки x и y , так же как y и z , находятся в отношении дополнительного распределения, а x и z не находятся в этом отношении.)

З а м е ч а н и е 4. Может случиться, что два звука свободно варьируются в некотором окружении и вместе с тем обладают минимальной парой³⁷. Пример 2.2 демонстрирует такую возможность.

П р и м е р 2.2. Пусть совокупность исходных выражений состоит из четырех выражений: *axb*, *ayb*, *cxd*, *cyd*. Пусть равнозначными среди них являются только первое и второе. Тогда звуки x и y свободно варьируются в окружении (a, b) . Вместе с тем *cxd* и *cyd* образуют минимальную пару для x и y .

³⁵ Г. Глиссон, указ. соч., гл. XIII, § 12.

³⁶ По поводу транскрипции см.: Г. Глиссон, указ. соч., гл. II, § 17.

³⁷ Поэтому, если бы мы заменили в правиле 3 «свободное варьирование» на «свободное варьирование в каком-либо фиксированном окружении», то получили бы, вообще говоря, противоречие с правилом 2.

З а м е ч а н и е 5. Если два звука находятся в отношении свободного варьирования, то, как легко видеть, они не имеют минимальных пар.

З а м е ч а н и е 6. Если два звука находятся в отношении дополнительного распределения, то — и это тоже легко видеть — они не имеют минимальных пар.

З а м е ч а н и е 7. Может случиться, что два звука не имеют минимальных пар и не находятся ни в отношении дополнительного распределения, ни в отношении свободного варьирования. Это показывает пример 2.3.

П р и м е р 2.3. Пусть совокупность исходных выражений состоит из трех выражений: *axb*, *ayb*, *cxд*, причем равнозначными среди них являются только первое и второе. Тогда для звуков *x* и *y* не существует минимальных пар. При этом они не находятся ни в отношении свободного варьирования, ни в отношении дополнительного распределения.

З а м е ч а н и е 8. Предположим, что исходный материал таков, что никакие различные исходные выражения не имеют одинакового содержания. В этом случае для любых двух различных звуков *x* и *y* выполняется следующее: 1) *x* и *y* не находятся в отношении свободного варьирования; 2) *x* и *y* тогда и только тогда находятся в отношении дополнительного распределения, когда для них не существует минимальных пар.

Вернемся теперь к сформулированным выше правилам, точнее, к правилам 1—4, поскольку пятое правило мы будем полностью игнорировать. Нас будет интересовать вопрос об их непротиворечивости (т. е. не противоречат ли эти правила друг другу) и вопрос об их полноте (т. е. описывают ли эти правила полностью некоторое разбиение совокупности звуков на фонемы; иными словами, позволяют ли они, в конечном счете, про любые два звука сказать, принадлежат они одной фонеме или нет). Как мы сейчас увидим, при некоторых естественных предположениях непротиворечивость действительно имеет, а полнота, вообще говоря, не имеет места.

Займемся сперва непротиворечивостью. Заметим прежде всего, что, строго говоря, противоречие может существовать лишь между предписывающими правилами и запрещающими.

Хотя теоретически первое правило может противоречить третьему, для реальных исходных материалов такое противоречие не наблюдается. Это происходит потому, что в реальных ситуациях выполняется *а к с и о м а б л и з о с т и с в о б о д н ы х в а р и а н т о в*, которая гласит: любые два звука, находящиеся в отношении свободного варьирования, являются фонетически близкими³⁶.

Далее, правило второе не может противоречить правилу третьему, поскольку, как было сказано в замечании 5, два звука не могут одновременно иметь минимальную пару и находиться в отношении свободного варьирования. Точно так же (см. замечание 6) не могут иметь минимальных пар звуки, находящиеся в отношении дополнительного распределения; поэтому применению рекомендации из четвертого правила никогда не препятствует запрещение из второго правила.

Перейдем теперь к исследованию полноты рассматриваемой системы правил. Замечание 7 показывает, что эта система, вообще говоря, не полна, поскольку могут — при надлежащем подборе исходного материала — встретиться два звука, не подпадающие под действие ни одного из этих правил. Это иллюстрирует пример 2.3. В самом деле, предположим, что звуки *x* и *y* в этом примере являются фонетически близкими. Тогда эти звуки не подпадают ни под действие запрещающих первого и второго пра-

³⁶ Заметим, что эта аксиома заведомо выполняется, например, в тех ситуациях (едва ли не самых важных), в которых свободное варьирование вообще отсутствует.

вил, ни под действие предписывающего третьего правила, ни даже под действие рекомендующего четвертого правила; так что даже если это последнее правило превратить из рекомендующего в предписывающее (оставляя пока в стороне вопрос, не приведет ли такое превращение к противоречию), сформулированные выше правила и тогда не дадут ответа на вопрос, должны ли звуки *z* и *y* быть объединены в одну фонему.

Итак, эти правила — в совокупности (а тем более, каждое в отдельности) — неполны. Посмотрим, нельзя ли некоторыми естественными способами сделать их полными.

Обратимся сперва к запрещающему правилу минимальных пар. Пополним это правило следующим предписанием: «звуки, для которых не существует минимальных пар, предписывается объединять в одну фонему». Тогда получим следующее «пополненное правило минимальных пар»:

П р а в и л о α. Два звука тогда и только тогда следует объединять в одну фонему, когда для них не существует минимальной пары.

Однако правило α, являющееся одновременно и запрещающим и предписывающим, может привести к противоречию. Во-первых, оно может, конечно, вступить в противоречие с правилом фонетической близости. Во-вторых, оно может оказаться противоречивым само по себе, даже взятое изолированно. Действительно, как мы видели выше (замечание 2), отношение «не иметь минимальных пар» может (и притом в реальных лингвистических ситуациях) не являться отношением типа эквивалентности и потому не приводит к разбиению совокупности звуков на классы. Для примера 2.1, например, не существует разбиения множества звуков, удовлетворяющего правилу α.

По той же причине может привести к противоречию и следующее «пополненное правило дополнительного распределения»:

П р а в и л о β. Два звука тогда и только тогда следует объединять в одну фонему, когда они находятся в отношении дополнительного распределения либо совпадают³⁹.

Как показывает замечание 3, это правило может оказаться противоречивым само по себе (даже если отвлечься от того, что оно может противоречить правилу фонетической близости и правилу свободного варьирования; заметим, что оба эти правила «выключаются» при условии, что все звуки фонетически близки и никакие два звука не находятся в отношении свободного варьирования).

Более того, даже если не пополнять правило дополнительного распределения до правила β, провозглашающего критерий дополнительного распределения в качестве необходимого и достаточного для объединения различных звуков в одну фонему, а только лишь превратить содержащуюся в первоначальном правиле рекомендацию в предписание, то и такое превращение приводит, вообще говоря, к противоречию. Действительно, рассмотрим полученное указанным способом правило γ.

П р а в и л о γ. Звуки, которые находятся в отношении дополнительного распределения либо совпадают, предписывается объединять в одну фонему.

Такое предписывающее правило γ может вступить в противоречие с правилом минимальных пар (не говоря уже о правиле фонетической

³⁹ Добавление «либо совпадают» необходимо для правил β и γ (ибо никакой звук не находится в отношении дополнительного распределения к самому себе, и без указанного добавления получилось бы, что он не должен объединяться в одну фонему сам с собой) и излишне для правил 3 и α (ибо сформулированные в этих правилах условия и так выполняются для совпадающих звуков).

близости). Действительно, если никакие различные исходные выражения не имеют одинакового содержания, то, в силу замечания 8, правило γ и правило минимальных пар, взятые в совокупности, становятся равносильными любому из правил α и β (которые в указанной ситуации становятся равносильными друг другу); а то, что каждое из правил α и β может привести к противоречию, уже обсуждалось выше. Например, согласно правилу γ надо было бы объединить в одну фонему звуки $[p^h]$ и $[p^-]$ и звуки $[p^-]$ и $[b]$ (см. замечание 2); в то же время, согласно правилу минимальных пар, $[p^h]$ и $[b]$ нельзя объединять в одну фонему. Пример 2.4 наглядно иллюстрирует сказанное: правило γ предписывает объединить в одну фонему как звуки x и y , так и звуки y и z ; в то же время правило 2 запрещает объединять x и z в одну фонему.

Итак, перечисленные правила, взятые ли в отдельности или в своей совокупности, не могут рассматриваться в качестве правил распознавания принадлежности звуков к одной фонеме. Практический способ употребления этих правил состоит в том, что мы — с учетом предписаний и запрещений — переходим от одной пары звуков к другой и применяем четвертое правило постольку, поскольку его применение не противоречит результатам предыдущего анализа. Однако и на этом пути можно прийти к нежелательным результатам. Объединение двух звуков в одну фонему по признаку дополнительности распределения может не только вступить в противоречие с произведенными ранее объединениями, но и привести к фонемам, не обладающим различительной функцией. Это показывает пример 2.4.

Пример 2.4. Пусть совокупность исходных выражений состоит из двух выражений: x_1y_1 и x_2y_2 . Каждая из пар (x_1, x_2) и (y_1, y_2) удовлетворяет отношению дополнительного распределения. Однако если объявить члены первой пары аллофонами фонемы X , а члены второй пары — аллофонами фонемы Y , то оба исходных выражения перестанут различаться в фонемной записи, которая у обоих будет XY .

Пример 2.4 показывает, что наличие у двух звуков дополнительного распределения не может, вообще говоря, служить достаточным основанием для отнесения их к одной фонеме — даже если в процессе анализа эти звуки встретились впервые и ситуация еще не успела осложниться тем, что уже произведено объединение хотя бы одного из этих звуков с каким-либо третьим звуком в одну фонему. Это происходит, как нам кажется, потому, что критерий дополнительного распределения (так же, как и критерий минимальных пар) относится по существу не к звукам, а к фонемам. Когда говорят, что фонетически близкие звуки, находящиеся в отношении дополнительного распределения, должны быть объединены в одну фонему, то этим неявно хотят достичь осуществления следующего требования, предъявляемого к системе фонем: никакие две различные, но «фонетически близкие» фонемы, не должны находиться в отношении дополнительного распределения (при этом «окружение» фонемы, разумеется, тоже состоит из фонем). Аналогичным образом, когда говорят, что фонетически близкие звуки, для которых нет минимальных пар, суть аллофоны одной фонемы, имеют в виду на самом деле, что для двух «фонетически близких», но различных фонем должна найтись минимальная пара (цепочек фонем).

Поэтому мы будем исходить при построении модели не столько из второго и четвертого правил (хотя они и будут в ней отражены), сколько из следующих основных требований, предъявляемых к фонемам и лишь частично проявляющихся в этих правилах:

1. Фонемы служат для различения значений: следовательно, различные исходные выражения, имеющие различные значения, не должны сли-

ваться при замене звуков соответствующими фонемами⁴⁰ (т. е. если, скажем, исходные выражения *ax* и *bx* имеют различные значения, то *a* и *b* не могут принадлежать одной фонеме: в противном случае при замене звуков фонемами оба эти выражения слились бы в одно).

2. Дальнейшее укрупнение фонем должно быть невозможно (т. е. если, скажем, имеются фонемами *A* и *B*, то должно быть невозможным слияние их в одну фонему *Y*).

Эти два требования мы и постараемся положить в основу нашей модели.

§ 3. Построение модели

Разбиения алфавита звуков будем называть впредь просто «разбиениями». Наша цель — из всех разбиений выбрать те, которые являются фонематическими, т. е. разбиениями на фонемы.

Рассмотрим сперва одно конкретное разбиение. Так как отношение свободного варьирования является отношением типа эквивалентности, то существует разбиение, при котором любые два звука, находящиеся в отношении свободного варьирования, попадают в один класс, а любые два звука, не находящиеся в этом отношении, попадают в разные классы. Такое разбиение назовем *р а з б и е н и е м с в о б о д н о г о в а р ь и р о в а н и я*.

Будем говорить, что некоторое разбиение *у с т р а н я е т с в о б о д н о е в а р ь и р о в а н и е*, если любые два звука, находящиеся в отношении свободного варьирования, принадлежат к одному и тому же классу разбиения. В частности, разбиение свободного варьирования устраняет свободное варьирование.

Будем говорить далее, что некоторое разбиение *с о г л а с о в а н о с о т н о ш е н и е м ф о н е т и ч е с к о й б л и з о с т и*, если любые два звука, попадающие в один класс, являются фонетически близкими. Очевидно, аксиома близости свободных вариантов равносильна следующему утверждению: разбиение свободного варьирования согласовано с отношением фонетической близости.

Рассмотрим некоторое разбиение. Обозначим классы разбиения символами — с тем единственным условием, чтобы различные классы обозначались различными символами. Обозначение класса, содержащего данный звук, назовем *о б р а з о м* этого звука. Цепочку символов, получающуюся из некоторой цепочки звуков путем замены каждого звука его образом, назовем *о б р а з о м* этой цепочки звуков. Назовем разбиение *с м ы с л о р а з л и ч и т е л ь н ы м*, если любые два исходные выражения, имеющие различные содержания, имеют различные образы. Поскольку в этом определении содержится ссылка на способ обозначения классов разбиения, постольку можно было бы полагать, что от этого способа будет, вообще говоря, зависеть, окажется ли данное разбиение смысловоразличительным. Однако на самом деле это не так: если разбиение

⁴⁰ Это требование выдвинуто в качестве определения фонемы (причем подчеркнуто, что фонемы могут и пересекаться) во впервые опубликованной еще в 1934 г. статье: Y u e n - R e n C h a o, The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems (сб. «Readings in linguistics», ed. by M. Joos, Washington, 1957). Заметим, что, согласно этому определению, английские звуки [p[~]], [p^h], [b] образуют каждый отдельную фонему (см. выше замечание 2). С допущением же пересекающихся фонем приведенному определению не противоречит, например, такое объединение русских звуков [л], [р], [у] в три фонемы 1, 2, 3: 1 = {[л], [р]}, 2 = {[р], [у]}, 3 = {[у], [л]}, причем [л], [р], [у] считаются аллофонами соответственно фонем 1, 2, 3 во всех позициях, кроме конца слова; на концах же слов [л], [р], [у] объявляются аллофонами фонем 3, 1, 2.

является смысловоразличительным при одном способе обозначения своих классов, то оно будет смысловоразличительным и при любом другом способе (лишь бы выполнялось упомянутое выше условие). Таким образом, разбиение является или не является смысловоразличительным само по себе, независимо от обозначений. Можно убедиться, например, что разбиение свободного варьирования является смысловоразличительным. (Заметим, между прочим, что для звуков, принадлежащих к одному и тому же классу смысловоразличительного разбиения, не может существовать минимальной пары.)

Назовем теперь разбиение почти фонематическим, если оно 1) устраняет свободное варьирование, 2) согласовано с отношением фонетической близости, 3) является смысловоразличительным. В условиях действия аксиомы близости свободных вариантов разбиение свободного варьирования является почти фонематическим. Более того, нетрудно доказать, что эта аксиома равносильна утверждению «существует почти фонематическое разбиение».

Пример 3.1. Алфавит звуков — $\{x, y, u, v\}$; все звуки являются фонетически близкими. Совокупность исходных выражений — $\{xy, ux, xu, yv\}$; никакие два выражения не являются равнозначными. Рассмотрим разбиение алфавита звуков на два класса: $\{x, v\}$ и $\{y, u\}$. Оно не будет почти фонематическим. Действительно, обозначим первый из этих классов через E , а второй через F . Образы исходных выражений будут соответственно таковы: EF, FE, EF, FE , так что различные исходные выражения с различными значениями (например, xy и xu) имеют одинаковые образы. По той же причине не будет почти фонематическим и такое разбиение: $\{x, y\}, \{u, v\}$.

Пример 3.2. Исходный материал — такой же, как в примере 3.1. Найдем все почти фонематические разбиения алфавита звуков. Их будет пять. Вот они:

№ 1. $\{x\},$	$\{y\},$	$\{u\},$	$\{v\}$	№ 4. $\{x, u\},$	$\{y\},$	$\{v\}$
№ 2. $\{x\},$	- $\{y\},$	$\{u, v\}$		№ 5. $\{x, u\},$	$\{y, v\}$	
№ 3. $\{x\},$	$\{u\},$	$\{y, v\}$				

Разбиение α называется укрупнением разбиения β , если любые два объекта, попадающие в один и тот же класс разбиения β , непременно попадают и в один и тот же класс разбиения α . Каждое разбиение является укрупнением самого себя. (Заметим, что разбиение, устраняющее свободное варьирование, можно было бы определить как разбиение, являющееся укрупнением разбиения свободного варьирования.)

Пример 3.3. В примере 3.2. следующие разбиения служат укрупнением для разбиений этого же примера: разбиение № 1 — для № 1; разбиение № 2 — для №№ 1 и 2; разбиение № 3 — для №№ 1 и 3; разбиение № 4 — для №№ 1 и 4; разбиение № 5 — для №№ 1, 3, 4, 5.

Назовем разбиение β алфавита звуков фонематическим, если, во-первых, оно почти фонематическое и, во-вторых, не существует такого разбиения этого же алфавита, которое было бы 1) отличным от разбиения β , 2) укрупнением разбиения β , 3) почти фонематическим.

Легко убедиться, что если для данного исходного материала существует хоть одно почти фонематическое разбиение, то существует и фонематическое разбиение (т. е. почти фонематическое разбиение, не допускающее дальнейшего укрупнения среди почти фонематических же разбиений).

Пример 3.4. Как показывает пример 3.3, следующие два разбиения являются фонематическими в условиях примера 3.1: а) разбиение № 2: $\{x\}, \{y\}, \{u, v\}$, б) разбиение № 5: $\{x, u\}, \{y, v\}$.

Назовем теперь фонемой класс фонематического разбиения. Каждое фонематическое разбиение задает, следовательно, свою систему фонем. Пример 3.4 показывает, что для одного и того же исходного материала возможны различные системы фонем (причем даже различающиеся по числу фонем в этих системах). Таким образом, пример 3.4 демонстрирует явление, называемое иногда «неоднозначностью фонематического решения».

Заметим, что в примере 3.4 система, состоящая из двух фонем, обладает той особенностью, что в некоторых исходных выражениях встречаются представители одной и той же фонемы подряд; следовательно, если обозначить некоторым образом фонемы, то в образах исходных выражений будут встречаться подряд две одинаковые фонемы. Поскольку может возникнуть потребность не рассматривать такие случаи⁴¹, ниже приводится пример (пример 3.5), в котором для одного и того же исходного материала возможны две системы фонем, причем каждая — без отмеченной только что особенности.

Пример 3.5. Алфавит звуков — {a, u, v, w}. Все звуки являются фонетически близкими. Исходные выражения — {a, u, v, awa, waw}. Все исходные выражения имеют различные значения. Возможны два фонематических разбиения: а) {w, u}, {v}, {a}; б) {w, v}, {u}, {a}.

Сделаем два заключительных замечания.

Замечание 1. Легко видеть, что построенная модель согласуется с «категорическими» (первыми тремя) правилами § 2: сформулированные в них запрещения и предписания осуществляются в предлагаемой модели. Что же касается рекомендуемого четвертого правила, то, как показывает пример 3.4, может случиться, что его рекомендация не выполняется ни для одной из возможных систем фонем (в названном примере звуки x и y находятся в отношении дополнительного распределения, но не объединяются в одну фонему ни в одной из двух возможных систем фонем).

Замечание 2. Изложенная модель прилагается без всяких изменений (за исключением терминологических) и в качестве модели для понятия графемы⁴² в языках с линейным письмом (т. е. письмом, допускающим линейную сегментацию). Роль исходных произнесений будут здесь играть «исходные написания», роль фонетической близости — графическая близость и т. д. Тогда, например, если считать буквы ъ и ь графически близкими (что довольно естественно), то они окажутся, по-видимому, аллографами одной графемы в письменном литературном русском языке с обязательным употреблением буквы ѣ⁴³. Возможно, что предложенная модель может быть использована и при построении моделей для других «эмических» понятий.

⁴¹ Ср.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 57, правило четвертое.

⁴² С другой стороны, задачу выделения фонем из потока речи можно трактовать как частный случай задачи выделения графем из письменного текста; см. В. А. Успенский, *Итоги работы секции алгоритмов машинного перевода «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1 (8), М., 1959, стр. 62.*

⁴³ Если не употреблять букву ѣ, то возникает противопоставление *вьемся — съемся*, любезно указанное автору А. А. Зализняком. За пределами литературного языка можно найти, по-видимому, еще несколько противопоставлений, в том числе такие, которые сохраняются и при употреблении буквы ѣ (например, *объём — объём, подобьем — подобьем, подобьем — подобьем*).

В. Н. БЕЛООЗЕРОВ

ФОРМАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОНЕМЫ

Основные понятия. Основной единицей, из которой исходит построение, явится звук языка. Звуки обладают каждый своим качеством, которое в принципе может быть описано в точных терминах, определяющих способ их образования (как-то: ряд, подъем, лабиализованность, звонкость и пр.) или их акустическое восприятие. Звуки будут характеризоваться с точки зрения их близости, похожести. Эту относительную характеристику дает функция, которую мы назовем расстоянием между звуками и которая основывается на объективных параметрах звуков; подробное ее обоснование выходит за рамки этой работы, относясь скорее к экспериментальной фонетике¹. Здесь расстояния между звуками считаются заданными.

Другим элементом нашего построения явится слово. Словом будем считать законченную последовательность звуков, возможную в рассматриваемом языке (т. е. в этой последовательности должны присутствовать все сигналы границ, положенные в данном языке). Следовательно, мы будем рассматривать все слова, возможные в языке, а не только реально существующие. Можно оперировать и лишь реально существующими словами, однако в этом случае надо привлекать к рассмотрению законы сочетания звуков, которые обычно описываются при рассмотрении фонетики языка. Но знание этих законов как раз и позволяет построить все возможные слова.

Таким образом, будем считать, что задан язык, если задано:

1. Конечное множество A — алфавит². Элементы этого множества называются звуками.

2. Во множестве A задана бинарная числовая функция $\rho(a_1, a_2)$, $a_1, a_2 \in A$. Эта функция, называемая расстоянием между a_1 и a_2 , удовлетворяет следующим требованиям:

$$\rho(a_1, a_2) = \rho(a_2, a_1) \tag{1a}$$

$$\rho(a, a) = 0 \tag{1б}$$

Если $\rho(a_1, a_2) = \rho(b_1, b_2) \neq 0$, то либо $a_2 = b_2$ и $a_1 = b_1$, либо $a_1 = b_2$, $b_1 = a_2$. Это условие (обозначим его (1в)) выражает тот факт, что расстояния

¹ Ср.: G. E. Peterson, F. Нагагу, Foundations in phonemic theory, сб. «Structure of language and its mathematical aspects» («Proceedings of symposia in applied mathematics», XII), Providence, 1961.

² В статье приняты следующие основные обозначения: A — алфавит; A^2 — множество пар звуков; C — сравнительная цепь пар звуков; C_s — сопоставленная сравнительная цепь; D — множество диагональных пар (a, a) , (b, b) , ...; P — множество противопоставленных пар звуков; S — множество сопоставленных пар звуков; Σ — словарь; $\Phi = (A, C_s)$ — фонетика; Φ' — укрупнение фонетики Φ ; $\{\Phi\}$ — естественная фонематика в фонетике Φ ; $a, b, c, \dots, x, y, \dots$ — звуки, элементы множества A ; (ab) , (ca) , ... — пары звуков; m, n, k, p, q, i, j — числа; $\rho = \rho(a, b)$ — расстояние между звуками; $(ab)'$ — пара звуков, следующая за (ab) ; $\{a, b, c, \dots\}$ — множество, состоящее из элементов a, b, c, \dots , $[a, b, c, \dots]$ — фонематика, состоящая из фонем $/a/$, $/b/$, $/c/$, ...

между различными звуками в действительности никогда не бывают одинаковыми; если же даже это получилось именно так при некоторой оценке расстояния, то достаточно повысить точность измерений, чтобы это случайное равенство нарушилось. Расстояния могут быть почти равными, но совершенно невероятно, чтобы они были тождественными.

Посредством расстояния ρ можно характеризовать близость звуков как в том случае, когда они различаются по одному параметру, так и тогда, когда различие их является многосторонним. Для этого достаточно представить звуки как точки в пространстве своих параметров, т. е. каждому звуку a надо сопоставить в качестве координат набор чисел $a = (n_1, n_2, \dots, n_k)$, где каждое число n_i определяет степень проявления какого-либо свойства звука. Теперь расстояние ρ можно определить каким-либо из способов, известных в математике. В частности, расстоянием между двумя звуками $a = (n_1, n_2, \dots, n_k)$ и $b = (m_1, m_2, \dots, m_k)$ можно назвать сумму их расстояний по каждому из параметров, т. е. сумму разностей координат:

$$\rho(a, b) = \sum_{i=1}^k |n_i - m_i|.$$

Например, основные гласные русского языка характеризуются тремя параметрами: рядом, подъемом и огубленностью. Можно положить: $u = (1, 1, 1)$, $e = (2, 2, 1)$, $a = (3, 3, 2)$, $y = (5, 1, 3)$, $o = (4, 2, 3)$, $ы = (3, 1, 2)$. Здесь первая цифра определяет ряд: 1 — передний, 3 — средний, 5 — задний. Второе число соответствует подъему: 1 — верхний, 2 — средний, 3 — нижний. Огубленность описывается третьим числом: 3 — губы округлены, 2 — губы нейтральны, 1 — губы растянуты. Таким образом, например, расстояние между u и o : $\rho(u, o) = 3 + 1 + 2 = 6$. Если бы мы захотели рассмотреть также и редуцированные гласные, то пришлось бы ввести еще одну координату — степень редукции или ударности.

Функция ρ устанавливает линейную упорядоченность во множестве пар звуков A^2 таким образом, что если не рассматривать пар тождественных звуков, то все пары можно расположить в порядке строгого возрастания расстояния между звуками пары:

$$(a_1 b_1) < (a_2 b_2) < \dots < (a_n b_n). \quad (2)$$

Здесь символ $(a_1 b_1) < (a_2 b_2)$ выражает тот факт, что $\rho(a_1, b_1) < \rho(a_2, b_2)$. Собственно, такая упорядоченность в A^2 есть как раз то, для чего была введена функция ρ , и то, что понадобится в дальнейшем. Цепь (2) обозначим буквой C и назовем ее сравнительной цепью пар звуков алфавита A с расстоянием ρ . $C = C(A, \rho)$. Элемент цепи (2) $(a_i b_i)$ такой, что для любого i ($1 \leq i \leq n$) $(a_i b_i) \leq (a_j b_j)$, назовем минимальной парой. Если $(a_i b_i) < (a_j b_j)$, то будем говорить, что пара $(a_i b_i)$ более близкая, а $(a_j b_j)$ — более далекая. Если $(a_i b_i) < (a_j b_j)$, и нет такой пары (a^*, b^*) , чтобы $(a_i b_i) < (a^* b^*) < (a_j b_j)$, то будем говорить, что $(a_j b_j)$ следует за $(a_i b_i)$ и записывать это так: $(a_j b_j) = (a_i b_i)^1$.

Использование функции ρ в дальнейшем вызвано исключительно соображениями наглядности и лаконичности. Вместо нее можно использовать только сравнительную цепь. Если цепь C задана, то в качестве расстояния можно принять функцию $\hat{\rho}$, определяемую так:

$$\begin{aligned} \hat{\rho}(a_1, b_1) &= 1, \text{ если } (a_1 b_1) \text{ — минимальная пара } C, \\ \hat{\rho}(a, b)^1 &= \rho(a, b) + 1, \end{aligned} \quad (3)$$

где $(ab) \in A^2$, а $(ab)^1$ — пара, следующая за (ab) в цепи C .

3. Задано множество Σ конечных последовательностей звуков $\alpha = a_1 a_2 \dots a_m$. Σ будем называть словарем. Элементы этого множества, слова, будут обозначаться малыми греческими буквами. Так же будут обозначаться последовательности звуков, не входящие в Σ .

Эти три объекта: алфавит A , сравнительная цепь C и словарь Σ — определяют объект (A, C, Σ) , который назовем языком.

Фонетика. Назовем пару звуков (ab) противопоставленной, если в словаре Σ существуют два слова α и β такие, что

$$\alpha = x_1 \dots x_p a y_1 \dots y_q$$

$$\beta = x_1 \dots x_p b y_1 \dots y_q.$$

Множество противопоставленных пар обозначим буквой $P (\subseteq A^2)$. Диагональные пары (aa) , $a \in A$, пусть образуют множество $D \subseteq A^2$. Все остальные пары назовем сопоставленными, они образуют множество $S \subseteq A^2$. $P \cup D \cup S = A^2$.

Упорядоченность множества A^2 индуцирует упорядоченность во множестве S таким образом, что упорядоченное S представляет собой строго возрастающую цепь

$$C_s = (a_1 b_1) < (a_2 b_2) < \dots < (a_n b_n); (a_i b_i) \in S, 1 \leq i \leq n. \quad (4)$$

Алфавит A и сравнительная цепь сопоставленных пар C_s образуют объект (A, C_s) , который можно назвать фонетикой. Все дальнейшие построения используют по существу лишь этот образ.

Фонематика. Сначала надо определить некоторые понятия.

1. Пусть E и F — некоторые множества звуков, $E \subseteq A$ и $F \subseteq A$, а e и f — звуки, принадлежащие этим множествам соответственно. Тогда расстоянием между множествами E и F назовем минимальное расстояние между звуками этих множеств:

$$\rho(F, E) = \min \rho(f, e), e \in E, f \in F. \quad (5)$$

(Если E и F пересекаются, то $\rho(E, F) = 0$.)

2. Будем пару множеств (EF) называть противопоставленной, если существует противопоставленная пара звуков (ef) , принадлежащих этим множествам ($e \in E, f \in F$).

Разбиение алфавита A на фонемы будет достигнуто осуществлением последовательных операций укрупнения фонетики $\Phi = (A, C_s)$.

Пусть

$$A = \{a_1, a_2, \dots, a_{m-1}, a_m\},$$

$$C_s = (b_1 c_1) < (b_2 c_2) < \dots < (b_n c_n),$$

$$a_m = b_1,$$

$$a_{m-1} = c_1.$$

Тогда первым укрупнением фонетики Φ назовем фонетику $\Phi' = (A', C_s)$, так что:

$$A' = \{a'_1, a'_2, \dots, a'_{m-1}\}, \text{ где}$$

$$a'_1 = \{a_1\},$$

$$a'_2 = \{a_2\},$$

$$\dots \dots \dots$$

$$a'_{m-2} = \{a'_{m-2}\},$$

$$a'_{m-1} = \{b_1, c_1\} = \{a_{m-1}, a_m\}.$$

C'_s образуется из A' при помощи функции ρ , определенной согласно (5) так же, как C_s было образовано из A , где противопоставленность множеств понимается в смысле, определенном выше. Строгая упорядоченность S' и C'_s следует хотя бы из построения функции ρ согласно условиям (3).

Поскольку $\Phi' = (A', C'_s)$ является фонетикой, то операцию укрупнения можно повторить и перейти к $\Phi'' = (A'', C''_s)$. После ρ укрупнений получим $\Phi^{(p)} = (A^{(p)}, C_s^{(p)})$. За каждый такой шаг количество пар в цепи $C_s^{(p)}$ уменьшается по крайней мере на единицу. Операцию последовательного укрупнения можно продолжать до тех пор, пока не окажется, что множество сопоставленных пар $S^{(p)}$ пусто. Если $S^{(p)} = 0$, то $A^{(p)}$ представляет собой разбиение алфавита на непересекающиеся подмножества — такие, что все они попарно противопоставлены.

О п р е д е л е н и е. Фонетику с пустым классом сопоставленных пар звуков будем называть **фонематикой**, а каждый из ее звуков — **фонемой**. Фонематику $[\Phi]$, полученную путем последовательного укрупнения фонетики Φ , назовем **естественной фонематикой** для порождающей ее фонетики.

Естественная фонематика обладает следующими свойствами, важными для фонологии: 1) все фонемы попарно противопоставлены; 2) фонематика осуществляет разбиение множества звуков на непересекающиеся классы, т. е. один звук может принадлежать одной и только одной фонеме; 3) все звуки, образующие одну фонему, попарно сопоставлены, т. е. внутри фонемы нет противопоставленных звуков (эти свойства следуют непосредственно из определения фонемы и построения естественной фонематики); 4) в одну фонему входят наиболее близкие звуки; или, точнее, справедлива следующая теорема.

Т е о р е м а. Пусть звук a принадлежит фонеме $/a/$ ($a \in /a/$) и $b \in /b/$, причем a и b сопоставлены ($(ab) \in S$). Тогда, если $/a/ \neq /b/$, то существует $a^* \in /a/$ или $b^* \in /b/$ такие, что $(ab) > (aa^*)$ или $(ab) > (bb^*)$, т. е. a^* ближе к a или b^* ближе к b , чем a и b друг к другу.

Эта же теорема может быть сформулирована так: если a и b таковы, что нет такого c , которое было бы ближе к a или к b , чем a и b друг к другу, то a и b принадлежат одной фонеме.

Доказательство этого предложения довольно просто. Если (ab) минимальный элемент C_s , то, очевидно, эти звуки сразу же объединяются в одну фонему. С другой стороны, поскольку (ab) — самая близкая пара из тех, в которые входят a и b , то при последовательных укрупнениях эти звуки не будут вовлечены ни в одно объединение до тех пор, пока для n -го укрупнения не получится, что в $C_s^{(n)}$ пара $(ab) = (a^{(n)}b^{(n)})$ — минимальная. При следующем укрупнении эта пара будет объединена. Тем самым теорема доказана.

Таким образом, построено понятие фонемы, удовлетворяющее в основном требованиям фонологической школы Л. В. Щербы. Язык (в смысле нашего определения) во всей полноте здесь не использовался. Однако множество звуков A , разбиение его на фонемы $[\Phi]$ и множество всех возможных последовательностей звуков Σ порождают объект, изоморфный языку О. С. Кулагиной³, построенному для формального определения грамматических понятий. Эта работа поэтому позволяет произвести в среде звуков такую же функциональную классификацию, как

³ Ср.: О. С. Кулагина, Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств, «Проблемы кибернетики», 1, 1958.

это было сделано Кулагиной для слов. Здесь представляется возможным найти ключ к объективной классификации звуков.

Примеры. В качестве примеров рассмотрим следующие простые фонетики, взятые из конкретных вопросов фонологии.

1. Английский нейтральный звук ε не однороден, а в разных случаях звучит по-разному⁴. А именно: в абсолютном исходе слова этот звук более открыт, чем обычно, приближаясь к \wedge (обозначим его ε^\wedge); по соседству с согласными k и g нейтральный звук, уподобляясь этим согласным, звучит с y -образным оттенком (ε^y); перед окончаниями $-d$ (Past Indefinite и Past Participle) и $-s$ (3-е лицо, мн. число, притяжат. падеж), если нейтральному звуку соответствует гласный плюс r , нейтральный звук может удлиняться (обозначим этот вариант ε^r); обычный вариант близок к ε : (обозначим его ε^0).

В соответствии с этим описанием звуки ε^0 и ε^r противопоставлены. Например, слова *sofas* (мн. число от *sofa*) и *suffers* (3-е лицо от *to suffer*) — в первом звучит ε^0 , а во втором удлиненное ε^r . Возможны такие словоформы, различие которых состоит лишь в этом противопоставлении. Так как имеется противопоставление, то все эти звуки нельзя относить к одной фонеме.

Фонетика строится так:

Алфавит: $A_1 = \{\varepsilon^0, \varepsilon^r, \varepsilon^y, \varepsilon^\wedge\}$.

Вопрос о степени близости этих звуков неясен. Мы воспользуемся следующими соображениями: ε^y — самый закрытый, ε^\wedge — самый открытый, ε^0 — средний между ними. Поэтому $(\varepsilon^y \varepsilon^\wedge) > (\varepsilon^y \varepsilon^r)$ и $(\varepsilon^y \varepsilon^\wedge) > (\varepsilon^r \varepsilon^0)$. Далее, ε^0 отличается от ε^r в основном лишь длительностью, поэтому $(\varepsilon^0 \varepsilon^r) < (\varepsilon^y \varepsilon^\wedge)$ и $(\varepsilon^0 \varepsilon^r) < (\varepsilon^r \varepsilon^0)$. Кроме того, разумно положить, что $(\varepsilon^y \varepsilon^y) > (\varepsilon^y \varepsilon^y)$ и $(\varepsilon^\wedge \varepsilon^\wedge) > (\varepsilon^\wedge \varepsilon^\wedge)$, так как ε^r отличается от ε^y и ε^\wedge , кроме способа образования, еще и длительностью. Не считая расстояние между ε^r и ε^0 слишком большим, можно считать, что $(\varepsilon^y \varepsilon^\wedge) > (\varepsilon^y \varepsilon^r)$ и $(\varepsilon^y \varepsilon^\wedge) > (\varepsilon^r \varepsilon^0)$, так же как это было для ε^0 . Есть основание считать, что разница в длительности между ε^0 и ε^r более существенна, чем разница в качестве между ε^0 и ε^y , ε^0 и ε^\wedge , так как в первом случае она связана со смыслом⁵, поэтому положим $(\varepsilon^0 \varepsilon^r) > (\varepsilon^y \varepsilon^0)$ и $(\varepsilon^0 \varepsilon^r) < (\varepsilon^y \varepsilon^0)$. Наконец, поскольку ε^\wedge обычно длиннее, чем ε^y и ε^0 , то можно принять следующие неравенства: $(\varepsilon^\wedge \varepsilon^r) < (\varepsilon^y \varepsilon^r)$ и $(\varepsilon^\wedge \varepsilon^0) > (\varepsilon^y \varepsilon^0)$. Теперь имеем такую сравнительную цепь C_1 :

$$(\varepsilon^y \varepsilon^y) < (\varepsilon^\wedge \varepsilon^0) < (\varepsilon^0 \varepsilon^r) < (\varepsilon^\wedge \varepsilon^r) < (\varepsilon^y \varepsilon^r) < (\varepsilon^y \varepsilon^\wedge).$$

Из этой цепи надо выкинуть противопоставленную пару $(\varepsilon^0 \varepsilon^r)$, и получится сопоставленная сравнительная цепь C_{s1} .

Алфавит A_1 и цепь C_{s1} задают фонетику Φ_1 .

Первое укрупнение:

$$\{\varepsilon^y, \varepsilon^0\} = \varepsilon^1.$$

$$A_1^{(1)} = \{\varepsilon^1, \varepsilon^r, \varepsilon^\wedge\}, \quad C_{s1}^{(1)} = (\varepsilon^\wedge \varepsilon^r) < (\varepsilon^\wedge \varepsilon^\wedge).$$

Второе укрупнение:

$$\{\varepsilon^\wedge, \varepsilon^1\} = \varepsilon^2.$$

$$A_1^{(2)} = \{\varepsilon^2, \varepsilon^r\}, \quad C_{s1}^{(2)} \text{ — пусто, так как } \varepsilon^2 \text{ противопоставлен } \varepsilon^r.$$

⁴ Ср.: В. А. Васильев и др., Фонетика английского языка, Л., 1962; О. И. Дикишина, Фонетика английского языка, М., 1952.

⁵ Использование критерия смысла в этом случае не является принципиально существенным. Это потребовалось лишь для установления степени близости звуков, определение которой должно предшествовать применению предложенной теории. Однако такой «звукометрией», насколько мне известно, еще никто не занимался, поэтому в разбираемых примерах приходится делать это весьма кустарным методом.

Таким образом получаем фонематику $[\Phi_1] = [a, a']$, где фонемы — $|a| = \{a^u, a^l, a^o\}$ и $|a'| = \{a'\}$, т. е. удлинённый звук a' выделяется в особую фонему.

2. В русском языке ударным звукам a и o в безударных словах соответствуют \wedge и ε . Противопоставлены только a и o . Относить звук ε к a только потому, что он ближе к нему, чем к o , не представляется вполне состоятельным хотя бы потому, что в индивидуальном произношении может быть наоборот. Примем именно этот вариант: $(\varepsilon o) < (\varepsilon a)$. В любом случае в этой четверке ближе всего звуки ε и \wedge , а самые дальние — a и o . Таким образом, сравнительная цепочка может быть записана так:

$$(\varepsilon \wedge) < (\wedge a) < (\varepsilon o) < (\varepsilon a) < (a o) < (\wedge o) = C_2.$$

Здесь было решено, что $(a o) < (\wedge o)$, так как безударное \wedge отличается от o еще и меньшей напряженностью (этого различия нет между a и o). Чтобы получить сопоставленную сравнительную цепь C_{32} , из C_2 надо выбросить противопоставленную пару $(a o)$.

Алфавит: $A_2 = \{a, o, \wedge, \varepsilon\}$.

Тем самым фонетика $\Phi_2 = (A_2, C_{32})$ определена. Первое укрупнение $u_1 = \{\varepsilon, \wedge\}$, $A_2^{(1)} = \{a, o, a_1\}$, $C_{32}^{(1)} = (a a_1) < (a_1 o)$.

Второе укрупнение $a_2 = \{a_1, a\}$ приводит к фонематике, так как $C_{32}^{(2)}$ — пусто. Фонематика $[\Phi_2] = [a, o]$, где $|a| = \{\wedge, a, \varepsilon\}$, $|o| = \{o\}$.

3. В старославянском языке, помимо редуцированного гласного переднего ряда ε , существовал еще редуцированный u , который не противопоставлялся ни звуку ε , ни полному u . Редуцированные могли встречаться в сильной и слабой позициях. В зависимости от позиции их звучание менялось, главным образом, по степени редуцированности. Редуцированные в слабой позиции будем обозначать $\varepsilon_2, \varepsilon_1$, в сильной — $\varepsilon_1, \varepsilon_2$, а u — гласный полного образования.

Самая близкая пара — это $(\varepsilon_2 \varepsilon_1)$, так как при сильной редукции естественно нивелируется качество звуков; кроме того, в памятниках письменности иногда ε_1 обозначали как ε_2 . Примем $(\varepsilon_1 \varepsilon_2) < (\varepsilon_2 \varepsilon_1)$. Это утверждение более или менее может быть оправдано тем, что звук u имеет здесь три количественные градации: $u, \varepsilon_1, \varepsilon_2$, в то время как ε — только две: $\varepsilon_1, \varepsilon_2$; думается, что в случае двух вариантов разница между ними может быть больше, три варианта должны располагаться теснее. Разумеется, что $(\varepsilon_1 u) > (\varepsilon_2 u)$, также $(\varepsilon_1 \varepsilon_1) < (\varepsilon_2 u)$. Пусть $(\varepsilon_1 u) < (\varepsilon_2 \varepsilon_1)$, так как в ходе развития языка ε_1 перешло в u . Наиболее далекой парой признаем $(\varepsilon_2 u), (\varepsilon_2 u) > (\varepsilon_1 u)$, так как ε_1 и u отличаются меньше по редукции, чем ε_2 и u . Думается, что $(\varepsilon_1 \varepsilon_1) > (\varepsilon_2 \varepsilon_1)$ и $(\varepsilon_1 \varepsilon_2) > (\varepsilon_2 \varepsilon_2)$, так как качественные характеристики существеннее, что видно из того, что в старославянском языке не было противопоставления звуков только по количеству. По этим же соображениям $(\varepsilon_1 u) > (\varepsilon_2 \varepsilon_1)$; но $(\varepsilon_2 u) > (\varepsilon_1 \varepsilon_2)$, так как между ε_1 и u есть промежуточный звук ε_2 , а ε_2 и ε_1 — соседние. Далее, $(\varepsilon_1 \varepsilon_2) > (\varepsilon_2 \varepsilon_2)$, так как в первой паре есть отличие по степени редукции. Можно положить, что $(\varepsilon_2 \varepsilon_2) < (\varepsilon_1 \varepsilon_2)$. Итак получаем фонетику Φ_3 :

$$A_3 = \{u, \varepsilon_1, \varepsilon_2, \varepsilon_1, \varepsilon_2\}$$

$$C_3 = (\varepsilon_2 \varepsilon_1) < (u, \varepsilon_1) < (\varepsilon_1 \varepsilon_1) < (\varepsilon_2 \varepsilon_2) < (\varepsilon_2 u) < (\varepsilon_1 \varepsilon_2) < (\varepsilon_2 \varepsilon_1) < (\varepsilon_1 \varepsilon_2) < (\varepsilon_1 \varepsilon_2) < (\varepsilon_2 u) < (\varepsilon_2 u).$$

Два последних члена этой цепочки противопоставлены. Выкинув их, получим сопоставленную цепь C_{33} .

Первое укрупнение:

$$\{\dot{i}\dot{b}\} = b_1.$$

$$A_3^{(1)} = \{u, \dot{i}, \check{v}, b_1\}, C_{s\check{s}}^{(1)} = (u, \dot{i}) < (b_1\dot{i}) < (b_1\check{v}) < (\check{v}\check{v}).$$

Второе укрупнение:

$$\{u, \dot{i}\} = u_1.$$

$$A_3^{(2)} = \{u_1, \check{v}, b_1\}, C_{s\check{s}}^{(2)} = (b_1\check{v}).$$

Третье укрупнение:

$$(b_1\check{v}) = b_2.$$

$A_3^{(3)} = \{u_1, b_2\}$, $C_{s\check{s}}^{(3)}$ — пусто, что определяет фонематику $[\Phi_3] = [u, b]$, где $|u| = \{u, \dot{i}\}$, $|b| = \{\check{v}, \check{v}, \dot{i}\}$.

З а м е ч а н и е. Если бы мы посчитали, что $(\dot{i}\dot{b}) > (\dot{i}\dot{i})$ в силу разного качества звуков первой пары, то распределение по фонемам было бы другое: $|u| = \{u, \dot{i}\dot{i}\}$, $|b| = \{\check{v}, \check{v}\}$. С другой стороны, считая, что $(\check{v}\check{v}) < (\check{v}u)$ в силу общего происхождения звуков первой пары, получили бы $|u| = \{u\}$ и $|b| = \{\check{v}, \check{v}, \dot{i}, \dot{i}\}$. Надо думать, что на разных этапах исторического развития редуцированных гласных могли существовать различные фонемные связи.

Этим же методом можно рассматривать и более сложные системы.

О. Г. КАРПИНСКАЯ

ТИПОЛОГИЯ РОДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Первый шаг в построении типологической классификации славянских языков по категории рода¹ должен состоять в определении основного критерия, по которому выделяются роды, и построении на основе этого единого критерия моделей родовых систем всех славянских языков.

Принципы выделения грамматических родов оживленно дискутировались на протяжении всей истории лингвистической науки². Можно назвать три основных принципа такого выделения: семантический, морфологический и синтаксический, что соответствует отражению категории рода на всех уровнях языковой системы. Однако как самостоятельная грамматическая категория, противопоставленная другим категориям имени, род может быть выделен только по синтаксическим признакам. В последнее время были предложены формальные процедуры выделения родов, основанные на учете различных согласований имени существительного с зависящими от него словами³. Разработка этих процедур имеет особое значение для славянских языков. На протяжении истории в славянских языках развились одушевленные и личные роды, по своим семантическим и морфологическим признакам отличающиеся от индоевропейской трехродовой системы. Поэтому в большинстве традиционных описаний одушевленные и личные роды противопоставляют мужскому, женскому и среднему родам и выделяют три категории: собственно категорию рода, категорию одушевленности — неодушевленности и личности — неличности. Между тем при построении моделей рода для славянских языков обнаруживается, что одушевленные и личные роды выделяются одной формальной процедурой параллельно с тремя старыми родами, т. е. они имеют одинаковую с этими родами синтаксическую природу.

1. Понятие ядра родовой системы. Модели рода (I) и (II). Процесс построения моделей родовых систем можно разделить на два этапа. На первом этапе выявляются все существующие согласования имени существительного с зависящими от него словами (прежде всего прилагательными), возможные в данной системе. При этом обнаруживается, что 1) одни согласования повторяются по всей парадигме, другие встречаются в одной-двух падежных формах; 2) падежные формы различаются числом со-

¹ О типологии рода в славянских языках см.: L. Hjelmslev, *Animé et non-animé, personnel et non-personnel*, «Travaux de l'Institut de linguistique», I, Paris, 1956; N. Durnovo, *La catégorie du genre en russe moderne*, REŚI, IV, 1—4, 1924; I. Fodor, *La typologie des langues slaves et le genre grammatical*, сб. «Славянска филология», III, София, 1963.

² См. об этом: I. Fodor, *The origin of grammatical gender*, «Lingua», VIII, 1—2, 1959; I. Handeł, *Problem rodzaju gramatycznego*, Kraków, 1924; G. Rouen, *Die nominalen Klassifikations-systeme in den Sprachen der Erde*, Wien, 1929. Библиография литературы о роде имеется в книге: В. В. Виноградов, *Русский язык*, М.—Л., 1947.

³ А. А. Зализняк, *Категории рода и одушевленности в русском языке*, ВЯ, 1964, 4; S. Marcuș, *Le genre grammatical et son modèle logique*, «Cahiers de linguistique théorique et appliquée», I, 1962; A. M. Schenker, *Gender categories in Polish*, «Language», XXXI, 3, 1955

гласований. Сначала следует выявить те падежные формы, в которых представлены все или большинство согласований данной системы. Если находится форма, где выражены все согласования, первый этап работы завершается. Если же для данной системы можно найти только такую падежную форму, где представлены не все, а большая часть согласований, к ней добавляются формы, в которых представлены недостающие согласования. В каждой падежной форме представлено разбиение имен существительных на семейства, т. е. множества слов, имеющих одинаковое согласование. Второй этап состоит в анализе разбиений на семейства в выделенных падежных формах.

Если в данной форме представлены все возможные согласования данной системы, то разбиение по родам совпадает с разбиением на семейства в этой форме. Если приходится рассматривать разбиения на семейства в двух падежных формах, выделение родов происходит следующим образом. Прежде всего производится идентификация членов одной парадигмы словоизменения, причем все члены парадигмы считаются представителями одного слова. Каждое разбиение на семейства дает новое разбиение множества слов. Система родов выделяется в результате взаимного измельчения разбиений имен, возникающих на основе семейств.

Таким образом, в процессе построения моделей родовой системы является минимальная совокупность форм, в которой представлены все согласования данной системы (назовем ее *диагностическим ядром*); затем происходит выделение родов, опирающееся на знание согласований только в этих формах. Для одной и той же родовой системы можно построить различные модели, диагностические наборы которых не совпадают между собой. Кроме того, некоторые модели строятся на основе нескольких диагностических наборов. Назовем *ядром родовой системы* совокупность форм, каждая из которых входит в диагностический набор хотя бы одной модели этой системы. Любую из моделей рода можно построить, пользуясь только формами ядра. Вместе с тем в ядре отражены основные особенности функционирования грамматических родов в системе языка. Поэтому описание родовой системы любого славянского языка можно свести к описанию ее ядра и строить типологию родовых систем, опираясь на сравнение их ядер. Это позволяет сделать типологическое описание компактным и вместе с тем достаточно полным.

Для восьми славянских языков — верхнелужицкого, польского, русского, сербского, словенского, словацкого, украинского и чешского — построим модель рода (I) с учетом согласований существительных с прилагательными, представленных в простом предложении. В табл. 1 отражено разбиение славянских языков на группы, возникающее по этой модели, с указанием системы родов, свойственной каждой группе.

Как видно из табл. 1, диагностические наборы модели (I) славянских родовой систем строятся на основе согласований, представленных в формах им. и вин. падежей обоих чисел. При этом между типом диагностического набора и входящими в него формами существует следующее соотношение: 1) если диагностический набор родовой системы состоит из одной формы (как в сербском и чешском языках), это форма вин. падежа ед. числа; 2) если родова система имеет два или три диагностических набора, они связаны одной общей формой вин. падежа; вторая форма может быть формой вин. или им. падежа.

Следовательно, модель рода (I) можно построить, исключив согласования в им. падеже и пользуясь только формами вин. падежа. Это происходит потому, что информация о роде им. падежа повторяется в вин., но сверх того в вин. падеже имеются такие данные о роде, которые в им. (и ни в каком другом) не представлены.

Построим модель рода (II), в которой не учитываются согласования в форме вин. падежа. В табл. 2 представлено разбиение языков на группы с указанием системы родов каждой из групп, возникающее по модели (II).

Модель рода (I)

Характеристика диагностических наборов		Языки			
		сербский (аналогично чешский)	словенский	русский (аналогично украинский)	польский (аналогично верхнелужицкий и словацкий)
Формы, входящие в диагностические наборы	И. ед.		<i>dǎbri dǎbra dǎbrǒ kǒnj rĭba sĕlo snop</i>	<i>тихий тихая тихое мальчик девочка село дом река животное</i>	
	И. мн.		<i>dǎbri dǎbre dǎbra kǒnji rĭbe sĕla snǒpi</i>		<i>dobrzy dobre synowie konie, lasy, cǒrki, sela</i>
	В. ед.	<i>mlǎdǒga mlǎdi mlǎdǔ mlǎdǒ orǎĉa grǎd Ĺĕnu d'vo</i>	<i>dǎbrego dǎbri dǎbro kǒnja snǒp rĭbo, sĕlo</i>	<i>тихого тихий тихую тихое мальчика дом девочку село реку животное</i>	<i>dobrego dobry dobrǎ dobre syna las corke, selo konia</i>
	В. мн.		<i>dǎbre dǎbra kǒnje sĕla snǒpe rĭbe</i>	<i>тихих тихие мальчиков дома девочек реки животных села</i>	<i>dobrzy dobre synowie konie, lasy, cǒrki, sela</i>
Разбиения на семейства в формах диагностиче- ского набора	И. ед.		(но, мно) (ж) (с)	(мо, мно) (жо, жно) (со, сно)	
	И. мн.				(лм, влмо, мно, ж, с)
	В. ед.	(мо) (мно) (ж) (с)	(мо) (мно) (ж, с)	(мо) (мно) (жо, жно) (со, сно)	(лм, влмо) (мно) (ж) (с)
	{В. мн.		(мо) (мно, ж) (с)	(мо, жо, со) (мно, жно, сно)	(лм), влмо) (мно) (ж) (с)
Диагностические наборы	В. ед.	1. В. ед. + И. ед. 2. В. ед. + И. мн. 3. В. ед. + В. мн.	1. В. мн. + И. ед. 2. В. мн. + В. ед.	1. В. ед. + И. мн. 2. В. ед. + В. мн.	
Инвентарь родов, выделяемых по модели (I)		мо мно ж с	мо мно жо жно со сно	лм влмо мно ж с	

¹ В таблицах приняты следующие условные обозначения: м — мужской; ж — женский; с — средний; мо — мужской одушевленный; мно — мужской неодушевленный; жо — женский одушевленный; жно — женский неодушевленный; со — средний одушевленный; сно — средний неодушевленный; лм — лично-мужской; влм — лично-мужской одушевленный; влмо — лично-мужской неодушевленный; с-д собственно детерминирующая форма; не-д — несобственно-детерминирующая форма; прочерк обозначает недетерминирующую форму.

Таблица 2

Модель рода (II)

Характеристики диагностических наборов		Языки			
		сербский (аналогично словенский)	русский (аналогично украинский)	чешский	польский (аналогично верхнелужицкий и словацкий)
Формы, входящие в диагностический набор	И. ед.	<i>mlādi mlādā mlādō d̄rāč žena d̄rvo grād</i>	<i>мизий мизая мизов мальчик девочка село</i>	<i>dobrý dobrá dobré chláp žena město hrad</i>	<i>dobry dobra dobre syn córka село las</i>
	И. мн.	<i>mlādī mlādē mlādā orāči žene d̄rva</i>		<i>dobří dobré dobrá chlapi hrady města ženy</i>	<i>dobrzy dobre synowie lasy, córki, села</i>
Разбиения на семейства в формах diagnosti- ческого набора	И. ед.	(м) (ж) (с)	(м) (ж) (с)	(мо, мно) (ж) (с)	(лм, нлм) (ж) (с)
	И. мн.	(м) (ж) (с)		(мо) (мно, ж) (с)	(лм) (нлм, ж, с)
Диагностические наборы		1. И. ед. 2. И. мн.	И. ед.	И. ед. + И. мн.	
Инвентарь родов, выделяемых по модели (II)			м ж с	мо мно ж с	лм нлм ж с

Между системами родов, построенными по моделям (I) и (II), могут существовать следующие отношения: 1) родовые системы тождественны, т. е. по обеим моделям выделяются одинаковые роды. Таково положение в чешском языке, где в обоих случаях выделяются мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний роды; 2) родовые системы совпадают частично. Так, в верхнелужицком, польском и словацком языках по обеим моделям выделяются лично-мужской, женский и средний роды. Кроме того, по модели (I) выделяются нелично-мужской одушевленный и мужской неодушевленный роды, а по модели (II) — нелично-мужской род. Такое соотношение имеет место также в сербском и словенском языках; 3) родовые системы не совпадают. Такова ситуация в русском и украинском языках.

В случае, когда инвентари родов моделей (I) и (II) полностью или частично не совпадают между собой для данного языка, между системами родов этих моделей имеется отношение гомоморфизма, состоящее в следующем: 1) если между двумя родами в модели (I) имеется некоторое соотношение, оно сохраняется и в модели (II); 2) два слова, относящиеся к одному роду по модели (I), относятся к одному роду и по модели (II), но обратное неверно.

Роды модели (I) назовем **включаемыми**, а все роды модели (II) — **включающими**. Соотношение включающих и включаемых родов можно представить следующим образом:

Включающие роды	Включаемые роды
1. Нелично-мужской род	<ul style="list-style-type: none"> нелично-мужской одушевленный мужской неодушевленный
2. Мужской род	<ul style="list-style-type: none"> мужской одушевленный мужской неодушевленный
3. Женский род	<ul style="list-style-type: none"> женский одушевленный женский неодушевленный
4. Средний род	<ul style="list-style-type: none"> средний одушевленный средний неодушевленный

Отношение гомоморфизма, существующее между системами родов моделей (I) и (II), позволяет считать модель (II) частным случаем модели (I). В связи с этим возникает вопрос о месте обеих моделей в описании родовых систем славянских языков.

Напомним, что модель (II) строилась с отвлечением от согласований в форме вин. падежа. С точки зрения порождающей грамматики это отвлечение означает, что модели (I) и (II) служат для порождения разных типов предложений. Модель (I) порождает предложения, в которых имеется переходный глагол. Модель (II) порождает предложения без переходного глагола. Поэтому в ней учтены нейтрализации более дробных одушевленных родов, происходящие при порождении простых предложений без переходного глагола.

С точки зрения аналитической грамматики модели (I) и (II) отражают системы родов, функционирующие на разных сегментах. Модель (II) должна быть приравнена к модели рода С. Маркуса, которую он строит для некоторых индоевропейских языков на сегменте «именная группа» (прилагательное + существительное). В модели (I) представлена система родов, фигурирующая на более крупном сегменте «простое предложение» со включением глагольной группы.

Очевидно, что при описании родовых систем славянских языков следует одновременно рассматривать обе модели. Именно к такому способу описания пришла традиционная грамматика, выделив трехродовую систему (мужской, женский, средний) и противопоставив эти роды остальным.

2. Метод типологического описания славянских родовых систем. Типология родовых систем строится на основе сравнения их ядер. Можно выявить следующие особенности строения родовых ядер: 1) в ядра родовых

систем всех славянских языков входит от трех до четырех форм, в том числе формы им. и вин. падежей ед. числа; 2) в ядра родовых систем чешского и сербского языков входит форма им. падежа мн. числа; 3) в ядра родовых систем русского и украинского языков входит форма вин. падежа мн. числа; 4) в ядра родовых систем верхнелужицкого, польского, словацкого и словенского языков входят все формы, входящие в ядра других родовых систем. Таким образом, родовые ядра одних славянских языков выглядят более компактными по сравнению с другими. Существенно отметить, что различие ядер славянских родовых систем проявляется в пределах вполне обозримого числа форм (а именно форм. им. и вин. падежей обоих чисел), которые составляют родовое ядро всех славянских языков.

Дальнейшее типологическое описание строится на основе понятия родового ядра славянских языков. Составляется инвентарь признаков, который учитывает структурные особенности строения родового ядра, и каждый из языков получает характеристику по этим признакам. Однородность вопросной процедуры, применяемой к родовым системам, позволяет сравнить полученные результаты и выявить меру сходства и различия этих систем⁴.

В построении типологии славянских родовых систем можно выделить два этапа. На первом — подготовительном — этапе производится идентификация (по семантическому критерию) единиц, из которых состоят родовые системы, т. е. грамматических родов, и их сравнительный анализ. Каждый из родов получает формальную характеристику в пределах своей родовой системы. При сравнении этих формальных характеристик выделяется ряд инвариантных черт, которые присущи всем конкретным проявлениям данного рода в отдельных родовых системах, и вместе с тем специфические черты, свойственные данному роду только в некоторых или в одной родовой системе. Так возникает понятие *надславянского грамматического рода*, который совмещает в себе формальные характеристики конкретных реализаций этого рода в отдельных языках, так что любой из этих конкретных родов может быть выведен из надславянского. Для каждого из надславянских родов определяется формальная область их функционирования во всех славянских языках.

На втором этапе анализа выявленные черты сходства и различия родовых систем получают конкретное числовое выражение. Каждая из родовых систем подробно описывается через один и тот же инвентарь признаков (общим числом 61). В результате возникают матрицы идентификации родовых систем. Пользуясь ими, можно определить расстояние между каждой из родовых систем и всеми остальными, т. е. установить взаиморасположение родовых систем друг относительно друга в сконструированном «признаковом» пространстве. Для каждой двух систем подсчитывается число общих и число разных ответов на одни и те же вопросы признаковой анкеты.

Для получения более точных результатов оценивается также типологическая значимость признаков, определяемая по формуле⁵:

$$W(M_i) = 1 - \frac{\max(A, B)}{E}$$

⁴ Об одинаковости вопросной процедуры как основе структурно-типологического исследования см.: М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, Структурная типология и славянское языковедение, сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962.

⁵ Данная формула является упрощенной и видоизмененной формулой, предложенной для других целей Ю. Д. Апресяном. См.: Ю. Д. Апресян, Некоторые функции в модели построения лексических классов, «Проблемы формализации семантики языка», М., 1964.

где $W(M_i)$ — типологический вес признака M_i , A — число плюсов, B — число минусов в строке, характеризующей в матрице идентификации по данному признаку все языки, а E — число языков.

Расстояние (ρ) между родовыми системами двух языков (L_1, L_2) определяется по сумме (Σ) типологических весов различающих эти системы признаков (число которых равно k):

$$\rho(L_1, L_2) = \sum_{i=1}^k w_i \text{ для всех } i \text{ таких, что } M_i(L_1) \neq M_i(L_2)$$

3. Структурная характеристика грамматических родов. По моделям (I) и (II) в славянских языках выделяются следующие роды:

1. Мужской род. Русский, сербский, словенский, украинский языки.

Модель (I).

2. Женский род. Все славянские языки. Модели (I) и (II).

3. Средний род. Все славянские языки. Модели (I) и (II).

4. Мужской одушевленный род. Выделяется в русском, украинском, сербском и словенском языках по модели (I), в чешском языке — по моделям (I) и (II).

5. Мужской неодушевленный род. В русском, украинском, сербском и словенском языках выделяется по модели (I), в чешском языке — по моделям (I) и (II).

6. Женский одушевленный род

7. Женский неодушевленный род

8. Средний одушевленный род

9. Средний неодушевленный род

Русский и украинский языки
(Модель (I)).

10. Лично-мужской род. Верхнелужицкий, польский, словацкий языки. Модели (I) и (II).

11. Нелично-мужской род. Верхнелужицкий, польский, словацкий языки. Модель (II).

12. Нелично-мужской одушевленный род. Верхнелужицкий, польский, словацкий языки. Модель (I).

Поскольку в славянских языках, как языках флективных, показатели рода совпадают с показателями падежа и числа, формальную характеристику рода можно строить только в системе понятий, учитывающих связь категории рода с синтагматикой и парадигматикой языка. Назовем синтагматической позицией рода каждый падеж именной парадигмы, а парадигматической позицией — каждое из чисел. Любое пересечение синтагматической позиции с парадигматической составляет определенную родовую форму. Элементарная родовая форма есть форма данного рода в данном падеже и в данном числе.

Позиция (синтагматическая, парадигматическая) называется *сильной* и *позцией* данного рода, если этот род можно выделить только по формам данной позиции. Другие позиции рода являются *слабыми*. Элементарная форма называется *собственно-детерминирующей*, если ее одной достаточно для выделения данного рода, т. е. если в этой форме род имеет согласование, отличное от всех других родов данной системы. Собственно-детерминирующая форма возникает на пересечении сильной синтагматической и сильной парадигматической позиции рода. Элементарная форма называется *несобственно-детерминирующей*, если она входит в число двух форм, по сочетанию которых можно выделить данный род. Несобственно-детерминирующая форма возникает на пересечении двух позиций (синтагматической и парадигматической), одна из которых в большинстве случаев является сильной, а другая — слабой.

За. Характеристика родов по синтагматическим позициям. Все славянские роды имеют хотя бы одну сильную синтагматическую

позицию. В ядрах родовых систем в качестве сильных синтагматических позиций выступают им. и вин. падежи. При этом по формам вин. падежа можно выделить все роды, кроме мужского и нелично-мужского, а по формам им. падежа — группу родов, не имеющих признака одушевленности, а также мужской одушевленный и мужской неодушевленный роды в чешском языке.

По числу и качеству синтагматических позиций можно выделить следующие группы родов: 1) женский, средний, лично-мужской, чешские мужской одушевленный и мужской неодушевленный. Эти роды выделяются по моделям (I) и (II) и имеют две сильные синтагматические позиции — им. и вин. падежи; 2) мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский одушевленный, женский неодушевленный, средний одушевленный, средний неодушевленный, нелично-мужской одушевленный. Данная группа родов выделяется по модели (II) и имеет одну сильную синтагматическую позицию — вин. падеж; 3) мужской, нелично-мужской роды. Выделяются по модели (I) и имеют одну сильную синтагматическую позицию — им. падеж.

36. Характеристика родов по парадигматическим позициям. В ядрах славянских родовых систем представлены две сильные парадигматические позиции: ед. и мн. число. Выделяются две группы родов: имеющие сильную парадигматическую позицию и не имеющие ее. Если род не имеет сильной парадигматической позиции, это значит, что его можно выделить только с учетом согласований в обоих числах.

К первой группе относятся мужской, женский, средний, мужской одушевленный, мужской неодушевленный (включая чешские) и лично-мужской роды. За исключением лично-мужского все эти роды имеют в качестве сильной парадигматической позиции ед. число. Мн. число представляет сильную парадигматическую позицию для мужского и женского родов в сербском и словенском языках, для среднего — в сербском, словенском и чешском, для мужского одушевленного — в чешском языке. Для лично-мужского рода мн. число является единственной сильной парадигматической позицией. Ко второй группе относятся все одушевленные роды, кроме мужских, и нелично-мужской.

Каждый из надславянских родов имеет те же синтагматические позиции, что и любой из его конкретных представителей. Надславянские роды, кроме мужского, женского и среднего, имеют те же парадигматические позиции, что и их конкретные манифестации в отдельных славянских языках. Надславянские мужской, женский и средний роды имеют по две сильные парадигматические позиции, как и соответствующие роды в сербском, словенском и чешском языках.

Таким образом, во всех славянских родовых системах представлена общая схема соотношения родов по позициям, но в ее пределах между отдельными системами обнаруживаются различия в числе и качестве детерминирующих форм.

37. Характеристика родов по детерминирующим элементарным формам. На табл. 3 представлено соотношение родов по детерминирующим формам в отдельных славянских языках. Прежде всего выделяются роды, имеющие собственно-детерминирующую форму и не имеющие ее. Собственно-детерминирующая форма есть только у родов с сильной парадигматической позицией. В эту группу включаются все роды с двумя сильными синтагматическими позициями, а также мужской, мужской одушевленный и мужской неодушевленный роды, имеющие одну сильную парадигматическую позицию. Те роды, у которых нет сильной парадигматической позиции, не имеют и собственно-детерминирующих форм. Они могут иметь только одну сильную синтагматическую позицию (одушевленные роды — вин. падеж, нелично-мужской род — им. падеж). Родовые системы сербского, словенского и чешского языков состоят целиком из родов с собственно-детерминирующими формами. В остальных славянских языках представлены роды и с собственно- и с несобственно-детерминирующими формами.

Сравнивая по детерминирующим формам одни и те же роды разных систем, можно дать характеристику по этому признаку надславянским грамматическим родам. Число детерминирующих элементарных форм назовем мерой представленности рода в системе языка. Наибольшей мерой представленности в славянских языках обладают женский и средний роды. Максимальное число детерминирующих форм у среднего рода — четыре (в сербском, словенском и чешском языках), у женского — три (в сербском языке), ниже двух оно не опускается ни в одном из языков.

Высокая мера представленности этих родов связана с целым рядом их свойств. Женский и средний роды выделяются во всех славянских языках, образуя вместе с мужским неодушевленным родом теоретико-множественное произведение (ТП) родов этих языков. Наличие двух сильных синтагматических позиций — а в ряде языков (сербский, словенский, чешский) и двух сильных парадигматических позиций обеспечивает этим родам максимальную независимость от условий построения моделей рода. В самом деле, женский и средний роды выделяются и по модели (I), и по модели (II).

Из семантически мужских родов только мужской неодушевленный входит во все славянские родовые системы. Мужской одушевленный род выделяется во всех славянских языках, кроме верхнелужицкого, польского и словацкого. И тот и другой роды

Таблица 3

Характеристика родов по детерминирующим формам

Языки	Роды	Детерминирующие формы				Число детерминирующих форм	
		И. ед.	В. ед.	И. мн.	В. мн.	собств.	несобств.
Верхнелужицкий Польский Словацкий	ж	с-д	с-д	—	—	2	—
	с	с-д	с-д	—	—	2	—
	мно	—	с-д	—	—	1	—
	лм	—	—	с-д	с-д	2	—
	влм	нс-д	—	нс-д	—	—	2
	влмо	—	нс-д	нс-д	нс-д	—	3
Русский Украинский	ж	с-д	с-д	—	—	2	—
	с	с-д	с-д	—	—	2	—
	мно	нс-д	с-д	—	нс-д	1	2
	м	с-д	—	—	—	1	—
	мо	нс-д	с-д	—	нс-д	1	2
	жо	нс-д	нс-д	—	нс-д	—	3
	жно	нс-д	нс-д	—	нс-д	—	3
	со	нс-д	нс-д	—	нс-д	—	3
	сю	нс-д	нс-д	—	нс-д	—	3
Сербский	ж	с-д	с-д	с-д	—	3	—
	с	с-д	с-д	с-д	с-д	4	—
	мно	—	с-д	—	—	1	—
	м	с-д	—	с-д	—	2	—
	мо	—	с-д	—	—	1	—
Словенский	ж	с-д	нс-д	с-д	нс-д	2	2
	с	с-д	—	с-д	с-д	3	—
	мно	—	с-д	—	—	1	—
	м	с-д	—	с-д	—	2	—
	мо	—	с-д	—	—	1	—
Чешский	ж	с-д	с-д	—	—	2	—
	ср	с-д	с-д	с-д	с-д	4	—
	мно	нс-д	с-д	нс-д	нс-д	1	3
	мо	—	с-д	с-д	—	2	—

имеют в качестве собственно-детерминирующей элементарную форму вин. падежа ед. числа. Кроме того, в русском и украинском языках мужской неодушевленный род имеет еще по две несобственно-детерминирующих формы, в чешском — три, а мужской одушевленный род — вторую собственно-детерминирующую форму (им. падеж мн. числа) в чешском языке и две несобственно-детерминирующих в русском и украинском.

В пределах одной родовой системы разные типы мужских родов могут сочетаться следующим образом: 1) русский, украинский, сербский, словенский языки. По модели (II) выделяется мужской род, по модели (I) — мужской одушевленный и мужской неодушевленный; 2) чешский язык. По обоим моделям выделяются мужской одушевленный и мужской неодушевленный роды; 3) верхнелужицкий, польский, словацкий. По модели (II) выделяются лично-мужской и нелично-мужской, по модели (I) — лично-мужской, нелично-мужской одушевленный и мужской неодушевленный роды.

Итак, если в родовой системе есть мужской род, то в ней нет личных родов и есть одушевленные. При этом одушевленные роды не выделяются по модели (II), т. е. в именной группе. Если в системе нет мужского рода и есть одушевленные, то нет личных, и одушевленные роды выделяются по обоим моделям. И наконец, когда нет ни мужского, ни мужского одушевленного родов, в системе языка есть личные роды, которые выделяются по обоим моделям. Одушевленные роды (нелично-мужской одушевленный и мужской неодушевленный) в именной группе при этом не выделяются. Таким образом, эти роды находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

В русском и украинском языках мужской род имеет одну собственно-детерминирующую форму, в сербском и словенском — две. Мера представленности, равную двум,

имеют и лично-мужской, и мужской одушевленный чешский роды, которые имеют и другие общие формальные признаки: две сильные синтагматические позиции, сильная парадигматическая позиция — мн. число, одна из собственно-детерминирующих форм — им. падеж мн. числа.

Структурная близость лично-мужского и мужского одушевленного чешского родов показывает, что между семантикой рода и спецификой его функционирования в языке нет необходимой связи, хотя фактически роды с одинаковым значением имеют в большинстве случаев и близкие формальные характеристики. По значению мужской одушевленной и мужской неодушевленной роды в чешском языке идентифицируются с соответствующими родами в других славянских языках. Но формально они резко отличаются от них: имеют две сильные синтагматические позиции, а мужской одушевленный род — и две сильные парадигматические позиции (в других языках одушевленные роды выделяются только в вин. падеже в ед. числе), и дополнительные детерминирующие формы. Существенно то, что эти формальные различия касаются именно тех черт, в которых все другие славянские одушевленные роды сходны между собой.

В родовых системах русского, украинского, верхнелужицкого, польского и словацкого языков имеются роды, обладающие только несобственно-детерминирующими формами. Сюда относятся все одушевленные роды, кроме мужских, и лично-мужской род. Эти роды выделяются только по сочетаемости форм, т. е. нельзя найти таких падежей, где они образовывали бы отдельные семейства.

Все одушевленные роды (т. е. женский, средний и лично-мужской одушевленный) имеют по три несобственно-детерминирующих формы, на основе которых их можно выделить двумя способами. При этом одна из трех форм (для женского и среднего родов — вин. падеж мн. числа, для лично-мужского одушевленного — вин. падеж ед. числа) является обязательной, т. е. она входит и в ту, и в другую пару форм, по которым эти роды выделяются. Нелично-мужской род имеет две несобственно-детерминирующие формы.

Таким образом, по мере представленности выделяются следующие группы родов: 1) роды с собственно-детерминирующими формами: а) женский, средний; б) мужской, мужской одушевленный чешский, лично-мужской; в) мужской одушевленный, мужской неодушевленный; 2) роды, имеющие только несобственно-детерминирующие формы: а) женский одушевленный, женский неодушевленный, средний одушевленный, средний неодушевленный; б) лично-мужской.

Общая схема отношений между родами, которая присутствует в любой славянской родовой системе, определяется по совокупности следующих трех признаков: 1) сильная синтагматическая позиция — им. падеж; 2) сильная парадигматическая позиция — ед. число; 3) собственно-детерминирующая форма — им. падеж ед. числа. По данному набору признаков противопоставляются некоторые группы родов (см. табл. 4).

Разбиение родов на группы, отраженное в табл. 4, в основном совпадает с традиционным (мужской, женский, средний, одушевленные, личные роды), хотя и является более дробным. С другой стороны, оно соотносится до известной степени с разбиением родов по мере представленности. По табл. 4 максимально противопоставленными являются мужской, женский, средний и одушевленные (женские, средние и лично-мужской) роды. Первые три рода имеют вместе с тем и высокую меру представленности, в то время как одушевленные роды обладают наименьшей мерой представленности. Семантически маркированные роды (лично-мужской, мужской одушевленный) имеют большую меру представленности, чем семантически немаркированные.

И то и другое разбиение основано на чисто синхронных признаках родов в современных славянских языках. Вместе с тем можно показать, что и с диахронической точки зрения эти разбиения неслучайны, поскольку представленные в них группы родов различаются и временем, и специфическими условиями возникновения в отдельных славянских языках.

Прежде всего три формальных признака, на основе которых производится разбиение родов в табл. 4, характеризуют ту форму, в которой происходило формирование категории рода и ее функционирование в общеславянском языке. Такой формой является форма им. падежа ед. числа. В этой форме выделяются роды, которые в свое время были свойственны всем славянским языкам — мужской, женский и средний.

Общеславянская трехродовая система вначале была ориентирована на построение фраз и с переходным глаголом, и без него. Но с развитием категории рода в славянских языках возникла новая родовая система, ориентированная на порождение предложений только с переходным глаголом. Первоначально это были свойственные тогда

всем славянским языкам мужской одушевленный и мужской неодушевленный роды. Поскольку формирование этих родов происходило в условиях, целиком отличных от условий функционирования родов первой группы, естественно, что эти роды оказались противопоставленными первой группе по всем признакам, кроме выделяемости в ед. числе.

Таблица 4

Разбиение родов на группы по структурным признакам

Роды \ Признаки	Сильная синтагматическая позиция — им. падеж	Сильная парадигматическая позиция — ед. число	Собственно-детерминирующая форма — им. падеж ед. числа
м ж с	+	+	+
мо чешский мно чешский	+	+	—
лм нлм	+	—	—
мо мно	—	+	—
жо жно со сно нлмо	—	—	—

Развитие новой родовой системы привело к возникновению в русском и украинском языках женских и средних одушевленных и неодушевленных родов, уже по всем трем признакам противопоставленных мужскому, женскому и среднему родам, а в верхне-лужицком, польском и словацком языках — к появлению личных родов. Таким образом, во всех славянских языках родовая система оказалась состоящей из двух подсистем, используемых в зависимости от типа предложения, которое требуется породить. В современных русском, сербском, словенском и украинском языках такое положение существует и в настоящее время. В западославянской группе наблюдается тенденция объединения обеих подсистем в одну общую родовую систему, порождающую любые предложения, где необходимо знание рода. Принцип объединения одинаков во всех языках и состоит в разрушении общеславянского мужского рода и замене его теми родами, которые в прежней системе находились к нему в отношении включения. В чешском языке в результате проникновения одушевленности в общеславянскую трехродовую систему возникла единая родовая система, порождающая фразы и с переходным глаголом, и без него. Более сложным путем объединяются две родовые подсистемы в верхне-лужицком, польском и словацком языках. В них в общеславянские родовые подсистемы — трехродовую и четырехродовую — вклинились личные роды, которые сблизили эти подсистемы, но не отождествляли между собой.

Таким образом, мера представленности рода указывает не только на положение рода в системе языка и степень его устойчивости, но до известной степени является показателем древности его возникновения⁶. В самом деле, большинство родов с собственно-детерминирующими формами (кроме лично-мужского) — общеславянские по своему возникновению. Их различие по мере представленности отражает несколько более позднее появление мужского одушевленного и мужского неодушевленного ро-

⁶ См. по этому поводу: А. А. Зализняк, Условное ударение в русском словоизменении, ВЯ, 1964, 1; его же, О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией, «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962.

дов по сравнению с женским, средним и мужским. Вместе с тем все роды с несобственно-детерминирующими формами (женские и средние одушевленные, неличные) возникли в более позднее время уже в системах отдельных славянских языков.

Правда, мера представленности не является статическим показателем рода. Так, в случае возникновения в системе новых родов старые роды неизбежно теряют часть своих детерминирующих форм, и их мера представленности сокращается. С другой стороны, новые роды стремятся закрепиться в системе языка и увеличить число детерминирующих форм. Поэтому при конкретном анализе мера представленности любого рода должна рассматриваться в рамках целой системы, в которой этот род функционирует.

Мера представленности рода характеризует в известном смысле и степень его типологичности, а именно, чем меньше мера представленности рода, т. е. чем позднее он возник в языке, тем выше степень его типологичности, и наоборот. В самом деле, женские и средние одушевленные роды, а также нелично-мужской и нелично-мужской одушевленный, имеющие наименьшую меру представленности, наиболее типологичны среди славянских родов. В то же время женский и средний роды с максимальной мерой представленности сами по себе целиком нетипологичны.

4. Типология родовых систем в славянских языках. Для определения расстояния между родовыми системами в славянской языковой области составляется инвентарь признаков, по которому все они сравниваются между собой. Каждая из родовых систем получает характеристику по следующим признакам (см. табл. 5): 1) инвентарь родов по моделям (I) и (II). Разбиение языков на группы в зависимости от числа родов в каждом языке представлено в табл. 6; 2) детерминирующие элементарные формы в пределах славянского родового ядра; 3) возможные нейтрализации родов; 4) соотношение родов и семейств по обеим моделям в отдельных формах родового ядра.

Конкретные нейтрализации родов мало интересны с типологической точки зрения, поскольку они слишком связаны с инвентарем родов данной системы. Гораздо продуктивнее давать характеристику родовым системам по наличию или отсутствию в них отдельных структурных типов нейтрализаций. Следует различать нейтрализации включающих и включаемых родов. И те и другие могут быть сильными (если в одно семейство входит больше двух родов) и слабыми.

Таким образом, в славянских языках выделяются следующие типы родовых нейтрализаций:

1. Сильные нейтрализации включающих родов. В им. падеже мн. числа в русском и украинском языках нейтрализуются мужской, женский и средний роды (*тихие дома, реки, села*), в верхнелужицком, польском и словацком — нелично-мужской, женский и средний (*dobre konie, lasy, córki, sela*). В вин. падеже мн. числа в верхнелужицком, польском и словацком нейтрализуются те же роды, что и в им. падеже, в чешском языке — мужской одушевленный, мужской неодушевленный и женский роды (*dobré chlapy, hrady, ženy*).

2. Слабые нейтрализации включающих родов. В им. падеже ед. числа нейтрализуются лично-мужской и нелично-мужской роды в верхнелужицком, польском и словацком языках (*dobry syn, koň, las*), мужской одушевленный и мужской неодушевленный в чешском языке (*dobrý hrad, chlapy*). В им. падеже мн. числа мужской неодушевленный род нейтрализуется с женским в чешском языке (*dobré hrady, ženy*). В вин. падеже ед. числа происходит нейтрализация женского рода со средним в словенском языке

Таблица 5 (продолжение)

Признаки				Языки							
				верхне- лужиц.	польский	русский	сербский	словен- ский	словац- кий	украин- ский	чешский
Нейтрализации включаемые роды	сильные	И. ед.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		И. мн.	—	—	+	—	—	—	—	+	—
		В. ед.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		В. мн.	—	—	+	—	—	—	—	+	—
	слабые	И. ед.	+	+	+	+	+	+	+	+	—
		И. мн.	+	+	—	+	+	+	+	—	—
		В. ед.	—	+	—	—	—	—	—	+	—
		В. мн.	+	+	—	+	+	+	+	—	—

(*dóbro ribo, sélo*). В вин. падеже мн. числа женский род нейтрализуется с мужским в сербском и словенском языках (*mládě oráče, žěne*).

3. Сильные нейтрализации включаемых родов. В русском и украинском языках в им. падеже мн. числа нейтрализуются все включаемые одушевленные и неодушевленные роды данных систем (*тихие мальчики*,

Таблица 6

Типы родовых систем славянских языков

Группы языков по модели (I)	Группы языков по модели (II)	Типы родовых систем
верхнелужицкий польский словацкий	верхнелужицкий польский словацкий	польский
русский украинский	русский украинский	русский
сербский словенский	сербский словенский	сербский
чешский	чешский	чешский

дома, девочки, реки, села, животные), в вин. падеже мн. числа нейтрализуются мужской, женский и средний одушевленные роды (*тихий мальчиков, девочек, животных*) и мужской, женский и средний неодушевленные (*тихие дома, реки, села*).

4. Слабые нейтрализации включаемых родов: а) нелично-мужской одушевленный /мужской неодушевленный (*dobry konj, las; dobre konje, lasy*) в верхнелужицком, польском и словацком языках в формах им. падежа обоих чисел и в вин. падеже мн. числа; б) мужской одушевленный /мужской неодушевленный. В им. падеже ед. числа происходит в русском, сербском, словенском и украинском языках (*добрый мальчик, дом, mládě dŕač, grád; dobri konj, snór; гарний кінь, жовуз*). В сербском и словенском языках эти два рода нейтрализуются также в им. и вин. падежах мн. числа (*mládě oráče, grádove; dobre kónje, snóre*); в) женский одушевленный /женский неодушевленный и средний одушевленный /средний неодушевленный в русском и украинском языках в форме им. падежа ед. числа (*тихая река, девочка; тихое село, животное; тихую реку, девочку*).

Вопросы о нейтрализациях дают разбиения языков на группы, почти не повторяемые другими признаками. Например, по инвентарю родов и степени отстояния от ТМП родов славянских языков родовые системы верхнелужицкого, польского и словацкого языков максимально противостоят всем остальным. Анализ родовых нейтрализаций в этих языках показывает, что при этом, однако, они обнаруживают черты структурного сходства со всеми другими типами родовых систем. В им. падеже мн. числа в верхнелужицком, польском и словацком языках, так же как в русском и украинском, происходит сильная нейтрализация включающих родов, такая же нейтрализация наблюдается в польском и чешском типах в вин. падеже мн. числа. С другой стороны, по наличию в вин. падеже мн. числа слабой нейтрализации включаемых родов верхнелужицкий, польский и словацкий языки объединяются с сербским и словенским.

В типологическую анкету включен также вопрос о соотношении родов и семейств в отдельных формах родового ядра. Это соотношение может быть однозначным и неоднозначным и характеризует в определенной мере степень однородности родовой системы. По модели (I) соотношение родов и семейств однозначно только в сербском и чешском языках в форме вин. падежа ед. числа. По модели (II) однозначное соотношение характерно для русского, сербского, словенского и украинского языков в форме им. падежа ед. числа, для сербского и словенского языков в форме им. падежа мн. числа и для чешского языка в вин. падеже ед. числа. Следовательно, наибольшая степень однородности присуща сербской родовой системе, затем идут чешский, словенский, русский и украинский языки. В верхнелужицком, польском и словацком языках соотношение родов и семейств всегда неоднозначно.

Определить типологические веса признаков, входящих в инвентарь, можно по формуле, приведенной в § 2. При этом выделяется девять признаков с нулевым типологическим весом, т. е. таких, по которым все славянские родовые системы сходятся между собой. Сюда относятся: 1) выделение женского, среднего и мужского неодушевленного родов; 2) наличие собственно-детерминирующей формы им. падежа ед. числа для женского и среднего родов и вин. падежа ед. числа для мужского неодушевленного рода. Форма вин. падеж. ед. числа является также собственно-детерминирующей для женского и среднего родов во всех славянских языках, кроме словенского; 3) одинаковые разбиения на семейства в форме им. падежа ед. числа; 4) отсутствие сильных родовых нейтрализаций в формах ед. числа.

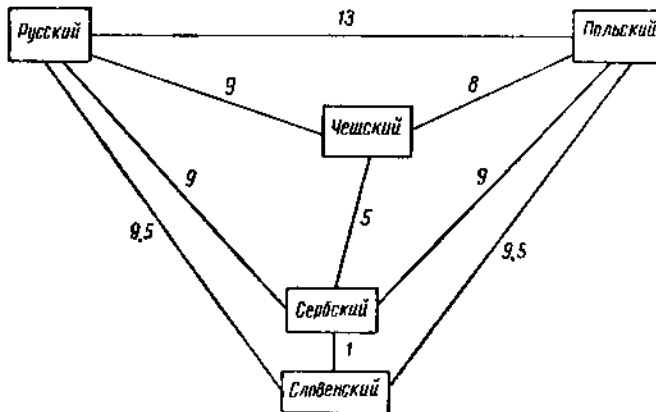
Наличие совокупности формальных признаков, обязательно присутствующих в любой из славянских родовых систем, дает возможность рассматривать их как различные проявления одного и того же с л а в я н с к о г о типа родовой системы.

Интересно отметить, что общие признаки славянских родовых систем одновременно присущи и общеславянской родовой системе в том виде, в каком она доступна реконструкции. В самом деле, эта система сформировалась в формах им. и вин. падежей ед. числа, где разбиения на семейства совпадали с разбиением по родам, а все элементарные формы были собственно-детерминирующими. С развитием отдельных родовых систем в них изменился (в сторону измельчения) инвентарь родов. Соотношение родов и семейств в указанных формах перестало быть однозначным во всех славянских языках (верхнелужицкий, польский, словацкий, чешский, русский, украинский). Но сами разбиения на семейства в этих формах остались прежними, и те общеславянские роды (женский, средний), которые продолжают функционировать во всех современных славянских языках, сохранили в них собственно-детерминирующую форму.

Выявив границы структурной близости, связывающей славянские родовые системы, можно вычислить расстояние (ρ) между ними по приведенной выше формуле:

ρ (польский, верхнелужицкий) = 0	
ρ (польский, русский) = 13	
ρ (польский, сербский) = 9	
ρ (польский, словенский) = 9,5	
ρ (польский, словацкий) = 0	
ρ (польский, чешский) = 8	
ρ (русский, сербский) = 9	
ρ (русский, словенский) = 9,5	
ρ (русский, чешский) = 9	
ρ (русский, украинский) = 0	
ρ (сербский, словенский) = 1	
ρ (сербский, чешский) = 5	
ρ (словенский, чешский) = 6	

Схематически соотношение славянских родовых систем можно изобразить следующим образом:

Верхнелужицкий, польский и словацкий языки представляют один тип родовой системы (расстояние между ними равно нулю). Это же касается русского и украинского языков. Польский и русский типы родовых систем максимально противопоставлены друг другу в славянской языковой области: $r(\text{польск., русск.}) = 13$. На одинаковом расстоянии от них находится сербская и словенская родовые системы, при этом словенский тип отстоит от польского и русского несколько дальше, чем сербский: $r(\text{польск., сербск.}) = 9$, $r(\text{польск., словен.}) = 9,5$. Чешская родовая система также занимает более или менее симметричное положение между польской и русской родовыми системами. Но при этом она сдвинута в сторону польского типа: $r(\text{чеш., русск.}) = 9$, $r(\text{чеш., польск.}) = 8$. Наибольшая структурная близость связывает сербскую и словенскую родовые системы: $r(\text{сербск., словен.}) = 1$. К ним тяготеет чешский тип: $r(\text{сербск., чеш.}) = 5$. $r(\text{сербск., словен.}) = 6$.

Интересно сопоставить типологическую классификацию славянских языков по категории рода с их генетической классификацией. И в том и в другом случае выделяется восточнославянская группа языков (русский, украинский), имеющая один тип родовой системы. В западнославянской группе выделяются два типа родовых систем: польский (представлен также в верхнелужицком и словацком) и чешский. Сербский и словенский языки, входящие в южнославянскую группу, имеют хотя и близкие, но не совпадающие родовые системы. При этом родовая система чешского языка, относящегося к западнославянской группе, достаточно далеко отстоит от польского типа родовой системы: $r(\text{польск., чеш.}) = 8$ и, напротив, явно тяготеет к родовым системам южнославянских языков сербской и словенской: $r(\text{чеш., сербск.}) = 5$, $r(\text{чеш., словен.}) = 6$.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Ю. ШВЕДОВА

ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ОБЪЕКТ И ДЕТЕРМИНИРУЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ РАСПРОСТРАНТЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В работах де Гроота¹, Е. Куриловича², В. В. Виноградова³, Е. В. Кротевича⁴ был подчеркнут еще ранее выдвигавшийся в синтаксической науке тезис о том, что некоторые падежные (предложно-падежные) формы и наречия в составе предложения могут выступать в периферийной по отношению к глаголу позиции, определяя все предложение в целом. Этот верный тезис, однако, до сих пор не был раскрыт и конкретизирован в применении к какому-либо определенному языку и, в частности, к русскому. Задача настоящей статьи — определить понятия детерминирующего объекта и детерминирующего обстоятельства как самостоятельных распространителей предложения, выяснить их отношения к словосочетанию и показать, что они не входят в его структуру, а также предложить некоторые методы отграничения детерминирующего объекта и детерминирующего обстоятельства от совпадающих с ними по форме компонентов словосочетания⁵.

1. Для того чтобы иметь возможность говорить о самостоятельных распространителях предложения как о падежных или предложно-падежных формах, не входящих в структуру словосочетания, необходимо кратко определить, что понимается под словосочетанием и каковы те типы связей, которые существуют в словосочетании⁶.

В настоящей статье принимается та точка зрения, согласно которой словосочетание есть существующая в языке независимо от предложения некоммункативная синтаксическая единица, образуемая путем соединения двух или более полнозначительных слов на основе подчинительной грамматической связи и специфического значения (отношения), которое порождается характером этой связи и семантической соедине-

¹ A. W. de Groot, *Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et de cas*, «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally», Genève, 1939.

² Е. Курилович, *Основные структуры языка: словосочетание и предложение* (1948), в кн.: Е. Курилович, *Очерки по лингвистике*, М., 1962; его же, *Проблема классификации падежей* (1949), там же.

³ См.: Введение к «Грамматике русского языка», II, ч. 1, М., 1954.

⁴ См.: Е. В. Кротевич, *Члены предложения в современном русском языке*, Львов, 1954; его же, *О связях слов в словосочетании и в предложении*, «Р. яз. в шк.», 1958, 6, и другие его статьи 1952—1961 гг.

⁵ Статья строится на материалах письменной речи.

⁶ Литература о связях слов и о типах словосочетаний — даже только в русском языке — колоссальна и имеет давнюю историю. Вынужденное отсутствие ссылок на эту литературу, естественно, не означает, что в работе над статьей автор не опирался на все то ценное, что сделано другими исследователями.

мостью сочетающихся слов⁷. Глагольно-именные предложные и беспредложные словосочетания конструируются связью глагольного управления и я. Глагольным управлением называется такая связь, при которой зависимое от глагола имя стоит в форме косвенного падежа — с предлогом или без предлога. Само наличие при глаголе определяющей его падежной (предложно-падежной) формы всегда обусловлено общей семантикой глагола как слова с процессуальным значением. В этом смысле правильно утверждение, что связь управления опирается на семантику глагольного слова. Эта общая семантика (процессуальность, «действие-состояние») в отдельных группах глаголов конкретизируется и уточняется (глаголы обладания, восприятия, речи, мысли, движения и т. п. частные семантические группировки, обладающие разной степенью четкости и определенности). По отношению к глаголам, входящим в такие частные семантические группы, само наличие и характер определяющей формы (управляемого слова) может опираться на присущие глаголу именно данной группы грамматические свойства и словообразовательные признаки. Вхождением глагола в ту или иную семантическую группу определяется и степень обязательности при нем управляемого имени⁸. Предлагаемая ниже схема, данная в самых общих контурах и освобожденная от всякой детализации, как кажется, наиболее адекватно отражает характер связей слов в структуре глагольно-именного словосочетания в современном русском литературном языке.

А. Регулярное управление — такая связь слов, при которой семантикой глагола, в ряде случаев поддержанной грамматическими или словообразовательными факторами, определяется обязательное наличие при глаголе падежной формы имени с объектным значением. Регулярное управление может быть одиночным, когда глагол требует одной определенной падежной формы, и двойным, когда глагол требует одновременно двух разных падежных форм. I. При одиночном регулярном управлении глагол может обязательно требовать: 1) обозначающего прямой объект имени в форме винительного падежа без предлога или соотносительного с винительным родительного падежа⁹ (*учить детей, закупить книг*¹⁰) или 2) имени, обозначающего не прямой объект, в этом последнем случае управление может быть: а) беспредложным (*налететься стражу, дичиться людей, командовать полком*) и б) предложным (*наскочить на столб, войти в гавань, выбраться из беды, стремиться к победе, братья за руль, сердиться на ребенка, встретиться с другом*). II. Двойное регулярное управление может быть: 1) беспредложным (*дарить книгу ученику, накрыть больного одеялом, угрожать соседям войной, снабдить туристов снаряжением*) и 2) беспредложно-предложным (*оторвать лист от ветки, сбросить снег с крыши, пристроить балкон к дому, превратить рошу в парк, принять друга за врага, связать следствие с причиной*). Б. Нерегулярное (слабое) управление — такая связь слов, при которой семантикой глагола определяется возмож-

⁷ Из последних работ, отрицающих существование словосочетания как единицы «синтагматического уровня», см.: Сорин Стати, Синтагма и проблема синтаксических единиц, «Revue de linguistique», VIII, 1963, 2 (Ed. de l'Académie de la République Populaire Romaine).

⁸ Многозначное слово, в разных своих значениях управляющее разными формами, в этих случаях «ведет себя» не как одно слово, а как разные слова.

⁹ Такое управление обычно называется «сильным», хотя этот термин лучше было бы распространить на все виды регулярного управления.

¹⁰ Здесь и везде дальше в скобках даются лишь иллюстрации, но не полные перечни моделей.

ное, но не обязательное наличие при нем одной из нескольких возможных надежных форм имени с косвенно-объектным или обстоятельственным значением. Здесь выделяются: I. Беспредложное нерегулярное управление (*запеть фальцетом, расстаться друзьями, болеть неделю, идти лесом, уехать осенью*) и II. Предложное нерегулярное управление (*учиться на курсах, скрыться за роцей, жить в деревне, упасть между кустами, переплыть через реку, спать до обеда, уехать с зарей, вернуться к обеду, ходить без пальто, молчать из вежливости*).

Объединение регулярного и нерегулярного управления может представлять собой: 1) двойную связь, при которой соединяются а) одиночное регулярное управление с нерегулярным управлением (*читать книгу час, убрать посуду в буфет, вести преступника под конвоем*) или б) двойное регулярное управление и нерегулярное управление (*дарить книгу ученику на память, снабдить туристов снаряжением перед походом*), и 2) многочленную связь, при которой группа, представляющая собой результат объединения регулярного и нерегулярного управления, соединяется с нерегулярным управлением (*убрать посуду в буфет после завтрака, дарить книгу ученику на память перед отъездом*)¹¹.

Соответственно этим видам связи выделяются следующие четыре типа глагольно-именных словосочетаний: 1) простые двучленные словосочетания с обязательной связью: беспредложные (одиночное регулярное беспредложное управление) и предложные (одиночное регулярное предложное управление); 2) простые трехчленные словосочетания с обязательной связью: беспредложные (двойное регулярное беспредложное управление) и беспредложно-предложные (двойное регулярное беспредложно-предложное управление); 3) простые двучленные словосочетания с необязательной связью: беспредложные (нерегулярное беспредложное управление) и предложные (нерегулярное предложное управление); 4) сложные трехчленные и многочленные словосочетания с заключающей необязательной связью (объединение регулярного и нерегулярного управления, двойная и многочленная связь).

II. Для определения синтаксических свойств детерминирующего объекта и детерминирующего обстоятельства центральным является вопрос об их отношении к простым двучленным словосочетаниям с обязательной связью, так как именно в этих словосочетаниях слабее всего сцепление имени и глагола и, следовательно, наиболее свободно размещение компонентов словосочетания в строе предложения.

Простые двучленные словосочетания с необязательной связью (нерегулярное, или слабое управление) могут быть как беспредложными, так и предложными. Характерным их признаком является то, что лишь в немногих случаях зависимое имя в них обозначает косвенный объект, на который может быть распространено действие (*улыбнуться ребенку, смеяться чужой беде, высказаться перед другом*); основной же массив этих словосочетаний составляют такие, в которых падежная или предложно-падежная форма является «конкретным», а не «грамматическим» падежом

¹¹ О сложных словосочетаниях, организуемых соединением словосочетаний разных типов (не только глагольно-именных), см.: Н. Н. Прокопович, Некоторые вопросы теории синтаксиса (Объем синтагмы — словосочетания), в кн. «Труды первой научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русск. яз. педагогических институтов», М., 1961.

(Курилович)¹². Эти падежи «с конкретной функцией», разнообразно определяющие глагольное действие по месту, времени, способу, причине или цели совершения, «образуют систему наречных значений» (Курилович) и по характеру связи с глаголом сближаются с примыканием (некоторые лингвисты употребляют для них термин «предложное примыкание»).

Глаголы, организующие такие словосочетания, не всегда поддаются более или менее точной семантической классификации, как это имеет место в словосочетаниях с обязательной связью (гр. 1 и 2)¹³; однако негативным признаком этой группы может служить отсутствие в ее составе глаголов отвлеченной семантики, обозначающих собственно бытие, наличие, обнаружение или становление признака: *быть, состоять, казаться, становиться, являться* и под. Чем абстрактнее и обобщеннее значение глагола, тем менее вероятна ситуация, при которой обозначаемый им процессуальный признак определялся бы по одному из перечисленных выше конкретных «наречных» признаков. Реальные условия, при которых проявляется процессуальный признак, обозначаемый такими глаголами, могут быть самыми разнообразными, любыми, а значит и сочетание таких глаголов с тем или иным падежом «конкретной семантики» не может служить его характерным признаком: ничем не ограниченная сочетаемость слова есть не позитивный, а негативный, «нулевой» признак его распространенности. Поэтому и нет в языке словосочетаний типа «казаться на берегу», «называться через час», «становиться с утра до вечера», «состоять в течение дня» и под. Эти глаголы требуют управляемого слова не со значением конкретной обстоятельственной характеристики, а со значением носителя процессуального признака: *являться, быть, казаться кем, состоять в качестве кого* и т. п.

III. На структуру простых двучленных словосочетаний с необязательной связью опираются такие распространители предложения, у которых степень зависимости от глагола «доходит почти до нуля» и которые соединены с предложением в целом «связью свободного, присоединительного характера» (В. В. Виноградов)¹⁴. Это падежные формы или предложно-падежные группы, по форме совпадающие с именным компонентом простого двучленного словосочетания, соединенным с глаголом связью нерегулярного (слабого) управления. Такие распространители по своим формам и функциям объединяются в два класса: детерминирующие объекты и детерминирующие обстоятельства¹⁵.

Д е т е р м и н и р у ю щ и м о б ъ е к т о м назовем падежную форму или предложно-падежное сочетание, обозначающее лицо или предмет, связанные с предикативной основой предложения отношением направленности, значением отнесенности (в широком смысле). Детерминирую-

¹² По де Грооту — «падежом с семантической функцией» в отличие от «падежа без семантической функции».

¹³ Лингвисты, развивающие тезис Ельмслева о том, что семантическая классификация глаголов должна опираться на дистрибутивный анализ (валентность), в своих практических исследованиях ограничиваются беспредложными словосочетаниями (см., например: В. Гуцу-Ромало, К проблеме классификации глаголов, «Revue de linguistique», VIII, 1963, 2), в классификации же предложных словосочетаний предполагают исходить не из глагола, а из предлога (см.: Fl. Dimitrescu, Eine Modalität zur Klassifikation der Verben, там же).

¹⁴ Попытку развить тезис о наличии «свободного присоединения» на материале предложных конструкций с творительным падежом см. в канд. диссертации В. П. Малащенко «О связи слов в словосочетании и предложении» (М., 1961) и статьях того же автора в изданиях Ростовского-на-Дону гос. ун-та 1957—1961 гг.

¹⁵ Термины эти очень несовершенны и, вероятно, будут заменены лучшими, более легкими и точными. Однако само введение не совпадающих с традиционной терминологией «второстепенных членов» новых обозначений для распространителей предложения, не входящих в состав словосочетания, представляется необходимым.

ций объект может быть выражен дательным беспредложным (*Г р у б я н а м не место в футболе; А р т и с т у удалось захватить зрителя своей игрой; С ы н у исполнился год; Е й мало было собственного дома; М н е больно; Е м у теперь хоть трава не расти*); сочетанием твор. падежа с предлогом с (*С о м н о й недавно было смешное приключение; С н ей обошлись невнимательно; С п о г о д о й не везет; Не хватило у него настойчивости с п р о к у р а т у р о й; С н и м не до шуток*); сочетанием род. падежа с предлогом у¹⁶ (*У э т о г о п и с а т е л я уже опубликован сборник рассказов; У в о л е й б о л и с т о в победила женская команда столицы; У т е б я нет другого выхода*); сочетанием род. падежа с предлогом для (*Странный это был день д л я П а в л а; Д л я р о д и т е л е й ты опять мальчишка*); сочетанием твор. падежа с предлогом между (*М е ж д у д р у з ь я м и произошла ссора; М е ж д у о т ц о м и с ы н о м недоразумения*); сочетанием дат. падежа с предлогом по отношению к (*П о о т н о ш е н и ю к н е м у мы допустили бестактность*)¹⁷.

Д е т е р м и н и р у ю щ е е о б с т о я т е л ь с т в о определяет предикативную основу предложения по характеру и условиям проявления предикативного признака. Обозначая место, время, причину, цель, соответствие или несоответствие чему-либо, следствие и т. п., детерминирующее обстоятельство выступает в форме наречий или предложно-падежных сочетаний, структурно совпадающих с именным компонентом простого двучленного словосочетания с необязательной связью. Систематизация детерминирующих обстоятельств «по значениям» вряд ли может быть последовательно осуществлена. Причина этого — «наречный» характер их функций: семантическая классификация детерминирующих обстоятельств фактически превращается в семантическую классификацию наречий, не имеющую отношения к синтаксису¹⁸. Для удобства обозрения, однако, можно разделить детерминирующие обстоятельства на несколько групп в зависимости от их общего значения. Так, они могут обозначать: место (*С о с т о р о н ы ц е н т р а л ь н о г о з д а н и я доносятся свисток; П р и а в т о п р о к а т е создаются общественные советы; У б е р е г а п о л ь д у еще можно ездить на тракторе; П о в с е м у л е с у раздаются голоса; З а о к н о м стемнело; Н а ч а с а х было начало одиннадцатого; Н а д о б у д е т , я в р а й к о м е до самого секретаря дойду; В г р а н и ц а х от Волгограда до Сухуми проведены посевы риса; И з п р е д г о р ь ю сюда стекала горечь пастушеского дыма*); время (*Д о в о й н ы он был плотник; П о с л е т е х н и к у м а ее послали на ферму; С н а ч а л а т р и д ц а т ы х г о д о в писатель сотрудничает в газете; К в е ч е р у добрались до озера; П о о к о н ч а н и у н и в е р с и т е т а он уехал в Сибирь; З а п о с л е д н и е г о д ы выпуск машин увеличился; М ы в ю н о с т и часто мечтали о полетах на другие планеты; М н о г о в е к о в человек был привязан*

¹⁶ Подробный анализ этих конструкций см.: R. M g á z e k, I. B r u m, *Sémantika a funkce ruského genitivu s předložkou u*, «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», IX, Řada jazykovědná, 10, 1962.

¹⁷ Этот и последующие перечни не исчерпывают всех падежных форм, входящих в данный тип детерминирующего члена предложения: в задачу статьи не входит составление полной их номенклатуры. Однако такая номенклатура может быть составлена; в частности, и предлагаемая в данном разделе классификация опирается на более полные и — с точки зрения формальных признаков — более детально систематизированные материалы.

¹⁸ «Во вторичной функции все конкретные падежи изофункциональны и, следовательно, не образуют семантической системы. Если группировать конкретные падежи по их наречным функциям, мы не можем отвлечься от функции всех прочих наречий» (Е. К у р и л о в и ч, Проблема классификации падежей, стр. 193).

к земле; При жизни отца семья не знала забот; Малышом он мечтал о многих профессиях; Вечерами геологи долго не расходятся по палаткам); причину (От испуга ребенок не мог говорить; Из-за отсутствия помещения нет возможности работать; Благодаря огромной воспитательной работе преступность снижается; Агрегат заменен ввиду износа; За недостатком слушателей рассказчику пришлось умолкнуть; Он замалчивал беззакония по трусости; Из пустяков не стоит поднимать шум); соответствие или несоответствие, основание, касательство (В погоне за цифрой забывают о качестве; В связи с семидесятилетием ученый награжден орденом; В честь юбиляра был устроен банкет; В свете предстоящих стартов чемпионат приобретает особое значение; Согласно демократии, любой сигнал трудящихся не остается без последствий; По проекту здесь вырастет крупнейший в Европе коксохимический завод; Со зрелищной точки зрения поединки молодых мало чем уступают играм всесоюзного календаря; В представлении неискушенных лесник — это сторож с берданкой; Депутат был арестован в нарушение права на парламентскую неприкосновенность; С формальной позиций «серый» доцент неуязвим; Вопреки предсказаниям моего спутника, погода проявилась); цель, назначение (Корысти ради этот человек готов на все; В целях выполнения обязательств колхозники обеспечили своевременное проведение работ; В порядке опыта один автомат выставлен в витрине магазина; Для повышения надежности безопасного возвращения на корабле установлено ручное управление; Попытался даже раздеться на предмет загара; В обеспечение плана на завод прислали новые станки; Будем бдительны во имя мира); следствие, возмещение (С переходом на промышленную станدارтизованную рецептуру получен выигрыш в качестве и ассортименте изделий; Люди понимают важность проблемы — отсюда гарантия успеха; За заслуги перед советским государством награждена орденами группа конструкторов; В результате усилий коллектива достигнуты большие успехи в работе; Вследствие аварии механизмы остановлены); условие и уступку (В создавшихся условиях нам разумнее не узнавать друг друга; При всех его достоинствах он мне не нравится; Несмотря на успехи, впереди еще много дела); отключение, отчленение, силывключение, присоединение, замещение (Все дети в школе, вне зависимости от заработка родителей, питаются одинаково хорошо; За исключением нескольких человек, весь класс был в сборе; Без глубокой идеологической работы партии невозможны были бы победы советского народа; Вместо настойчивого выполнения своих же решений, областные организации проводят многочисленные заседания; В отмену прежнего решения принято новое постановление); сравнение, сопоставление (В отличие от первого матча, команда играла плохо; Подобно мететоритам, корабль может сгореть; Введено в строй жилых домов общей площадью 586 млн. кв. м. против 373 миллионов за все предшествующие годы; Мои заботы ничто рядом с заботами радиста); сопровождение, сопутствие (Вра-

гы рассчитывали, что вместе с ликвидацией культуры личности будет перечеркнуто все, сделанное партией и народом; Нарушители предаются беспощадному суду общественности со всеми вытекающими отсюда последствиями; Отдал дачу в распоряжение местного совета с просьбой использовать ее под детский сад); наконец, довольно пеструю группу составляют детерминирующие обстоятельства, с той или иной стороны конкретизирующие, уточняющие или ограничивающие ее сообщение, в основной своей массе совпадающие с тем, что школьная грамматика называет «обстоятельством образа действия» (С его поддержкой вошел в литературу талантливый сказочник; В погоне за прибылью дельцы выпускают десятки «лекарственновинок»; Ему сказали, что на 90% за сохранность семьи отвечает он; Добыча микроудобрений производится еще в недостаточных размерах; При переполненных трибунах прошли встречи футбольного чемпионата; Наша литература в нелегком труде, в спорах ищет своего героя; Под знаком острейшей борьбы прошел первый день дискуссии; Впервые за всю историю организации сорвалась отчетно-выборная конференция; То и дело открывается дверь; Снова и снова гремят овалы; В ожидании интерната ребята перестали ездить в школу; По форме он как бы и прав, а по существу губит новое дело; За счет использования отходящих газов здесь будут вырабатываться удобрения; Путем подкупа дельцы избегают контроля; В иде опыта подписка проводится по новой системе).

Как видно, «семантическая классификация» детерминирующих обстоятельств очень приближительна, зыбка и неточна. По-видимому, она и не может быть иной: чем более четкой, точной — а значит и дробной — мы будем стремиться ее сделать, тем дальше придется «уходить в лексику» и удаляться от синтаксиса.

IV. Чтобы не сойти с «синтаксической почвы», нужно прежде всего попытаться ответить на вопрос, почему все описанные выше распространители предложения являются структурами, примыкающими к предложению в целом, и не могут быть рассмотрены как формы, непосредственно зависящие от глагола, т. е. как компоненты глагольно-именных словосочетаний со слабым управлением.

В предложении, распространяемом детерминирующим членом, глагол может быть и может не быть. В тех случаях, когда глагол присутствует, есть возможность усмотреть формальную и смысловую зависимость распространителя не от предложения в целом, а от глагола (ср.: *Под Орлом я узнал эту историю; Решающие победы в развитии науки мы одержали именно в это десятилетие* и под.); так обычно и делается в огромном большинстве описаний «временных», «пространственных» и т. п. словосочетаний.

Первым, самым общим и, может быть, формально наименее убедительным аргументом против понимания детерминирующего члена как формы, связанной только с глаголом и им слабоуправляемой, может служить его место в предложении: как правило, детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство находится в начале предложения, реже — в конце и в середине предложения — непосредственно после подлежащего; ср.: *В финале московский «Спартак» встретился с воскресенским «Химиком» — Московский «Спартак» в финале встретился с воскресенским «Химиком» — Московский «Спартак» встретился с воскресенским «Химиком» в финале.* Можно привести многие десятки примеров,

иллюстрирующих именно такое словорасположение как норму. При этом случаи расположения детерминирующего члена в абсолютном начале предложения составляют подавляющее большинство. Следовательно, с уверенностью можно констатировать отсутствие тяготения распространителей предложения к глаголу и, напротив, явное тяготение их к началу предложения, с которым в целом они соединяются свободной связью примыкания. Против этого тезиса может быть выдвинуто то возражение, что и в словосочетаниях — даже с обязательной связью (регулярное управление) — в структуре предложения зависимое имя не обязательно находится непосредственно при глаголе и путем вынесения в начало или в конец предложения может быть от глагола отделено, ср.: *учить детей, потерпеться страху и Детей нужно учить; Страху мы потерпелись в лесу* или: *Учить нужно детей; Потерпелись мы в лесу страху*. Однако в этих случаях дистантное расположение сильноуправляемого имени и глагола обязательно связано с особыми задачами актуализации, а при отсутствии таких задач общеязыковой нормой является включение в предложение словосочетания с контактным расположением компонентов: *В лесу мы потерпелись страху; Нужно учить детей*. Если обратиться к расположению детерминирующих членов, то обнаружится, что, в отличие от рассмотренных случаев, передвижение их в составе предложения не связано с задачами актуализации тех или иных речевых отрезков (такую актуализацию можно усмотреть лишь в некоторых случаях расположения детерминирующего члена в конце предложения, о чем см. ниже).

Слабая изученность собственно грамматических норм словорасположения и зыбкость критериев того, что называется «актуальным членением», не позволяют оперировать данными порядка слов как строго доказательными аргументами в пользу того тезиса, что те надежные и предложноподлежащие формы, которые мы назвали распространителями предложения, не являются компонентами глагольно-именных словосочетаний со слабым управлением. Однако здесь могут иметь значение некоторые дополнительные данные.

Во-первых, далеко не все детерминирующие члены, нормально находящиеся в начале предложения, свободно передвигаются внутри его структуры: иногда такое передвижение влечет за собой изменение связей и, следовательно, невозможно. Таковы случаи, когда детерминирующий объект или детерминирующее обстоятельство (главным образом — но не исключительно — со значением места и времени), будучи перенесены из начала в конец предложения, оказываются в непосредственном соседстве с существительным, с которым они как бы «автоматически», самим фактом контактирования, устанавливают определительную связь: *Между друзьями начался крупный разговор — Начался крупный разговор между друзьями; При автопрокате создаются общественные советы — Создаются общественные советы при автопрокате; На мясокомбинате установлены новые машины в пирожковом цехе — Установлены новые машины в пирожковом цехе на мясокомбинате; На Западе раздаются призывы перейти в наступление в битве идей — Раздаются призывы перейти в наступление в битве идей на Западе; На фасадах появляются грязные пятна — Появляются грязные пятна на фасадах; В году есть несколько ночей, когда разрешается нарушать спокойствие граждан — Есть несколько ночей в году, когда...; В вопросах новой технологии необходимо проявлять высокое чувство заинтересованности — Необходимо*

проявлять высокое чувство заинтересованности в вопросах новой технологии; В системе торговли не учитывается производительность труда — Не учитывается производительность труда в системе торговли; В летние месяцы количество желающих во много раз превышает возможности пансионата — Количество желающих во много раз превышает возможности пансионата в летние месяцы; В честь юбиляра был устроен банкет — Был устроен банкет в честь юбиляра; В истории борьбы за победу ленинских идей последнее десятилетие занимает особое место — Последнее десятилетие занимает особое место в истории борьбы за победу ленинских идей и т. п.¹⁹

Во-вторых, формальная возможность перемещения детерминирующего члена из начала в конец предложения в ряде случаев является мнимой, так как тот или иной словопорядок строго связан с одной из двух форм речи — разговорной или письменной. Так, для письменной речи нормой является постановка детерминирующего члена — наречия в начале предложения в конструкциях типа: *Однажды к нам за кулисы пришли иностранные журналисты; Сейчас завершена реконструкция цехов; Теперь лето; Тут нам знакомы все стороны вопроса; Здесь требуется исключительно высокая точность; У него много работы, поэтому он не придет.* Постановка детерминирующего обстоятельства в конце предложения здесь возможна, но только в разговорной речи. Ср. также: *В связи с этим не полностью используются рабочие — Не полностью используются рабочие в связи с этим; У руководителей не было иного выхода — Не было иного выхода у руководителей; Шофер долго хлопает дверцей: в ней испорчен замок — испорчен замок в ней.* В глагольных предложениях со значением собственно бытия, становления действует противоположная норма: в письменной речи детерминирующий член ставится в конце предложения, в разговорной — в начале, ср.: *Это было давно и Давно это было; Это случилось в скверике перед цирком и В скверике перед цирком это случилось.* Отклонения от такого словопорядка, естественно, не исключены.

Итак, существуют определенные, довольно простые правила расположения детерминирующих членов в предложении. Эти правила не совпадают с правилами расположения в структуре предложения именных компонентов глагольных словосочетаний со слабым управлением.

V. Общеизвестно, что в словосочетаниях с необязательной связью (нерегулярное, или слабое управление) возможны сочетания тех или иных глаголов с разными надежными и предложно-надежными формами значительно шире и свободнее, чем в словосочетаниях с обязательной связью (регулярное управление). Именно поэтому представляется очень неопределенной задача классификации слабоуправляющих глаголов на основе их дистрибуции²⁰. Несомненно в то же время, что эта свобода не безгра-

¹⁹ Изменение функций, связанное с перестановками, может быть ярко проиллюстрировано на примере некоторых безглагольных именных предложений с детерминирующими обстоятельствами места, времени и некот. др.: будучи перенесены в конец предложения, эти детерминирующие члены становятся сказуемыми, и все предложение превращается в двусоставное, ср.: *Перед нами — острое разоблачение нравов буржуазного общества и Острое разоблачение нравов буржуазного общества — перед нами; В каких-нибудь двух шагах — озеро и Озеро — в каких-нибудь двух шагах; Через двадцать минут — австралийская станция Муусон и Австралийская станция Муусон — через двадцать минут.*

²⁰ См.: Fl. Dimitrescu, указ. соч.

нична, и глаголы, сочетающиеся с теми или иными падежными и предложно-падежными формами (при их определенном лексическом наполнении), объединяются в какие-то семантические группы — иногда широкие, а иногда, напротив, очень узкие. Объективно такая семантическая группировка должна идти не от собственно глагола, а от характера его зависимого компонента. Так, например, по отношению к группам *в первом действии*, *во втором действии* можно установить, что для них специфична, система на связь с глаголами, обозначающими театральное действие, игру: *выступить, играть, петь, танцевать* и т. п. Объективным критерием системности такой «словосочетательной» связи (т. е. связи слова со словоформой) здесь служит наличие словосочетаний с соответствующим отглагольным именем: *игра в первом действии*, *выступление во втором действии* и под. Поэтому прикрепленность данной предложно-падежной группы к глаголам иной семантики в структуре предложения является мнимой; ср.: *«В первом действии плательщица бледнеет и краснеет. Во втором — закрыв лицо руками, бежит по этажам в поисках недостающей трешницы. А в третьем платит»* (ВМ 25 X 63²¹). Отсутствие в языке словосочетаний «бледнеть в первом действии», «бежать во втором действии», «платить в третьем действии» подтверждается не только невхождением образующих их глаголов в ту семантическую группу, которая системно сочетается с данным предложно-именным компонентом, но и отсутствием словосочетаний с именем, словообразовательно соотносительным с глаголом²². Поэтому можно утверждать, что в приведенном примере вынесенные в начало предложно-падежные группы *в первом действии*, *во втором действии* и т. д. распространяют предложения в целом, являясь их детерминирующими обстоятельствами.

Другой пример. С семантикой прилагательных *знакомый, интересный* связано построение адъективных словосочетаний *знакомый с кем, с кем, кому, для кого; интересный кем, кому, для кого* и, с другой стороны, *хорошо, близко знакомый; очень, весьма интересный*. Соединение этих прилагательных с наречием места никак не опирается на их семантику, и поэтому в языке нет словосочетаний «знакомый тут», «интересный там». Поэтому следует признать, что в предложениях: «Советскому правительству уже полтора десятка лет приходится иметь дело с ядерным оружием, *тут* нам знакомы все стороны вопроса» (Пр. 24 VIII 63) или «Интересные приемы оформления показали эстонцы. *Там* очень интересны небольшие альпинарии» (ВМ 5 IX 63) — наречия *тут, там* не входят в словосочетания («знакомый тут», «интересный там»), а являются детерминирующими обстоятельствами, примыкающими к структуре предложения в целом.

Дополнительным показателем несвязанности падежной или предложно-падежной формы с глаголом может служить соединение этой формы, начинающей собою предложение, с частицей, например: *Еще в райце н т ре ему рассказали о делах в колхозе*. Помимо тех соображений, которые были высказаны выше об отсутствии словосочетаний типа «бледнеть в первом действии» и которые могут быть распространены и на соединение «рассказать в райцентре» (ср. словосочетания *жить, работать*,

²¹ Принятые сокращения названий газет: Пр. — «Правда», Изв. — «Известия», К. пр. — «Комсомольская правда», ВМ — «Вечерняя Москва», Л. г. — «Литературная газета».

²² Можно возразить, что соединения *беготня в третьем действии*, *бледность в первом действии* не исключены. Но здесь встает вопрос о соотношении словосочетаний, системно существующих в языке, и соединений, которые могут быть построены по их образцу в определенных речевых условиях. Этот вопрос — сам по себе очень важный — совершенно не изучен и не может рассматриваться в настоящей статье.

встретиться и т. п.²⁷ в райцентре), аргументом в пользу самостоятельной функции предложной группы может служить тот факт, что вхождение модальных частиц в структуру словосочетания абсолютно исключено. Это положение распространяется и на те случаи, когда входящий в предложение глагол по своей семантике может управлять данной предложно-падежной группой, например: «Только в Иркутске работают в этих организациях тридцать тысяч горожан» (Изв. 15 VIII 63).

Особенно показательны случаи, когда в предложении не могут быть установлены даже внешние связи между глаголом и детерминирующим членом, например: *Много веков человек был привязан к земле или При всех его достоинствах он мне не нравится* (очевидна невозможность — формальная или смысловая — конструирования словосочетаний «привязать (кого к чему) много веков» или «нравиться при всех достоинствах»). Очень нагляден такой эксперимент во всех случаях так называемой вводности, которая синтаксически ничем не отличается от других типов распространителей предложения и должна рассматриваться как один из видов детерминирующих обстоятельств: *По подсчетам астрономов; По предварительным сведениям*, завод выполнил план на 120% (невозможно конструирование единиц: «наблюдаться по подсчетам астрономов», «выполнить план по предварительным сведениям»).

В отдельных случаях установлению связей мешает видимость нарушения грамматической связи между предложно-падежной группой и глаголом, например: «В воде опрокинулись освещенные оранжевым солнцем далекие вершины» (К. пр. 27 VIII 63); «В Москву ожидается приезд команд США и Финляндии» (ВМ, 24 VIII 63); «На Дербеневском химзаводе на каждые десять коммунистов было выписано лишь три партийных журнала» (ВМ 1 X 63) (ср. словосочетания: *опрокинутые в воду, ожидается в Москве, выписать журналы на завод*). Однако никакого нарушения здесь в действительности нет, так как нет непосредственной связи между глаголом и предложно-падежной группой²⁸.

Выше упоминалось, что одним из приемов установления синтаксической независимости детерминирующего члена от наличествующего в предложении глагола может служить нетрансформируемость такого соединения в словообразовательно соотносительное с ним именное словосочетание. Этот рабочий прием в данном случае может оказаться очень действенным. Так, если взять ряд предложений: *По существу он губит новое дело; Узнав о пустующем детском саде, я возобновила беседы по новому кругу* (Изв. 23 XII 63); «По нашей квалификации мы с тобой вместе скоро будем подметать улицы» (Л. г. 9 VII 63); *Снимите пиджак: его никто не возьмет здесь; В Геническом районе* одни говорят, что нужны черные пары, а другие заявляют — нет» (К. пр. 15 XII 63); *Нотчетной конференции участники подчеркивали, что...; Солдатом он начал тянуть телефонный провод от Волги до Берлина* — и попытаться доказать, что группы: *губить (дело) по существу, возобновить (беседы) по новому кругу, подметать (улицы) по нашей квалификации, взять (пиджак) здесь, говорить в Геническом районе, подчеркивать (что) на отчетной конференции, тянуть (провод) солдатом* являются глагольно-именными словосочетаниями, то опровержением этого утверждения послужит невозможность трансформации таких соединений в именные словосочетания со словообразовательно соотносительным стержневым словом. Ср. свободную трансформацию словосочетаний: *возражать по существу — возраже-*

²⁸ Ср. аналогичную видимость нарушения связи: «— За воротник поналивают, а мне развози» (К. пр. 27 VIII 63).

ние по существу; ходить по кругу — хождение по кругу; работать по квалификации — работа по квалификации; жить в Геническом районе — жизнь в Геническом районе; выступать на конференции — выступление на конференции; служить солдатом — служба солдатом; пребывать здесь — пребывание здесь.

Другой прием проверки трансформируемостью заключается в следующем. Словосочетания с необязательной связью в системе языка часто входят в более или менее развернутый ряд соотносительных с ними по значению словосочетаний с тем же глаголом, но с другой формой зависимого компонента, например: *действовать вместе с кем — совместно с кем; идти по улице — идти улицей — идти вдоль улицы* и т. п. Детерминирующие члены не трансформируются в синонимическую конструкцию. Так, в предложении *Враги социализма рассчитывали, что вместе с ликвидацией культуры личности будет перечеркнуто все, сделанное партией и народом* детерминирующее обстоятельство со значением совместности, сопутствования (*вместе с ликвидацией культуры личности*) не может быть заменено группой с *совместно*. Еще примеры. Словосочетания *стоять за окном — стоять под окном — стоять у окна* образуют соотносительный ряд, и именные компоненты в них при определенных условиях могут взаимозаменяться; в предложении *За окном стемнело* предложно-падежная группа не заменяется ни одной из соотносительных групп. То же в предложении: *По всему лесу растет трава* (ср. словосочетания *идти по лесу* и *идти лесом* и невозможность конструкции «Лесом растет трава»). Аналогичная «нетрансформируемость» обнаруживается и в безглагольных предложениях: *Мои заботы ничто рядом с заботами радиста* (ср. словосочетания: *жить рядом с лесом — около леса — вблизи леса — у леса* и невозможность построения «Мои заботы ничто около (вблизи и т. п.) забот радиста»).

Наконец, третий прием проверки может быть применен по отношению к детерминирующим членам, трансформируемым в конструкции, находящиеся на уровне не словосочетания, а предложения. Практически это — функционально и семантически не всегда достаточно близкие соотношения, то, что нестрого и неопределенно называется «синтаксической синонимикой». Однако соответствующие подстановки, применяемые как подсобный прием, могут быть одним из объективных показателей «предложенческой» природы детерминирующих членов в отличие от компонентов словосочетания. Так, детерминирующий объект (*с кем, кому, между кем, у кого, для кого*) может трансформироваться в подлежащее (*С женщиной обморок — Женщина в обмороке; Для Анатолия чужды интересы коллектива — Анатолий чужд интересам коллектива; Мне весь этот процесс мыслится несколько иначе — Я весь этот процесс мыслю несколько иначе; Между отцом и сыном идет крупный разговор — Отец и сын крупно разговаривают; У конструкторов приготовлена документация — Конструкторы приготовили...*²⁴). Детерминирующее обстоятельство в форме творительного беспредложного с временным значением трансформируется в деепричастную группу (*Малышом он мечтал о самолетах — Будучи малышом...; Став аэром будешь получать до трехсот рублей — Став аэром...)*²⁵. В деепричастную группу могут трансформироваться также и

²⁴ Аналогична трансформация детерминирующего объекта в безглагольном предложении: *В стремлении к большой работе нет ничего предвсудительного — Стремление к большой работе не предвсудительно.*

²⁵ Характерно соседство твор. падежа и деепричастного оборота как равнозначных детерминирующих членов: «*Подростком, юношей, работая на Украине, он запечатлел на пленку стройку Харьковского тракторного, ДнепрГЭСа, труд донецких горняков*» (Иав. 1 X 63).

детерминирующие обстоятельства с причинным значением — в форме твор. падежа с предлогом *за* и род. падежом (*За недостатком времени не пошел на концерт — Не имея времени...*), со значением несоответствия — в форме вин. падежа с предлогом *в* и род. падежом (*В нарушение всех юридических норм, судья вынес оправдательный приговор — Нарушая все юридические нормы...*). Детерминирующий объект у кого может трансформироваться в творительный деятеля (*У этого писателя опубликован сборник рассказов — Этот писателем опубликован...*).

Итак, проверка на трансформируемость — там, где она применима, — показывает, что внешне возможное соединение глагола с предложно-падежной формой в составе предложения не является словосочетанием: 1) если невозможна трансформация такого соединения в именное словосочетание со словообразовательно соотносительным стержневым словом; 2) если невозможна замена детерминирующего члена равнозначной или соотносительной предложно-падежной группой, «отвлеченной», так же, как и он, от одного из словосочетаний синонимического ряда; 3) если детерминирующий член трансформируется в конструкцию, находящуюся на уровне не «словосочетательном», а «предложенческом».

VI. Глаголы отвлеченной семантики, обозначающие бытие, наличие, появление, обнаружение, переход из одного состояния в другое: *быть, бывать, иметься, наличествовать, находиться, происходить, состояться, являться, появляться, становиться, оставаться, исполняться, получаться, начинаться, оказываться, делаться, создаваться, выступать, выявляться, возникать, представлять, представляться, замечаться, производиться, выглядеть* и другие примыкающие к ним по общему значению глаголы в силу своей семантики не требуют указания на конкретные условия проявления процессуального признака. В предложениях с такими глаголами особенно наглядно выявляется отсутствие непосредственной синтаксической связи между глаголом и детерминирующим членом предложения: *С возрастом передвижение становится труднее; Со мной случилось смешное приключение; Действие комедии начинается на вокзале; В Закарпатье сохранится теплая погода; Ни в лице его, ни в голосе не было раскаяния; В борьбе против регулярии комсомолу отводится огромное место; У саратовцев есть одна интересная идея; 30-го будет ревизия; Начиная с субботы, на стройку доставляются горячие обеды; После традиционной экскурсии по цехам мы вплотную подходим к наиболее проблемной; Уже с первых кадров герой предстает перед зрителями в ореоле особой значительности; В тридцать семь лет он стал директором; И в будни и в ненастье такой город будет выглядеть празднично; Целыми днями ребята пропадали в спортзале; Минутами на него находила слабость; При свете луны глаза девушки казались синими; Ежедневно проводятся короткие летучки; За отличной одеждой не сразу замечаются недостатки его фигуры; Согласно Программе КПСС объем товарооборота вырастет в 5 раз; Сравнение получается весьма показательным даже по данным буржуазной газеты; Лишь по недоразумению команда называлась калининской; В свете решений июньского Пленума ЦК КПСС перед советской литературой стоят большие задачи; С девяти утра до пяти вечера, за исключением выходных дней, этот домовладелец являет собой как бы образ передового служащего; Впервые в истории космических исследований на борту корабля находилась женщина; Поздним ве-*

чером завершились старты скоростных; С целью урегулирования конфликта состоится совещание глав правительства.

Самостоятельность детерминирующего члена в предложениях с такими глаголами устанавливается двумя сериями трансформаций.

1. Предложения со значением собственно бытия, наличия при синтаксическом значении настоящего времени трансформируются в предложения безглагольные: *С о мной смешиное приключенье; В Закарпатье теплая погода; С девяти утра до пяти вечера, за исключением выходных дней, этот домовладелец — как бы образ передового служащего; 30-го ревизия; В тридцать семь лет он — директор; В его лице и голосе — раскаяние и т. д.* Это убеждает в том, что детерминирующий член и в соответствующих глагольных предложениях «опирается» не на глагол, а на предикативную основу предложения в целом.

2. В предложениях с такими глаголами исключены трансформации группы «глагол + детерминирующий член» в именное словосочетание с существительным, словообразовательно соотносительное с глаголом, например: *В Грузии вчера шел снег* (ср. глагольное словосочетание *жил в Грузии*, трансформирующееся в именное *жизнь в Грузии* и отсутствие такого соотношения для группы *Шел в Грузии*); *В парке выросла ледяная горка* (ср. словосочетания *гулять в парке — прогулка в парке*); *В багровых отблесках огня кузнец казался великаном* (ср. словосочетания *сиять в отблесках огня — сияние в отблесках огня*); *На Ставрополье ширится движение за перевыполнение плана хлебозаготовок* (ср. словосочетания *работать, пребывать на Ставрополье — работа, пребывание на Ставрополье*); *При переполненных трибунах проходили встречи футбольного чемпионата* (ср. словосочетания *выступать при переполненных трибунах — выступление при переполненных трибунах*) и т. д. Это доказывает, что группы «шел в Грузии», «выросла в парке», «казался в отблесках огня», «ширится на Ставрополье», «проходили при переполненных трибунах» являются мнимыми синтаксическими объединениями.

Та же нетрансформируемость в именные словосочетания обнаруживается в предложениях со значением возможности, необходимости, долженствования — с глаголами или прилагательными соответствующих значений или включающими их сочетаниями: *Без глупой и идеологической работы партии невозможны были победы советского народа; У организаторов «психологической войны» не может быть опоры в социалистическом обществе; По смерти отца все имение должно перейти к сыну; В преддверии нового учебного года хочется сказать о том, что мешает работе; Создавши хся условиях нам разумнее не узнавать друг друга; Здесь нельзя уповать только на эпизодические проверки; В оставшиеся часы нам предстояло разобраться во всем этом хаосе событий; Ценой огромных усилий команде удалось сравнять счет.*

Из сказанного ясно, что чем абстрактнее, отвлеченнее значение глагола, тем меньше оснований «привязывать» к нему детерминирующий член предложения.

VII. Вопрос о зависимости или независимости детерминирующего члена от глагола не возникает во всех случаях его присоединения к предикативной основе безглагольного предложения — односоставного или двусоставного. Это — конструкции, бесспорно доказывающие отнесенность детерминирующего объекта и детерминирующего обстоятельства к предложению в целом. Важно подчеркнуть, что возможности распространения детерминирующим членом у безглагольного предложения те

же, что и у предложения глагольного: и то и другое «принимает» все перечисленные в разделе III виды детерминирующего объекта и детерминирующего обстоятельства. Вот некоторые примеры. Односоставные предложения: *С кадр ами неблагополучно*; *С ч и с т о п и с а н и е м неудача*; *Л е н и н г р а д с к о м у э к с п е р и м е н т у о к о л о п я т и л е т*; *У р е б л я т р а д о с т ь*; *П е р е д н а м и о с т р о е р а з о б л а ч е н и е б у р ж у а з н ы х п р а в о в*; *П р о е к т и р о в щ и к о в н а р а з р е з е н е т*; *С е й ч а с в с о в н а р х о в е у ж е д р у г и е р а з г о в о р ы*; *В к о м н а т е д у ш н о*; *И з - з а о т с у т с т в и я п о м е щ е н и я н е т в о з м о ж н о с т и р а б о т а т ь*; *О н н и ч е м у н е в е р и т, о т с ю д а и э т о т р а з д р а ж е н н ы й т о н*; *Н а у м е у н е г о т о л ь к о в ы г о д а*; *К р у г о м п о л н о з н а к о м ы х*; *С В а л е й у д р у ж и н н и к о в о с о б ы е с ч е т ы* и т. д. Двусоставные предложения: *Д л я м и л л и о н о в п а р р е г и с т р а ц и я б р а к а — н е к а н ц е л я р с к а я б у м а ж к а*; *О н т е б е н и к т о*; *Д о с е д ь м о г о к л а с с а я е й и п о м о щ н и ц а, и а в т о р и т е т*; *Т е п е р ь о н у ж е н е т и х и й с л у ж а щ и й, а х о з я и н д о х о д н о г о д о м а с о в с е м и в ы т е к а ю щ и м и д л я п о с т о я л ь ц е в н е п р и я т н о с т я м и* и т. п.

Появление в таких предложениях связочного глагола (*быть, стать, являться, казаться* и т. д., а также *не было* в соответствии с *нет*) или глагола со значением наличия, существования (*У б и б л и о т е к и с е й ч а с у ж е д в е т ы с я ч и т а т е л е й — У б и б л и о т е к и с е й ч а с у ж е е с т ь д в е т ы с я ч и т а т е л е й*) не влияет на отношение детерминирующего члена к их предикативной основе в целом и не меняет этого отношения.

VIII. Несколько детерминирующих членов (обычно — два, реже — три и более) в структуре предложения могут объединяться в д е т е р м и н и р у ю щ и е г р у п п ы. Чаще всего объединяются два детерминирующих обстоятельства со значением места или места и времени, а также два детерминирующих обстоятельства со значением времени. Однако в принципе ограничений в формировании таких групп нет, за исключением невозможности объединения друг с другом некоторых видов детерминирующих объектов²⁶.

При условии контактного расположения членов такой группы место ее в предложении определено более строго, чем место одиночного детерминирующего члена: такая группа или начинает собою предложение, или — реже — замыкает его: *Г о д н а з а д в «П р а в д е» с о о б щ а л о с ь о н е д о с т а т к а х в р а б о т е Н о в о с и б и р с к о г о к о м б и н а т а*; *В с е п е р е м е н и л о с ь в н а ш е й с т р а н е з a г о д ы С о в е т с к о й в л а с т и*. Положение группы в середине предложения (после подлежащего) в письменной речи фиксируется редко (*К о м а н д и р т е п е р ь, в т р у д н ы х у с л о в и я х, п о н о в о м у о ц е н и л с в о и х б о й ц о в*). Перестановка такой группы из начала в конец предложения не знает тех ограничений, которые действуют по отношению к одиночному распространителю предложений: оказываясь в непосредственном соседстве, два детерминирующих члена «не тянут» к непосредственно предшествующему имени; за исключением тех случаев, когда они оказываются лишь внешне объединенными друг с другом (см. ниже, гр. 1), такие детерминирующие члены формируют независимую ни от какого отдельного слова в предложении с д и н т а к с и ч е с к у ю г р у п п у, члены которой соединяются определятельными отношениями. Эта спаянность членов детерминирующей группы новыми отношениями.

²⁶ При возможных соединениях типа *У н а с м е ж д у р е б я т а м и и д е т с п а р*; *У д о ч к и с а р и ф м е т и к о й н е л а д и т с я*; *Д л я с п е ц и а л и с т а с э т и м и ч е р т е ж а м и н е м о ж е т б ы т ь н и к а к и х т р у д н о с т е й*; *У ч и т е л е й п о о т н о ш е н и ю к э т о м у у ч е н и к у в ы р а б о т а л с я н е п р а в и л ь н ы й п о д х о д* и др., ограничены возможности соединения детерминирующих объектов, строящихся по моделям *кому и между кем, с кем и между кем* и некот. др. Этот вопрос требует специального исследования.

появляющимися в результате и при условии непосредственного их контактирования и семантической «соединимости», превращает такую группу в особую категорию, характеризующую только структуру предложения.

Рассмотрим кратко основные типы детерминирующих групп с точки зрения характера отношения их членов. Таких типов три.

1. Два (реже — более) детерминирующих члена, оказываясь рядом, не уточняют друг друга, а относятся каждый самостоятельно к предложению в целом. Соединительное отношение между ними внешнее, случайное; оно устанавливается только благодаря их непосредственному соседству и не является синтаксической связью; поэтому такое соединение нельзя считать синтаксическим. Например: *13 января при сильном шторме в Кадисском заливе погиб рудовоз «Умань»; Сегодня в Москве и Московской области ожидается облачная погода; По распоряжению начальника с июня по сентябрь все работы были приостановлены; Для каждого капитана своя мера требовательности; Вечером со своротыми погонями поручик заскочил проститься с невестой (Леонов); Внешне у них много общего; Мне руку больно; Всю зиму по ночам через открытые форточки слышалась стрельба; Теперь руками бывших гидростроителей в Жигулях создается новый промышленный центр.*

Такая группа, внутренне никак не спаянная, легко распадается. Поэтому для этого типа соединений — и только для него — возможна неконтактность детерминирующих членов, их «разноместность»: *Много лет назад он играл в Колонном зале бетховенскую программу; «В процессе настойчивого отдыха Иванников за четыре дня четырежды побывал в пресных ваннах» (ВМ 5 IX 63).* Показательна свобода передвижения, объединения и разъединения детерминирующих членов, находящихся в отношениях «несинтаксического соединения»: *И в мирное время есть место подвигу — Подвигу есть место и в мирное время — Подвигу и в мирное время есть место — Есть подвигу место и в мирное время и т. д.*

2. Два детерминирующих члена находятся друг с другом в определенных отношениях: первый определяется, уточняется вторым. Общность семантики для них обязательна. Это — синтаксическая группа, так как соединение ее членов мотивировано, между ними есть внутренняя связь, отношение. По своему интонационному рисунку эти соединения резко отличаются от соединений первого типа: для них характерно подчеркнутое интонационное расчленение. Дистантное положение для членов такой группы в письменной речи практически исключено. Например: *Здесь, на Марухском перевале, тишина очень молода; В Одессе, в Филатовской клинике девочку трижды оперировали; На вокзале, у поезда начинается действие комедии; Скоро, с первым льдом поднимутся перелетные утки; Однажды, дождливым вечером, я «голосовал» у шоссе; По утрам, до завтрака пионеры строились на линейку.*

Этот тип соединения может стать основой для пересечения в одном детерминирующем члене двух разных значений — явление, возможное только под влиянием контекстных связей. В основном это случаи «отражения» временного значения первого члена во втором, имеющем значение места: *Девочкой, у себя на родине она тоже обожала школьные походы (Леонов); Это было еще тогда, в родном городе.* Возможно также семантическое взаимодействие детерминирующих членов со значениями временным и условным: *Теперь, согласно новому закону эта категория рабочих пользуется особыми льготами; Можем*

ли мы сейчас, в преддверии коммунизма, в условиях невиданного морально-политического единства советского общества «оставлять в покое» отдельные антиобщественные элементы? Именно для соединений этого типа в современной публицистической, художественной речи характерно подчеркнутое интонационное членение, связанное с задачами актуализации: «Это было давно. В ее родной Биотии» (К. пр. 13 VII 63); «„Ледовая“ паства пагера Дэвида ступила на Московскую землю лишь на рассвете вчерашнего дня. За двенадцать часов до матча Канада — СССР!» (К. пр. 16 I 64).

В качестве определяющего члена в синтаксических группах описываемого типа могут выступать так называемые «придаточные предложения» с *когда*, *где*: «... А получит посылку — будет жевать домашний пряник под одеялом, когда все уснут, после отбоя» (К. пр. 8 IX 64); «Там, на берегу, когда на землю опустится роса, остро и горько пахнет степная полынь» (Изв. 6 VII 64); «В одном из самых очаровательных мест Цейлона, у озера Паракрама, где прозаживают розовые фламинго и пятнистые лани, мы увидели высеченное на камне изречение цейлонского философа» (Пр. 21 X 63). Придаточности здесь нет: предложения с союзами синтаксически здесь ведут себя так же, как отдельное слово или предложно-падежное сочетание, и являются таким же детерминирующим членом, как и словоформы, в окружении которых они выступают.

3. Третий тип составляют группы, члены которых — их всегда два, — объединенные определительными отношениями, интонационно сливаются и утрачивают раздельность. Это — детерминирующие обстоятельства со значением места или времени: *однажды ночью, в прошлом году летом, в небе над Москвой, у директора на столе, у нас в институте* и т. п. Для этих групп исключена распространенность, это всегда простое соединение двух предложно-падежных форм или предложно-падежной формы и наречия. Например: *Было это в 1935 году летом; К утру 2-го мая мы вышли к окраине села; На уже у него только выгода; У нас в Ленинграде сейчас белые ночи; Совнархозовский документ лежит у Виктора на столе; Тут в зарослях находится одна из интимнейших наших литературных святынь* (Леонов).

В конкретных речевых ситуациях основные типы детерминирующих групп могут комбинироваться. Однако эти комбинации не формируют новых объединений, а представляют собой лишь по-разному сгруппированные соединения основных типов детерминирующих групп.

*

Есть два подхода к анализу структуры предложения: можно делить его на какие-то части («члены предложения») в соответствии с заранее принятой схемой и можно изучать, как оно строится. В этом последнем случае обнаруживается, что в построении предложения участвуют единицы двух уровней: во-первых, словосочетания как готовые единицы, во-вторых, объединения слов и отдельные словоформы как готовые модели частей предложения. Словосочетания могут или включаться в предложение целиком или видоизменяться в нем в зависимости от многих факторов коммуникативного характера. Объединения слов, свойственные только структуре предложения, могут внешне опираться на модель словосочетания (отличаясь от нее категориальным наполнением и характером отношений) и могут не опираться на эту модель. Детерминирующие члены, рассмотренные в настоящей статье, — принадлежность структуры предложения; они опираются на форму одного из компонентов словосочетания, но не являются таким компонентом: у них свои, «предложно-связные» связи, свои возможности комбинирования и объединения друг с другом.

Э. А. МАКАЕВ

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ В ВЕДИЧЕСКОМ И В САНСКРИТЕ

1. В в е д е н и е. В сравнительной грамматике индоевропейских языков, а также в специальной индологической литературе общепринятым является рассмотрение системы именного склонения в ведическом и в санскрите как непрерывного развития, ведущего от формантного и парадигматического многообразия в ведическом к постепенному обеднению и выветриванию в различных формах санскрита. Ж. Блок указывает на то, что «характерной особенностью классического санскрита, по крайней мере в отношении грамматики, ибо лексика отличается инновациями и разнообразием, является процесс обеднения»¹. В другом месте Ж. Блок подчеркивает: «Грамматика (санскрита.— Э. М.) упрощается, как то подбавляет языку, который уже не является родным и которому обучаются в школе»². Т. Барроу указывает на то, что в санскрите «наблюдается значительное упрощение и модернизация в именном склонении»³. На ту же особенность указывают Л. Рену, А. Тумб и Р. Хаушильд и другие исследователи⁴. С этой точки зрения вся дальнейшая история санскрита представляла лишь смену различных стилей, что особенно подчеркивал Ж. Блок: «лингвисту почти нечего делать в санскрите в том случае, если он ищет в нем что-либо иное, кроме истории стиля»⁵. Данное положение сохраняло бы всю свою действительную силу и не вызывало бы возражений в том случае, если бы именное склонение в ведическом не обнаруживало значительного количества новообразований, неизвестных санскриту, и если бы в то же время санскрит не консервировал ряд архаических черт наряду с несомненными инновациями. Тем самым необходимо прежде всего выяснить соотношение архаизмов и инноваций в ведическом именном склонении.

2. И н н о в а ц и и в в е д и ч е с к о м с к л о н е н и и. Архаизмы в системе именного склонения в ведическом хорошо известны и не требуют особого рассмотрения. Сюда относятся: наличие весьма значительного количества односложных корневых образований, чаще всего в составе вторых компонентов сложных слов⁶, явления апофонии в различных классах согласных основ, наличие парадигматических различий в типах склонения *devi-* и *vṛki-*, нулевое оформление локатива ед. числа ряда основ, ряд особенностей в парадигматическом оформлении дифтонгических основ и некоторые другие явления. Значительный интерес имеет определение

¹ J. Bloch, L'indo-aryen du Veda aux temps modernes, Paris, 1934, стр. 123.

² J. Bloch, указ. соч., стр. 4.

³ T. Burrow, The Sanskrit language, London, 1955, стр. 37.

⁴ L. Renou, Histoire de la langue sanskrite, Lyon, 1956, стр. 68; A. Thumb—R. Hauschild, Handbuch des Sanskrit, I, 1, Heidelberg, 1953, стр. 107. Подробную библиографию вопроса см. в работе: J. Wackernagel, Altindische Grammatik, Introduction générale par L. Renou, Göttingen, 1957, стр. 23—29, 73—102.

⁵ J. Bloch, указ. соч., стр. 5.

⁶ L. Renou, Grammaire de la langue védique, Lyon, 1952, стр. 146—150, 204—210; A. Macdonell, A Vedic grammar for students, Oxford, 1955, стр. 78—79; J. Wackernagel, Altindische Grammatik, II, 2, Die Nominalsuffixe von A. Debrunner, Göttingen, 1954, стр. 1—59.

объема и функциональной значимости различных инноваций в системе ведического именного склонения. Одной из характерных особенностей ведической именной парадигматики является наличие ряда дублетных парадигматических форм в составе различных классов склонения. Так, в *i*-основах муж. рода в ед. числе в твор. падеже представлены: *śūcyā/śūcina* «блестящий»; в жен. роде в том же падеже: *śūcyā/śūcī/śūci*; в *u*-основах муж. рода в том же падеже: *mādhvā/mādhunā* «сладкий, мед»; в род. падеже муж. рода: *mādhos/mādhvas*; в ср. роде в локативе ед. числа: *mādhavi/mādhau, mādhuni*; в *ḍ*-основах муж. рода в ед. числе в твор. падеже: *priyēna/priyā* «дорогой», в том же падеже во мн. числе: *priyāis/priyebhis*; в им. падеже мн. числа: *priyās/priyāsas*; в *n*-основах муж. рода в ед. числе в локативе: *āśmani/āśman* «камень»; в *o*-основах ср. рода во мн. числе в им.-вин. падеже: *viśvā/viśvāni* «весь». Л. Рену, указывая на наличие подобных дублетов и на то, что иногда они использовались в стилистических, но чаще в метрических целях, приходит к выводу, что они являлись одним из показателей языка, подвергшегося еще в недостаточной степени фиксации⁷. В ряде случаев оправданность подобной интерпретации очевидна; ср. примеры параллельного употребления двух дублетных форм, приведенные Ж. Блоком: форматив *-ās/-āsas*: *brhād vadema vidāthe suvīrah* (II, 1, 16); *suvīrāso vidatham ā vadema* (II, 12, 15); форматив *-ais/-ebhis*: *yātam āśvebhir Aśvīna* (VIII, 5, 7); *ādityair yātam Aśvīna* (VIII, 35, 13)⁸. Можно полагать, однако, что лишь стилистическими и метрическими заданиями вряд ли возможно объяснить все случаи функционирования дублетных форм в ведическом⁹ (более подробно данный вопрос рассматривается в третьем разделе). Значительные инновации наблюдаются в ведическом в *o*-основах:

а) В им. падеже мн. числа в муж. и жен. роде наряду с формативом *-ās* выступает форматив *-āsas*¹⁰. Обращает на себя внимание, что форматив *-āsas* от *с* у *т* с *т* в ует в санскрите¹¹, но он представлен в «Гатах» Авесты (авест. *aspānhō* «лошадь»), в древнеперсидском в сакральной формуле: *aniyāha bagāha* «другие боги», а также в пали: *-āse* (например, *paṇḍitāse* «мудрец»)¹². Вопрос о соотношении ведического с иранским и среднеиндийскими языками будет более подробно рассмотрен в другой работе; здесь следует отметить, что причины появления данной инновации в ведическом окончательно не выяснены. Наиболее вероятным представляется объяснение А. Мейе¹³ и Л. Рену¹⁴, согласно которому форматив *-āsas* в *o*-основах возник вследствие парадигматического выравнивания по *i*-основам и *u*-основам (ср. др.-инд. *agnayas* «огонь», *sūnavas* «сын», *devāsas* «бог»). Менее

⁷ L. R e n u, Histoire de la langue sanscrit, стр. 19.

⁸ J. B l o c h, указ. соч., стр. 122.

⁹ Здесь и в дальнейшем термин «ведический» применяется преимущественно к Rgveda-saṃhitā (с обозначением соответствующих мавдал Ригведы). Другие ведические памятники специально оговариваются. Сокращения названий источников даются по кн.: W. W h i t n e y, Sanskrit grammar, Cambridge (Mass.), 1955; см. также: L. R e n u, Les écoles védiques et la formation du Véda, Paris, 1947. Гимны Ригведы цитируются по изданию: Th. A u f r e c h t, Die Hymnen des Rigveda, I — II, Berlin, 1955 с оспещривянными в настоящее время модификациями в транскрипции.

¹⁰ Статистические данные о дистрибуции данных формативов приводит Ч. Ланман: см.: Ch. L a n m a n, A statistical account of noun-inflection in the Veda, «Journ. of the American Oriental Society», X, 1878, стр. 325—604; см. также: A. M a c d o n e l l, Vedic grammar, Straburg, 1910.

¹¹ Отмечаются лишь единичные случаи употребления *-āsas* в памятниках, следующих ведической традиции. См.: L. R e n u, Grammaire sanscrite, Paris, 1961, стр. 350.

¹² См.: A. T h u m b — R. H a u s c h i l d, указ. соч., стр. 35; M. M a u r h o f e r, Handbuch des Pāli, I, Heidelberg, 1951, стр. 83.

¹³ См. MSLP, IX, 1896, стр. 365.

¹⁴ L. R e n u, Grammaire de la langue védique, стр. 225.

удовлетворительным является объяснение Е. Куриловича, который полагает, что причину данной инновации следует усматривать в структурном выявлении различия между муж. и жен. родом у субстантивированных прилагательных¹⁵. Спорность данной гипотезы заключается в том, что в Ригведе форматив *-āsas* встречается не только у существительных муж. рода, но и жен. рода. Даже в том случае, если принять, что форматив *-āsas* в жен. род проник из муж. рода¹⁶, остается несомненным, что в данном случае в *-āsas* противопоставление по роду не было релевантной чертой.

б) Тематические основы характеризуются уже в древнейших ведических памятниках проникновением в них парадигматических форм местоименного склонения. Данный процесс, в орбиту которого были вовлечены и другие основы, охватил древне- и среднеиндийские языки, но в ведическом, в отличие от санскрита, его действие в *o*-основах было более мощным. Ср. в твор. падеже мн. числа *priyāis* и *priyebhis*, где *-ebhis* из местоименного склонения (ср. указательное местоимение *tebhis*). В санскрите представлен лишь форматив *-ais* (лишь в памятниках ведической традиции иногда встречается *-ebhis*, например *manuṣyebhiḥ* «человек» (Kaṭh U. II. 4. 8 в цитате)¹⁷. В твор. падеже ед. числа в ведическом представлен форматив *-ā*¹⁸ и *-enā*. В санскрите представлен лишь форматив *-ena*. Следует и в данном случае обратить внимание на то, что форматив *-ebhis* в тематических основах, кроме ведического, встречается и в иранских языках, в пали¹⁹ и в пракритах²⁰.

в) Отдельные парадигматические формы в разных классах основ в ведическом следует рассматривать как ведические инновации, хотя в отдельных случаях анализ затрудняется тем обстоятельством, что эти формы подчас засвидетельствованы как ἀκαῖ λέγόμενα, в связи с чем не всегда можно решить, идет ли речь об инновации в именной парадигматике или данные образования следует рассматривать как Augenblicksbildungen одного из ведических компиляторов или, наконец, как образования, продиктованные стиливыми или метрическими задачами. Можно отметить следующие случаи: *gauṣ* «корова, бык», род. падеж мн. числа, в Ригведе представлено двумя вариантами: *gāvām* (также в санскрите) и *gōnām*. Последняя форма, как отмечается исследователями²¹, встречается реже, чем первая, при этом, как правило, в конце стопы. Позднейшее происхождение формы *gōnām* не подлежит сомнению, поскольку форматив *-nām* первоначально из *n*-основ распространяется и на дифтонгические основы (ср., в санскрите в род. падеже мн. числа в дифтонгических основах: *gāvām*, *nāvām* «корабль». *gāyām* «богатство»). От корневого образования *ṛt* «битва» локатив мн. числа *ṛtsu*, но в I маңдале Ригведы встречается ἀκαῖ λέγόμενον *ṛtsusu*, что является любопытным примером позднейшего образования на основе морфологического опрощения; ср. *asmākam brāhmōtāyē vā ṛtsūṣu kāsū cit* (I, 129, 4).

¹⁵ J. Kuryłowicz, Le pluriel masculin ind. *devāsaḥ* = avest. *daēvīhō*, «Comptes-rendus de la Société des Sciences et des lettres de Wrocław», III (année 1948), 1951 (русс. перевод: Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962, стр. 218—224).

¹⁶ L. Renou, Grammaire de la langue védique, стр. 219, примеч. 3.

¹⁷ L. Renou, Grammaire sanscrite, стр. 350.

¹⁸ Частотность *-ā* весьма ограничена; ср.: A. Macdonell, A Vedic grammar for students, стр. 77; Ch. Hauri, Zur Vorgeschichte des Ausgangs *-ena* des Insir. Sg. der *a*-Stämme des Altindischen, Göttingen, 1963.

¹⁹ M. Mayrhofer, указ. соч., стр. 84.

²⁰ R. Pischel, Grammatik der Prakrit-Sprachen, Strassburg, 1900, § 363; J. Bloch, указ. соч., стр. 121.

²¹ L. Renou, Grammaire de la langue védique, стр. 211, A. Macdonell, A Vedic grammar for students, стр. 93.

Вместо формы им.-вин. падежа двойств. числа *mātā-pitārau* «родители» в Ригведе встречается форма *mātārā-pitārau*; ср. *nā yāsya sōtur jānitorāṅvāri nā mātārā-pitārā nā cid iṣṭau* (IV, 6, 7); Панини подчеркивает северное происхождение ведической формы²². Рассматривая соотношение ведической и санскритской форм, Я. Вакернагель указывает на то, что «*mātārā-pitārau* является дальнейшим ценным свидетельством того, что классический санскрит в отдельных случаях мог быть архаичнее Ригведы»²³. Ряд инноваций обнаруживает в ведическом дифтонгическая основа *rayi-* «богатство». В род. падеже мн. числа один раз встречается форматив *-ām*: ср. *sā sunve yó vāsūnām yó rāyām ya ilānām sōto yaḥ suksitīnām* (IX, 108, 13). Во всех прочих случаях в разных мандалах Ригведы 41 раз встречается форма *rayīnām* с формативом *-nām* позднейшего происхождения²⁴. В санскрите сохраняется исконный форматив *-ām*. В X мандале Ригведы, т. е. в позднейшей книге гимнов, обнаруживающей переходное состояние от ранневедического к поздневедическому²⁵, в вин. падеже ед. числа представлена форма *rām*: ср. *sācanta yād uśāsaḥ sūryeṇa citrām asya ketāvo rām avindan* (X, 111, 7); в санскрите представлена форма *rāyam*²⁶. В той же X мандале в твор. падеже ед. числа один раз засвидетельствована форма *rayīna* (по аналогии с *i*-основами: *agnīna*); в санскрите представлена форма *rāyā*²⁷. В Самаведе в вин. падеже мн. числа один раз засвидетельствована форма *rās*²⁸, являющаяся несомненной инновацией; ср. *adhah rāḥ* (Sv. I, 323^a). В дифтонгической основе *dyau-* «небо» в род. падеже ед. числа в ведическом наряду с обычной формой *divās* 6 раз засвидетельствована форма *dyōḥ* (в I, IV, VI и X мандале), являющаяся инновацией²⁹, возникшей, очевидно, под влиянием соответствующих форм *u*-основ, так же как и форма род. падежа ед. числа *gōs* от основы *gau-*. Ср. *manyōs* (от *manu-*) → *gōs* → *dyōs*. Ряд инноваций обнаруживает в ведическом парадигма *pānthā-* «путь». В им. падеже ед. и мн. числа в ведическом представлена форма *pānthās*. Тенденция к дифференциации форм ед. и мн. числа привела к появлению новой формы им. падежа мн. числа *pānthāsas*, засвидетельствованной в I мандале; ср. *divō nā yāsya rētasō dūghānāḥ pānthāsō yānti śāvasāpārītāḥ* (I, 100, 3). Быть может, эта форма явилась одним из стимулов, наряду с вышеуказанными причинами, для распространения формата *-āsas* в определенный период развития ведического наречия? В поздневедическом засвидетельствована также форма им. падежа мн. числа *panthayas*³⁰,

²² Панини (VI, 3, 32) указывает на то, что форма *mātārā-pitārau* вместо санскритской *mātāpitārau* встречается у жителей Северной Индии. Следует иметь в виду, что древнеиндийская грамматическая традиция, начиная с Панини, рассматривала Северную Индию как область распространения образцового языка.

²³ J. Wackernagel, *Indoiranisches. 9. Zur Endung des Nom. Akk. Dualis*, в его сб. «Kleine Schriften», I, Göttingen, [1953], стр. 328—329.

²⁴ J. Wackernagel — A. Debrunner, *Altindische Grammatik*, III, Göttingen, 1930, стр. 215.

²⁵ J. Wackernagel, *Altindische Grammatik, Introduction générale* par L. Renou, стр. 4; H. Oldenberg, *Die Hymnen des Rgveda. I — Metrische und textgeschichtliche Prolegomena*, Berlin, 1888, стр. 268.

²⁶ W. Whitney, *Sanskrit grammar*, стр. 130.

²⁷ О парадигме *rayi-* см.: J. Wackernagel — A. Debrunner, *Altindische Grammatik*, III, стр. 214—217; Ch. Lanman, указ. соч., стр. 431; F. B. J. Kuiper, *Notes on Vedic noun-inflection*, Amsterdam, 1942, стр. 67—68; O. Szemerényi, *Latin *res* and the Indo-European long-diphthong stem nouns*, «Zeitschr. für vergleichende Sprachforschung», 73, 3/4, 1956, стр. 167—174.

²⁸ J. Wackernagel — A. Debrunner, указ. соч., стр. 215.

²⁹ L. Renou, *Grammaire de la langue védique*, стр. 211—212; J. Wackernagel — A. Debrunner, указ. соч., стр. 219; F. B. J. Kuiper, указ. соч., стр. 38.

³⁰ L. Renou, *Grammaire de la langue védique*, стр. 207; J. Wackernagel — A. Debrunner, *Altindische Grammatik*, III, стр. 307—309; Th. Burrow, *The Sanskrit language*, стр. 228.

извлеченная из основы *pathi-*, откуда по аналогии с *i*-основами (ср. *agná-yas*) и данная форма. Из той же основы *pathi-* была извлечена форма род. падежа мн. числа *pathīnām*³¹.

В *r/n*-основе *āhar* «день» в ведическом, особенно в более поздних памятниках, наблюдается в отдельных звеньях парадигмы взаимодействие с *s*-основами³². Так, в твор. падеже мн. числа 9 раз засвидетельствована форма *āhabhis*, но в I и X мандалах Ригведы представлены формы *s*-основ; ср. *divodāsēbhir indra stāvāno vāvṛidhīthā āhobhir iva dyauh* (I, 130, 10); *āhobhir adbhīr aktūbhir vyāktam yamó dadāty avasānam asmai* (X, 14, 9). В заключение необходимо указать на то, что одной из первоочередных задач индологии, а также индоевропейского сравнительного языкознания является создание ряда монографий, посвященных детальному анализу языка ранне- и поздневедических памятников, истории ведического наречия, что позволит по-новому поставить вопрос о размахе и удельном весе ведических инноваций и о соотношении ведического диалекта и санскрита. Но уже вышеприведенный материал, при всей его недостаточности и фрагментарности и подчас разноплановой хронологической соотнесенности, позволяет хотя бы в виде предварительного наброска поставить вопрос о типологии именного склонения в ведическом и в санскрите.

3. В е д и ч е с к и й и с а н с к р и т. В том случае, если бы санскрит в его различных формах по сравнению с ведическим обнаруживал в именной парадигматике одни лишь новообразования или консервацию отдельных архаических явлений в архаизирующих жанрах литературы, можно было бы безусловно согласиться с общераспространенной точкой зрения, согласно которой санскрит является дальнейшим и при этом прямым этапом развития ведического наречия. Указывая на то, что с первого взгляда может показаться, что санскрит не имеет своего определенного места в лингвистической эволюции индо-арийских языков и что от ранне- и поздневедического можно непосредственно перейти к среднеиндийским языкам, особенно к пали, разделяющим с ведическим ряд морфологических, метрических и стилистических особенностей, Л. Рену считает все же возможным полагать, что от поздневедического к классическому санскриту ведет единая и непрерывная линия³³. Л. Рену отвергает точку зрения, согласно которой ведический и санскрит могут иметь разную диалектную основу, исходя из того, что санскрит отличается от ведического лишь негативными чертами и что исследователи давали преувеличенную оценку глобальным соответствиям между ведическим и среднеиндийскими языками. И все же эта точка зрения не может не вызвать известных возражений.

Следует прежде всего оговорить, что Л. Рену сознательно подчеркивает непрерывную линию развития от поздневедического до классического санскрита. Не подлежит сомнению, что ранневедическое состояние (отраженное в Ригведе) существенно отлично от классического и эпического санскрита. Так, можно указать на следующие отличительные признаки: а) существенные различия в акцентной системе между ведическим и санскритом; б) некоторые структурные различия в фонологической системе, особенно в распределении *r/l*; в) весьма выпукло проступающая в санскрите тенденция к перевесу пассивных и именных конструкций в глагольной системе; г) находящаяся в связи с этим тенденция к разрастанию сложных слов, могущих выступать как субституты фразовых отрезков и

³¹ J. Wackernagel, *Indoiranica I. pānthāh* «Weg», в его сб. «Kleine Schriften», I, стр. 336.

³² J. Wackernagel — A. Debrunner, *Altindische Grammatik*, III, стр. 310—311; L. Renou, *Grammaire de la langue védique*, стр. 227.

³³ L. Renou, *Histoire de la langue sanskrite*, стр. 83—84.

даже целых предложений; д) существенные преобразования глагольного строя (видо-временная система, основы презенса, основы аориста, система наклонений, функциональное перераспределение категориальностей глагола); е) наличие разветвленных герундиальных цепочек и различных абсолютных конструкций.

Не подлежит сомнению, что некоторые из вышеуказанных особенностей санскрита можно рассматривать как дальнейшее развитие тенденций, уже заложенных в ведическом; иные из этих особенностей (например, пассивные обороты) можно объяснять влиянием различных субстратов или, наконец, объяснять их как следствие эволюции, охватившей многие индоевропейские языки и протекавшей в них параллельно, но независимо. Но в то же время можно определенно утверждать, что т и п о л о г и ч е с к и ведический и санскрит различны и что все особенности санскрита не выводимы непосредственно из ведического. В этом плане представляется вполне закономерной постановка вопроса о том, что отличия санскрита от ведического следует объяснять не только их различной хронологической соотношенностью, но и их иной диалектной основой. Если встать на эту точку зрения, то становится понятным и объяснимым, почему в отдельных парадигматических звеньях санскрит обнаруживает более архаичское состояние, чем ведический. Нельзя согласиться с М. Лойманом, который не склонен придавать какое-либо значение тому, что ведический и санскрит могут восходить к разным диалектным основам по той причине, что литературные языки, которыми являлись ведический и санскрит, обладали наддиалектным характером³⁴. Ведь наддиалектный характер двух и более литературных языков вовсе не означает невозможности или бесполезности постановки вопроса об определении первоначально различной диалектной основы для данных литературных языков. М. Лойман, так же как и Ж. Блок, склонен различия между ведическим и санскритом объяснять скорее стилистическими и метрическими, чем разнодиалектными факторами: «Классический санскрит фиксирован, застыл, грамматически однозначно нормализован и, несмотря на наличие некоторого оличества дублетных форм, представляет абсолютное единство; напротив, ведический будучи жреческо-поэтическим профессиональным и искусственным языком, представляет собой текучую форму выражения; он сохраняет известные архаизмы и одновременно открыт для всех инноваций, он неупорядочен, а в отдельных случаях благодаря метру и имеющимся образцам склонен к вычурности»³⁵.

Как уже указывалось выше, вряд ли является целесообразным весьма существенные, структурные различия между ведическим и санскритом объяснять лишь стилистическими и метрическими факторами. В то же время нельзя пройти мимо ряда прямых и косвенных источников, бросающих свет на вопрос о диалектной основе ведического и санскрита. Так, рассматривая вопрос о переходе в интервокальной позиции $\check{d} > \check{t}$ в ведическом (например, санскр. *īdā*, вед. *īḷa* «утоляющее питье»), А. Тумб и Р. Хаушильд указывают на то, что «данный переход, не представленный в санскрите, является доказательством того, что санскрит не является прямым потомком ведического»³⁶. Касаясь вопроса о *r/l* в ведическом и в санскрите, А. Тумб и Р. Хаушильд подчеркивают, что наблюдающаяся в санскрите большая частотность /l/ по сравнению с ведическим (ср. вед. *rip-* «мазать», санскр. *lip-*; вед. *prāvate*, санскр. *plāvate* «течет», вед. *rabh-*, санскр. *labh-* «хватать») должна объясняться смешением диалектов: «Древ-

³⁴ М. L e u m a n n, *Morphologische Neuerungen im altindischen Verbalsystem*, Amsterdam, 1952, стр. 6—7.

³⁵ Там же, стр. 7.

³⁶ А. T h u m b — R. H a u s c h i l d, указ. соч., стр. 282.

неиндийское наречие, на котором основывалась по крайней мере древнейшая часть Ригведы, отличалось, во всяком случае первоначально, чистым ротацизмом, подобно иранскому; наряду с ним должен был существовать один или несколько диалектов, в которых сохранилось различие индоевропейских /r/ и /l/, — уже в X мандале Ригведы чувствуется влияние этих диалектов, — а также *l*-диалекты, в которых наблюдалась тенденция к превращению исконых /r/ в /l/. Эту тенденцию можно проследить в среднеиндийских языках. Классический литературный язык является продуктом подобных перекрещивающихся влияний»³⁷. Данное объяснение является более убедительным и более отвечающим лингвистической действительности, чем объяснение Ж. Блока, согласно которому наличие /l/ в Ригведе и его малая частотность «является не столько показателем диалекта, как стиля»³⁸. Представляется, что именно здесь открывается многообещающая перспектива для постановки вопроса о контактировании одного из западных диалектов, легшего в основу ведического (именно ранневедического), и одного из северо-центральных диалектов Мадхьядеша, легшего в основу санскрита. Не исключена возможность, что диалект, положенный в основу санскрита, подвергся мощному воздействию со стороны ведического литературного языка, и в этом плане санскрит можно рассматривать как своеобразный ведизированный среднеиндийский диалект. Именно с этой точки зрения можно объяснить, что многочисленным инновациям ведического противостоят архаизмы санскрита: ведическому новообразованию *devāsās* (примеры см. во втором разделе) противостоит санскр. *devās*, вед. *devēbhis* — санскр. *devāis*, вед. *gonām* — санскр. *gavām* и т. д. А. Тумб и Р. Хаушильд с полным основанием указывают на то, что «нельзя в каждом случае утверждать, что ведический непременно должен был сохранить абсолютно древнейшее языковое состояние»³⁹. В качестве одного из примеров, где санскрит сохраняет более древнее состояние, а ведический обнаруживает инновацию, они приводят глагольное окончание 1-го лица мн. числа презенса вед. *-masi*, санскр. *-mas*; к этому теперь можно добавить материал из именного склонения (см. второй раздел). Следует указать на чрезвычайную важность исследований в этом направлении. В настоящее время можно указать на совершенно единичные примеры подобного анализа. Так, Х. Педерсен, рассматривая парадигму *vadhūs* «жена, невеста» в ведическом и в санскрите, указывает на то, что форматив род. падежа ед. числа в ведическом *-ās* (вед. *vadhūs*, *vadhvās*) и форматив *-ās* в санскрите (санскр. *vadhūs*, *vadhvās*) свидетельствуют о том, что «ясно выраженный контраст между ведическим и санскритом не может быть объяснен в данном случае хронологически; здесь, несомненно, наблюдается диалектное различие»⁴⁰. Быть может прав Ф. Кейпер, полагая, что парадигма *vadhūs*, *vadhvās* позднего происхождения и что она появилась лишь тогда, когда самостоятельная парадигма *vṛkās* распалась, слившись с парадигмой *devī*⁴¹. Но и в данном случае плодотворность поисков в этом направлении несомненна. Т. Барроу указывает на то, что засвидетельствованное в санскрите *vipula-* «щедрый, обильный», образованное от корня *vṛ* «наполнять» при сохранении фонемы /l/, и отсутствие данного образования в ранневедическом свидетельствуют о диалектном различии между ведическим и санскритом⁴². Что касается наличия значительного количества парадигматических дублетных форм в ведическом (см. об этом второй

³⁷ A. Thumb — R. Hauschild, указ. соч., стр. 240.

³⁸ J. Bloch, указ. соч., стр. 73.

³⁹ A. Thumb — R. Hauschild, указ. соч., стр. 100.

⁴⁰ H. Pedersen, La cinquième déclinaison latine, København, 1926, стр. 41.

⁴¹ F. B. J. Kuiper, указ. соч., стр. 14.

⁴² Th. Burrow, The Sanskrit language, стр. 42.

раздел), то следует указать на то, что они допускают различную интерпретацию. Многовековая устная традиция передачи гимнов Ригведы в различных школах брахманов, несомненно, способствовала созданию и консервации разных дублетных форм. В ряде случаев культивация дублетных форм была обусловлена метрическими и стилистическими условиями (примеры см. выше). Можно также полагать, что парадигматическое многообразие и своеобразная факультативность дублетных форм (ср. *viśvā jātāni*, *viśvā vāsūni*, но *viśvāni durgā*; *trī pūrṇā...* *padāni*, но *trīṇi padā*)⁴³, возможно, свидетельствует о том, что процесс парадигматизации и стабилизации именного склонения в том ареале, который условно можно обозначить как индийский, к моменту создания самых древних ведических памятников еще не был закончен. Быть может, об этом же свидетельствует интенсивный процесс втягивания в парадигматику различных внепарадигматических образований, функционирующих наряду с соответствующими парадигматическими формами, например, *-tas* (вед. *hṛttas* «от сердца», *mat̥tas* «от меня», *dakṣiṇatas* «справа»); *-tra* (вед. *asmatrā* «среди нас», *devatrā* «среди богов», *martyatrā* «среди смертных», *śayutrā* «на ложе»). Следует отметить, что в санскрите образования с *-tra* находятся скорее в области синтагматики, чем парадигматики; ср. такие образования, как *tatra vane* «в этом лесу», *sarvatra dehe* «в каждом теле», *pūrvatra janmani* «в предшествующем существовании»⁴⁴, а также некоторые другие образования, степень парадигматизации которых в ведическом и в санскрите лишь в редких случаях была разной. В связи с вопросом о различной диалектной основе ведического и санскрита заслуживают пристального внимания усилия ряда исследователей обнаружить тесные связи в е д и ч е с к о т о с рядом и р а н с к и х языков. Так, П. Тиме в своей инструктивной рецензии на книгу Т. Барроу «Санскрит» подчеркивает большую важность изучения индийско-иранских языковых контактов⁴⁵. В основном на материале лексики данный вопрос получает чрезвычайно интересное освещение в лингвистических работах Х. Бейли⁴⁶.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что имеющиеся структурные различия в именном склонении между ведическим и санскритом не могут быть сведены лишь к более ранней ведической и более поздней санскритской хронологической соотнесенности. Не менее важным оказывается рассмотрение ведической и санскритской именной парадигматики в плане ее первоначально различной диалектной принадлежности. Тем самым новой постановки требует вопрос об архаизмах и инновациях в ведическом и в санскрите, выяснение которого имеет большое значение как для индологии, так и для сравнительной грамматики индоевропейских языков.

⁴³ J. Bloch, указ. соч., стр. 122.

⁴⁴ J. Spreyer, *Vedische und Sanskritsyntax*, Strassburg, 1896, стр. 23—24; L. Renou, *Grammaire sanscrite*, стр. 158—163; A. Thumb — R. Hauschild, *Handbuch des Sanskrit*, II, стр. 180—181.

⁴⁵ P. Thieme, [Рец. на кн.:] Th. Burrow, *The Sanskrit...*, «Language», XXXI, 3 (pt. 1), 1955, стр. 431.

⁴⁶ Из многочисленных исследований Х. Бейли упомянем следующие: H. W. Bailey, *Analecta Indoscythica I*, «Journ. of the Royal Asiatic Society», October 1953, стр. 95, примеч.; е г о ж е, *Rigveda r̥p̥*, *Sogdian ptrwp̥*, сб. «Liebenthal Festschrift. Sino-Indian Studies», V, 3—4, стр. 1—2; е г о ж е, *Iranica et Vedica*, «Indo-Iranian Journal», II, 2, 1958; е г о ж е, *Rigvedica*, сб. «Hommages à Georges Dumézil» («Collection Latomus», XLV), Bruxelles (Berchem), 1960; е г о ж е, *Indagatio Indo-Iranica*, «Transactions of the Philological society», 1960, стр. 62—68; е г о ж е, *Arya IV*, «Bull. of the School of Oriental and African studies. University of London», XXIV, 1, 1963.

Я. Б. КРУПАТКИН

НАЗАЛИЗОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ
В ИСТОРИИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Когда справедливо говорят, что германские назализованные гласные находятся у грамматистов на положении пасынков¹, имеют в виду традиционные описания в духе «атомизма» младограмматиков, где \bar{a}^n , \bar{i}^n , \bar{u}^n , образовавшиеся за счет выпадения носовых перед глухими щелевыми, упоминаются обычно мельком, появляясь и исчезая одинаково неожиданно. Впрочем если большинство ученых старой школы все же были единодушны в характере самой реконструкции², то в наши дни для одной и той же эпохи предполагают, например, как подсистему из пяти назализованных³, так и полное отсутствие их⁴. Цель настоящей статьи — попытаться охватить структурным решением звуковые формы и звуковые изменения, описанные в рамках младограмматической традиции, и показать, что именно назализованные могли сыграть решающую роль в становлении древнеанглийского вокализма.

1. Долгое назализованное \bar{a}^n . Долгое назализованное \bar{a}^n должно быть реконструировано в праанглийских диалектах на месте более ранних *an*, *at* перед глухими щелевыми *h*, *f*, *s*, β , где в историческую эпоху всегда находим \bar{a} ; ср. др.-англ. *þōhte* «думал», *gōs* «гусь», *sōfte* «мягко, тихо», *ōþer* «другой»⁵. В грамматиках появление \bar{a}^n объясняется как результат компенсационного удлинения краткого *a* за счет выпадения носового согласного. Но почему оно произошло именно в данную эпоху? Почему этот как будто общегерманский процесс в разных языках осуществился в неодинаковой мере? Почему, наконец, дальнейшая судьба долгих назализованных сложилась по-разному в различных диалектах? С точки зрения исторической фонологии, выпадение согласного не могло быть случайным, а появление нового долгого гласного не проходило безотносительно к существующей системе фонем.

Действительно, образование одной (двухморовой) фонемы на месте прежних двух (одноморовых) сходно с тем процессом, который уже отме-

¹ H. Lüdtke, Der Ursprung des germanischen \bar{a} , und die Reduplikationspräterita, «Phonetica», I, 3, 1957, стр. 177.

² Ср.: F. Kluge, Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte, 2. Aufl., Strassburg, 1906, § 127; K. Luick, Historische Grammatik der englischen Sprache, Leipzig, 1914—1921, §§ 85, 86; E. Sievers — K. Brunner, Altenglische Grammatik, Halle (Saale), 1942, § 80, примеч. 1.

³ H. Lüdtke, указ. соч., стр. 178.

⁴ W. G. Moulton, Zur Geschichte des deutschen Vokalismus, PBB, LXXXIII, Tübingen, 1961, стр. 13.

⁵ Выпадение *n* перед *h* является общегерманским и считается наиболее ранним. В скандинавской области носовые выпадали также перед *s* и *f*, а «ингвеонские» диалекты провели его во всех четырех позициях. Сходные явления в позициях, кроме позиций перед *h*, засвидетельствованы и в алеманнском, однако они относятся к более поздней эпохе и не имеют непосредственной связи с интересующим нас вопросом. Ср.: В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 351—355; F. Maurer, Nordgermanen und Alemannen, 3. Aufl., Bern — München, 1952, стр. 76

чался для этой эпохи при стяжении германских «старых дифтонгов»⁶. Правда, тогда как редукция полугласных не зависела от качества последующего согласного и двухфонемные «дифтонги» типа *au*, *aw* сменились монофонемами как будто во всех германских языках, редукция носовых давала намного более пеструю картину. Однако это не меняет сути дела. В предшествующую эпоху и полугласные и носовые (вместе с плавными) входили в особую систему сонантов, так что и сочетания типа *ap*, *at* (равно как *ar*, *al*) с полным основанием можно тоже относить к германским «дифтонгам». А раз так, то не исключено, что и редукция носовых (подобно редукции полугласных) могла явиться следствием разрушения старой системы сонантов⁷, т. е. в конце концов быть связанной с просодическими изменениями, вызванными германским ударением в слове. Если общая тенденция по-разному реализовалась в отдельных языках, то причины надо искать в структурных условиях конкретных фонологических систем.

Начнем с того, что фонемы \bar{i}^n , \bar{u}^n , \bar{a}^n на месте *in*, *un*, *an*, возникшие перед *h* во всех германских языках⁸, сначала могли составлять подсистему назализованных. Такую подсистему, в частности, можно предполагать для всех западногерманских диалектов, в том числе для тех «ингвеонских» диалектов, которые составили основу древнеанглийского, и тех «неингвеонских» диалектов, которые составили основу древневерхненемецкого. Однако к эпохе первых письменных памятников назализованные гласные в обоих случаях уже совпали с долгими ротовыми, и задача фонолога состоит, по-видимому, в том, чтобы реконструировать в каждом случае процесс деназализации⁹. В зависимости от состава ротовых фонем можно предположить два основных случая: 1) система пополнилась новой фонемой \bar{e}_2 , и при этом \bar{e}_1 уже расширилось до максимально открытой ступени; 2) система еще не имеет особой фонемы \bar{e}_2 , и место максимально открытой фонемы остается свободным¹⁰.

Деназализация пары \bar{i}^n — \bar{u}^n в обоих случаях легко достигается слиянием с имевшимися в языке ротовыми \bar{i} — \bar{u} . Что же касается \bar{a}^n , то его вхождение в систему ротовых должно было протекать по-разному. В пер-

⁶ В. Т r n k a, *Fonologický vývoj germanského vokalizmu*, «*Casopis pro moderní filologii*», XXII, 1936, стр. 1; А. И. С м и р н и ц к и й, Вопросы фонологии в истории английского языка, «*Вестник МГУ*», 2, 1946, стр. 81—83; Y. K g u r a t k i n, *Germanic ai, au in Old English*, «*Philologica pragensia*», VI, 2, 1963, стр. 130—134.

⁷ W. P. L e h m a n n, *The Proto-Indo-European resonants in Germanic*, «*Language*», XXXI, 1955; Н. В r i n k m a n n, *Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit*, Jena, 1931, стр. 169. Поскольку история индоевропейских сонантов в германских диалектах еще далеко не восстановлена, речь может идти лишь о первом предположении. Конечно, судьба носовых, главных и полугласных складывалась по-разному, в зависимости от их фонетической природы и условий развития в отдельных диалектах. Но именно то обстоятельство, что в рассматриваемую эпоху все они пришли в движение и проявили такую активность, и при этом особенно ярко в общей позиции «после краткого гласного, перед согласным», делает маловероятным случайное совпадение. Впрочем мы надеемся вернуться к этой теме в другом месте (о просодических закономерностях древнеанглийского преломления перед *r*, *l* ср.: Y. K g u r a t k i n, *Old English breaking*, «*Philologica pragensia*», VII, 1, 1964, стр. 63).

⁸ Примеры см.: А. N o g e n, *Abriss der urgermanischen Lautlehre*, Strassburg, 1894, стр. 24—27.

⁹ Ж. Фурке тоже предполагает наличие такой подсистемы для праанглийского. Однако он оставляет в стороне вопрос о дальнейшей деназализации. Вот почему, объясняя появление \bar{o} на месте \bar{e}_1 перед носовыми, он вынужден отойти от фонологической точки зрения и сослаться на эволюцию, «подсказываемые опытом», на факты других языков и т. п. (J. F o u r q u e t, *La système des éléments vocaliques longs en vieil-anglais*, сб. «*Mélanges de linguistique et de philologie. Fernand Mossé in memoriam*», Paris, 1959, стр. 158).

¹⁰ Хотя о происхождении \bar{e}_2 высказываются разные мнения, против цепочки $\bar{e}_2 \rightarrow \bar{e}_1 \rightarrow \bar{a}$ возражений как будто бы нет (ср.: J. K u r y ł o w i c z, *The Germanic vowel system*, «*Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego*», XI, 1952, стр. 51; Н. L ü d t k e, указ. соч., стр. 162).

вом случае между \bar{a}^n и \bar{e}_1 устанавливалось (изолированное) противопоставление по назальности, при котором носовые аллофоны \bar{e}_1 могли перейти к фонеме \bar{a}^n , укрепляя ее положение в системе. Во втором случае назализованное \bar{a}^n занимало место максимально открытой фонемы посредством простой утраты назальности. Не трудно заметить, что первый случай соответствует праанглийскому развитию: именно здесь (а также в прафризском) рефлекс \bar{a}^n совпал с носовыми аллофонами \bar{e}_1 — в форме исторического \bar{o} ¹¹. Второй случай, наоборот, соответствует пранемецкому развитию: позиция перед носовыми здесь никогда не выделялась, и деназализованные рефлекс \bar{a}^n регулярно сливались¹² с \bar{e}_1 ¹³. Предлагаемая реконструкция, возможно, объяснит также, почему в «ингвеонской» зоне выпадение носовых перед щелевыми осуществилось во всех четырех позициях: дело в том, что сохранение в системе долгих назализованной фонемы, возникшей перед h , могло сделать ее «точкой притяжения» для фонологизации \bar{a}^n и перед остальными щелевыми¹⁴.

¹¹ Древнесаксонские формы не столь однозначны; наряду с \bar{o} , на месте an , am перед щелевыми здесь встречается также \bar{a} ; см.: В. М. Жирмунский и др., указ. соч., стр. 354; J. G a l l é e, *Altsächsische Grammatik*, 2. Aufl., Halle — Leiden, 1910, § 51. Сравнительно редко встречаются здесь \bar{o} на месте \bar{e}_1 перед носовыми (ср.: J. G a l l é e, указ. соч., § 81, примеч. 2), что объясняется, по-видимому, последующим влиянием франкского и алеманнского диалектов.

¹² Такое слияние могло облегчаться и незначительной функциональной нагрузкой оппозиции $\bar{e}_1 - \bar{a}$ ($< \bar{a}^n$). Переход $\bar{a} > \bar{o}$, засвидетельствованный во многих новонемецких диалектах и проникший в литературный язык (например, в словах *ohne* $<$ ср.-в.-нем. *âne* «без», *Monat* $<$ ср.-в.-нем. *mānet* «месяц» и др.), не имеет как будто ничего общего с рассматриваемыми здесь закономерностями развития древнегерманских диалектов. По свидетельству В. М. Жирмунского («История немецкого языка», М., 1956, стр. 144), он встречается не только перед носовыми, но и в соседстве с губными и, более того, захватывает в указанных диалектах все слова с среднемецким долгим \bar{a} .

¹³ Соотнести наше структурное решение с данными об относительной хронологии изменений $anh > \bar{a}^nh$ и $\bar{e}_1 > \bar{a}$, \bar{a} мешает противоречивость последних: одни исследователи считают, что каждое из этих новшеств имело «очаг», откуда оно затем распространилось на периферию (Ф. Вреде, Э. Шварц, Г. Кун), другие допускают независимое развитие из нескольких «очагов» (О. Бремер, Р. Бур, В. Югандрес, О. Хефлер). Подробней об этом см.: В. М. Жирмунский, О племенных диалектах древних германцев, сб. «Вопросы германского языкознания», М. — Л., 1961, стр. 17—18. По-видимому, расширение \bar{e}_1 в англо-фризском ареале происходило в I — II вв. н. э., т. е. никак не позже, а скорее раньше, чем в пранемецком ареале (О. В г е т е г, *Relative Sprachchronologie*, IF, IV, 1894, стр. 18—20; К. L u i s k, указ. соч., § 95, примеч. 3; E. S c h w a g z, *Goten, Nordgermanen, Angelsachsen*, Bern — München, 1951, стр. 252). С другой стороны, если выпадение n, m перед h также должно было осуществляться независимо в разных диалектах, то сам собой отпадает тезис о его «очаге» и, значит, более ранней датировке у «ингвеонов» (ср.: Ф. М а и г е г, указ. соч., стр. 76; E. S c h w a g z, указ. соч., стр. 252). Если верно, что упоминаемый в «Анналах» Тацита (кн. XI, гл. 16, 17) хаттский военачальник носил имя *Actumerus* (ср.: M. S c h ö n f e l d, *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen*, Heidelberg, 1911, стр. 61—62) и первый элемент этого имени этимологизируется с первыми элементами др.-англ. *Ōht-here* и др.-исл. *Ōtt-arr* $<$ **Āhtu-* (ср.: A. N o g e n, указ. соч., стр. 24—27), т. е. если на территории современного Гессена в I веке н. э. выпадение носового перед h уже осуществилось, а старое \bar{e} все еще оставалось неизменным, наша схема получает важное подтверждение. Во всяком случае, ничто как будто не противоречит ей, даже если где-то на юге у квадов переход $\bar{e} > \bar{a}$ был более ранним (ср.: M. G u y s e l i n g, *Proeve van een Oudnederlandse grammatica*, I, «*Studia germanica gandensia*», 3, Gent, 1961, стр. 30): в последующую эпоху мы уже вправе считать с победой одной диалектной нормы над другой.

¹⁴ Первоначальное предположение о том, что качественные различия между немецким и англо-фризским были обусловлены различиями количественными (числом позиций, где выпадали носовые), надо теперь уточнить: скорее эти количественные различия сами были обусловлены качественными (структурными) различиями немецкой и англо-фризской фонологических систем. Ср.: Я. Б. К р у п а т к и н, Была ли англо-фризская палатализация краткого a «спонтанным» изменением?, ФН, 1962, 1, стр. 198, а также Н. L ü d t k e, указ. соч., стр. 176.

В пользу фонологической самостоятельности англо-фризского назализованного \bar{a}^n говорит расширение древнеанглийского и древнефризского рунического рядов с 24 до 28 знаков, где замена прежнего знака для *a* знаком для *o* интерпретируется как свидетельство назализации и компенсационного удлинения¹⁵. Однако еще более убедительной представляется внутренняя (причинная) реконструкция, согласно которой носовые аллофоны \bar{e}_1 (в историческую эпоху также совпавшие с рефлексом герм. \bar{o}) могли отщепиться лишь в том случае, если в системе имелась некая единица, противопоставленная фонеме \bar{e}_1 по признаку назальности. Именно такой единицей и должно было быть \bar{a}^n (<*anh*). С установлением (изолированной) оппозиции по назальности у наиболее открытых фонем, носовые аллофоны \bar{e}_1 перешли к \bar{a}^n , в котором с этого момента совпали рефлексы корневых гласных герм. *mēnō* «луна, месяц» и герм. **řanhton* «(я) думал», **gans* «гусь», **samfti* «мягко, тихо», **anřaraz* «другой».

Хотя фонологизация \bar{a}^n во всех четырех позициях и переход к нему носовых аллофонов герм. \bar{e}_1 способствовали упрочению оппозиции по назальности, все же последняя не могла быть достаточно устойчивой, поскольку оставалась изолированной в системе. В этих условиях отдельные случаи образования долгого гласного на месте герм. *ai* могли быть использованы для заполнения пустующего места максимально открытой ротовой фонемы в ряду с \bar{o} , \bar{u} ¹⁶. Однако с закреплением такого \bar{a} (<*ai*) создавалась совершенно новая ситуация для назализованных: \bar{e}_1 и \bar{a} стали противопоставляться сначала как переднеязычная заднеязычной, а затем и как неогубленная огубленной (с переходом лабиовелярных аллофонов \bar{e}_1 к новому \bar{a} ; ср. корневые гласные в др.-англ. *māgas* «родственники», *sāwon* «они видели»¹⁷), в то время как \bar{a}^n оказалось изолированным, чем заметно облегчалось его слияние с одной из ротовых фонем. Именно полная изолированность \bar{a}^n помогает понять его слияние с \bar{o} — пункт, который вызывал до сих пор особые затруднения и для объяснения которого постулировали зап.-герм. \bar{a} (< \bar{e}_1)¹⁸ или же прибегали к сомнительной «общей фонетической тенденции»¹⁹. Между тем историческая фонология вносит в понимание вопроса значительное упрощение. Дело в том, что в структурном плане назализованное \bar{a}^n (<*anh* и др.; \bar{e}_1) могло одинаково легко совпасть как с \bar{a} , так и с \bar{o} , поскольку для единственного назализованного степень раствора как признак вообще не существует²⁰. Однако в функциональном плане возможности были не столь равными, так как слияние с \bar{a} (<*ai*, \bar{e}_1) вело к образованию омонимических пар, что видно из др.-англ. *fōn* «ловить» — *fān* «враги»; *ōht* «преследование» — *āht* «нечто ценное»; *wōh* «заслуживающий порицания» — *wāh* «стена»; *řō* «глина» — *řā* «эти, те».

¹⁵ T. von Grienberg, Die angelsächsischen Runenreihen und die s. g. Hrabanischen Alphabete, «Arkiv för nordisk filologi», XV, 1898, стр. 20; H. Arntz, Handbuch der Runenkunde, 2. Aufl., Halle (Saale), 1944, стр. 120, 122; P. Sipma, Eat oer Fryske runen, «Fryske studzjes oanbean oan prof. dr. J. H. Brouwer», Assen, 1960, стр. 74.

¹⁶ Y. Krupatkin, Germanic *ai*, *au* in Old English, стр. 132.

¹⁷ H. Penzl, Zur Vorgeschichte von westsächsisch \bar{a} und zur Methode des Rekonstruierens, сб. «Wiener Beiträge zur englischen Philologie», LXVI, 1958, стр. 165.

¹⁸ E. Sievers — K. Brunner, указ. соч., §§ 45.6; 62, примеч. 1; W. Streitberg, Urgermanische Grammatik, Heidelberg, 1896, § 76; K. L u i c k, указ. соч., § 109; E. S c h w a r z, указ. соч., стр. 189—190.

¹⁹ H. L ü d t k e, указ. соч., стр. 178—179; ср. L. W o l f f, Die Stellung des Altsächsischen, «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», LXXI, 1934, стр. 143.

²⁰ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 139.

2. Краткое назализованное a^n . Несколько иначе обстоит дело с кратким назализованным a^n на месте герм. a перед носовым, т. е. там, где в ранних рукописях встречаются рядом то a , то o иногда с перевесом в ту или иную сторону; ср. др.-англ. *land, lond* «земля», *man, mon* «мужчина», *nama, nota* «имя» и т. п.²¹. До настоящего времени этот гласный не получил убедительной реконструкции, его самостоятельность и назализованное качество обычно не признавались. По результатам i -умлаута А. Погачер²² и О. Бремер²³ относили «потускнение» a только к VII в., но этому как будто противоречит засвидетельствованное у Птолема (II в.) племенное название амбронов, в котором Э. Шварц²⁴ видит указание на более ранний переход $a > o$. В поисках объяснения он ссылается на К. Лушка, который полагал, что степень «потускнения» сначала была незначительной и стала возрастать к VII в., хотя в эпоху i -умлаута здесь было еще не o , а только открытое o ²⁵. С фонологической точки зрения не ясны ни сам признак «потускнения» (*Verdunpfung*), ни роль его постепенного (комбинаторного?) усиления. Между тем высказывалось и другое мнение: в древнеанглийском языке герм. a перед носовым назализовалось, и эта назализация имеет известную параллель в развитии долгих²⁶. Наиболее четко об этом пишет А. Кэмпбелл: «Одновременно с древнеанглийским и древнефризским развитием \bar{a}^n из герм. \bar{a}_1 перед носовыми согласными имело место развитие герм. a в a^n в той же позиции»²⁷.

Поскольку деназализация осуществлялась здесь не так, как в случае долгого, то и o бывшей самостоятельности a^n должны говорить факты многого порядка. Такие факты имеются. Например, результат i -умлаута от герм. a перед носовыми был не похож на результат умлаута от герм. a в других позициях, так что есть основания считаться здесь с самостоятельной единицей (около 700 г.)²⁸. Далее, если в поздних заимствованиях латинское a перед носовыми изображается только через a , например *canceler, plant, canon*, то в ранних заимствованиях (относящихся к эпохе, для которой существование долгого назализованного \bar{a}^n общепризнано) рядом с a находим o , например *candel, condel* (о написаниях a/o см. стр. 108). Ниже мы попытаемся показать, что в праанглийском (или шире — в «ингвеонском»²⁹) автономная единица, о которой здесь идет речь, могла быть именно назализованной фонемой, для чего реконструируем историю ее возникновения и исчезновения в языке.

По-видимому, на начальном этапе развития «ингвеонских» диалектов все виды германского a перед носовыми согласными реализовались через носовые аллофоны³⁰. Фонологизация назальности на месте an перед h

²¹ См.: E. Sievers — K. Brunner, указ. соч., § 79, примеч. 1, где отмечается, что в Эрфуртских и Лейденских глоссах, а также в древнейших нортумбрийских текстах обе формы встречаются одинаково часто, тогда как в Эпинальских глоссах в большинстве случаев встречается a , в Корпус-глоссах — чаще o .

²² A. Pogatscher, *Zur Lautlehre der griechischen, lateinischen und romanischen Lehnwörter im Altenglischen*, Strassburg, 1888, стр. 109.

²³ O. Bremer, указ. соч., стр. 17.

²⁴ E. Schwarz, указ. соч., стр. 190—191.

²⁵ K. Luick, указ. соч., § 140.

²⁶ R. Girvan, *Angelsaksisch handbok*, Haarlem, 1931, §§ 49, 50; Э. Прокош, *Сравнительная грамматика германских языков*, М., 1954, стр. 111.

²⁷ A. Campbell, *Old English grammar*, Oxford, 1959, § 130.

²⁸ Sh. M. Kuhn, *On the syllabic phonemes of Old English*, «Language», XXXVII, 1961, стр. 527.

²⁹ Формы с o на месте герм. a перед носовыми победили в восточнофризской и северофризской областях, тогда как на западе обычной формой в эпоху памятников является уже a (К. Бруннер, *История английского языка*, I, М., 1955, стр. 73). В древнесаксонском формы с o также не редки (см.: J. Gallée, указ. соч., § 53).

³⁰ Только Э. Антонсен не выделяет таких аллофонов, ср. E. H. Antonsen, *Germanic umlaut anew*, «Language», XXXVII, 1961, стр. 225.

(при возникновении подсистемы из трех долгих назализованных \bar{a}^n , \bar{i}^n , \bar{u}^n) сначала не отразилась на статусе герм. *a* перед носовыми в других позициях. Положение должно было измениться, однако, когда эта подсистема разрушилась и когда с переходом носовых аллофонов герм. \bar{e}_1 к \bar{a}^n ($\langle an + \bar{h} \rangle$) изолированная оппозиция по назальности закрепились у наиболее открытых долгих. Именно тогда, вслед за расщеплением \bar{e}_1 по признаку назальности, могло аналогичным образом расщепиться и *a*, поскольку в условиях универсального противопоставления гласных по количеству появление оппозиции по назальности у наиболее открытых долгих должно было способствовать возникновению сходной оппозиции и у кратких. Сходное расщепление одной фонемы на две под действием сил структурного порядка (с сохранением прежних комбинаторных условий) было вскрыто Е. Куриловичем³¹ в западногерманском развитии *o*, *u* $\langle *i \rangle$. Чисто структурными условиями объясняет П. Трост³² возникновение фонологического различия и в случае немецких *x/c*. Правда, в том случае, который описан у Е. Куриловича, вслед за «косвенной» наступила со временем и «непосредственная» фонологизация (исчезли первоначальные комбинаторные условия), тогда как в нашем случае отличие неназализованного *a* от a^n всегда оставалось опосредствованным сходной ситуацией у долгих³³. Тем не менее, внутренняя реконструкция (охватывающая широкий круг взаимосвязанных изменений) дает основание полагать, что в праанглийских (или даже в целом в «ингвеонских») диалектах, наряду с долгим \bar{a}^n , существовало еще и краткое назализованное a^n , автономность которого, впрочем, никогда не была полной.

Когда с появлением \bar{a} ($\langle ai, \bar{e}_1 \rangle$) у наиболее открытых долгих гласных возникла оппозиция по тембру и эта оппозиция распространилась затем на краткие (с обособлением заднеязычных аллофонов герм. *a* в фонему *a* и всех прочих — в фонему \bar{a})³⁴, назализованное a^n оказалось изолированным. То обстоятельство, что при последующей деназализации в одних диалектах осуществилось слияние с *o*, а в других — с *a*, позволяет предполагать борьбу между собой некоторых функционально-структурных факторов, действовавших в обоих направлениях. И действительно, в каждом из диалектов развитие к *o* могло направляться аналогией с развитием $\bar{a}^n > \bar{o}$ (см. выше). Поскольку, однако, фонологическая самостоятельность a^n никогда не была столь же полной, как в случае \bar{a}^n , оно, оказавшись изолированным, не могло быть и столь свободным в отношении степени раствора (см. выше), что фактически способствовало его слиянию с *a*. Если в IX — X вв. формы с *o* победили на какое-то время в английских диалектах, а формы с *a* в диалектах саксов³⁵, это может означать, что, кроме названных факторов, общих для всех диалектов, надо еще учитывать в каждом случае и какие-то особые условия. Сопоставляя распределение *a* в уэссекском, с одной стороны, и в мерсийском и нортумбрийском, с другой, можно заметить, что в последних двух эта фонема встречалась чаще: здесь

³¹ J. Kuryłowicz, указ. соч., стр. 52—54.

³² P. Tröst, Systemic support for the *x/c* distinction in German, «Word», XIV, 1958, стр. 246.

³³ Разумеется, в подобных случаях бесполезно искать минимальные пары. Кстати, их значение в качестве неременного критерия фонологической оппозиции справедливо подвергается сомнению; см.: Л. Р. Зиндер, О минимальных парах, «Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии (тезисы докладов)», М., 1963, стр. 28—29.

³⁴ Я. Б. Крупаткин, К истории древнеанглийской системы гласных, ВЯ, 1962, 6.

³⁵ R. Jordan, Handbuch der mittelenglischen Grammatik, Heidelberg, 1925, § 30. В дальнейшем, при переходе к среднеанглийскому, область формы с *o* перед носовым сузилась до западноцентрального диалекта.

не было «преломления» перед *l* плюс согласный, а в нортумбрийском также перед *r* плюс согласный. Поэтому сравнительно меньшая функциональная нагрузка фонемы *a* могла облегчать слияние с ней *aⁿ* в уэссекском, в то время как у англов сравнительно большая нагрузка фонемы *a* могла затруднять подобное слияние.

Если сказанное верно, то, возможно, удастся объяснить и чередующиеся написания *a/o* в ранних рукописях. Видимо, в них тоже отражены прежние связи между *aⁿ* и *āⁿ*: поскольку слияние *āⁿ* с *ō* означало смену назальности огубленностью, эта смена могла ошибочно переноситься писцами и на деназализованный рефлекс доисторического *aⁿ*. В этом случае написания *a/o* были бы еще одним косвенным свидетельством в пользу реконструкции автономного *aⁿ*.

*

Появление назализованных гласных фонем явилось узловым пунктом в формировании древнеанглийского вокализма. Именно расщепление герм. *ē₁* и *a* по признаку отсутствия — наличия назальности, а не по тембровому признаку³⁶, явилось тем первым звеном, за которым потянулась вся цепочка изменений, обусловивших специфику древнеанглийского, древнефризского, а также первых этапов древнесаксонского развития гласных. При этом развитие кратких следовало за развитием долгих, поскольку у долгих был собственный источник распределения по назальности — *āⁿ* и др.

Если это так, то основы будущего «севморгерманского» (Nordseegermanisch) в области вокализма были заложены еще на континенте³⁷, что противоречит гипотезе Г. Куна о «западном» происхождении этой языковой общности — после переселения англосаксов на остров Британию³⁸. Закономерности внутреннего развития «ингвеонских» диалектов, а не перенос отдельных новшеств через море — вот источник важнейших «севморгерманских» особенностей. Не исключено, что некое рако возникшее в одном районе новшество могло распространиться на другие районы, но это оказывалось возможным только благодаря «готовности системы» воспринять такое новшество³⁹. Переселение на остров должно было также нарушать «баланс тенденций» — как у переселившихся, так и у оставшихся на старой родине племен. Однако обычно эти противоречия должны были разрешаться каждым диалектом самостоятельно⁴⁰.

³⁶ Ср.: E. Sievers—K. Вгиппер, указ. соч., § 46; К. Бруннер, указ. соч., стр. 73.

³⁷ E. Schwargz, Germanische Sprachgeschichte und Sprachgeographie, «Zeitschrift für Mundartforschung», XXI, 1953, стр. 137, 143.

³⁸ H. Kuhn, Zur Gliederung der germanischen Sprachen, «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», LXXXVI, 1955, стр. 38; ср.: Я. Б. Крупаткин, Новое о происхождении фризского языка, ВЯ, 1961, 4, стр. 127.

³⁹ Ср.: В. М. Жирмунский, Сравнительная грамматика и новое учение о языке, ИАН ОЛЯ, 1940, 3, стр. 38 и 46; е го же, О племенных диалектах древних германцев, стр. 17—18. Сходную ситуацию обнаруживают и при проникновении иноязычных элементов в систему языка; см.: J. Vachek, On the interplay of external and internal factors in the development of language, «Lingua», XI, Amsterdam, 1962, стр. 434.

⁴⁰ Автор искренне благодарен М. И. Стеблин-Каменскому, В. М. Жирмунскому и Э. А. Макаеву, с которыми он имел возможность обсуждать вопросы, затронутые в настоящей статье. В частности, именно М. И. Стеблин-Каменский обратил внимание автора на то, что дело не в выделении *l*, *m*, а в приобретении гласным носового признака, и предложил поставить вопрос по-новому: не связано ли появление назализованных фонем с определенными структурными условиями? Важные уточнения были внесены после обсуждения этих вопросов на третьем семинаре по исторической фонологии германских языков. В разное время автор советовался также с проф. В. Трыкой из Карлова университета в Праге и И. А. Мельчуком из Института языковедения АН СССР, которым он выражает свою глубокую признательность.

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. А. ШАХМАТОВ

ДИФТОНГИ *yo* И *te* В ВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРАХ *

Глава IV. Экспираторное и музыкальное ударения на кратких гласных в общеславянском и общерусском праязыке

Едва ли возможно сомневаться, что некогда в общеславянском праязыке на исконно кратких гласных *o*, *e*, *i*, *y* был известен только один вид ударения, между тем как на долгих гласных благодаря исконному различию в самой долготе являлось два вида ударения (на музыкальной долготе ¹ являлось нисходящее ударение, напр. общеслав. *gōrdъ*, ср. сербск. и словенск. *grād*, русск. *вѣрод*, также *sādъ*, *drūgъ*, *rōko*, ср. сербск. *sād*, *drūg*, *rūku*; на экспираторной долготе ¹ являлось восходящее ударение, напр. общеслав. *kořva*, ср. сербск. *krāva* с резким ударением, словенск. *krāva*, русск. *корѡва*, также *brātъ*, *lipa*, *mōka*, ср. сербск. *brāt*, словенск. *brāt*, сербск. *lipa*, *mōka*, словенск. *lipa*, *mōka*). Звуки *i* и *y* с течением времени редуцировались и теряли ударение, сохраняя его только там, где в следующем слоге были полукраткие (редуцированные) гласные; так *bobij*, *kon'ij* перешли в *bobъ*, *kon'ъ* ²; но в *tstъ* на первом *ъ* сохранилось ударение. Оставляю в стороне ударения на *ъ*, *ь* и ограничиваюсь рассмотрением ударений на *o*, *e*.

Как увидим ниже, первоначальная природа ударений на звуках *o*, *e* сохранилась без изменений в общеславянском праязыке только на начальном слоге слова. Ряд данных свидетельствует о том, что исконное ударение на звуках *o*, *e* было музыкальным и притом с нисходящим характером. А именно можно обнаружить и в общеславянском праязыке и в отдельных славянских языках тесную связь между ударением на звуках *o*, *e* и ударением нисходящим на долгой гласной. Так, в общеславянском праязыке, как это видно из согласных показаний русского, сербского и словенского языков, исконный вид ударения на *o*, *e* так же как нисходящее ударение на долгой гласной не сохранялись на начальном слоге слова в положении за предлогами, а переносились на предлог. Общеслав. *na rōko*, *na druga*, *za gōrdъ* переходили в *nā rōko*, *nā druga*, *zā gōrdъ*, ср. русск. *на руку*, *на друга*, *за город*, сербск. *на рѣку*, *на дрѹга*, *за град*, словенск. (следствие позднейшего переноса нисходящего ударения, лежавшего на предлоге, на следующий слог) *na rōko*, *na druga*, *za grad*. И точно так же общеслав. *na vōdъ*, *na bōkъ*, *na slovo* перешли в *nā vōdъ*, *nā bokъ*, *nā slovo*, ср. русск. *на воду*, *на дом*, *на слово*, сербск. *на воду*, *на дѡм*, *на слово*, словенск. *na vōdo*, *na dōm*, *na slovo* ³.

* Начало статьи см. в ВЯ, 1964, 5.

¹ Термины музыкальный и экспираторный соответствуют терминам длительный и прерывистый (Фортунатов).

² Знаком *ъ* означают полукраткость.

³ Приведу еще ряд слов, переносящих ударение с начальной гласной *o*, *e* на предлог. В русском: *на поле*, *у моря*, *пѡд гору*, *за год*, *пѡд вечер*, *за ногу*, *у вѡра* (диалект.), *на пол*, *за мостом*, *на ночь*, *на бок*, *на небо*, *на печь*, *на землю*, *на корень*, *пѡд соху*, *бог на помощь* (диалект.), *на кол* (диалект., при *кѡла*, *кѡлам*), *за поле*, *пѡд землю*, *от роду*, *за носу*, *пѡд осень* (диалект.), *на сто*, *на семь*, *на восемь*, *на девять*, *на десять*, *на шесть*, *на веселе*, *заново*, *пѡ двое*, *на трое*, *на четыре*, *запросто*, *бѣз соли*, *пѡд богом*, *наскоро*, *исполу*, *пѡ всему* — древнер. *прѡ гость* (Домострой), *на ѣа* (господа) *ib.*, *во облацѣ* (Апост. 1564), *во образѣ* (*ib.*), *во островѣ* (*ib.*), *за немощѣ* (*ib.*), *за советѣ* (*ib.*), *за око* (Ев. 1606 г.), *пѡ области* (Ап. 1564) — эти примеры заимствую из труда А. С. Орлова «Домострой», I, 89—90.

В сербском: *na vōjsku*, *za rogove*, *iz peći*, *od bolesti*, *u poje*, *nēz vodu*, *u goru*, *na zemlju*, *na mōst*, *na medju*, *pred zoru*, *ispod oka*, *od kosti*, *od voska*, *iza nokta*, *od kola*, *od mora*, *od poja*, *od slova*, *od boga*, *od ledu*, *u mozgu*, *na nebo*, *za znovo*, *za zeje*, *od gozda*, *za grozde*, *na oči*, *pod oblake*, *za obruč*, *na dogovor*, *od olova*, *medu roge*, *iznova*, *na desno*, *na troje*, *za što*, *sa mnōm*, *na okolo*, *iza deset*, (см. у Павића, Мажуравића и Решетара). Белич приводит из южных и восточных говоров Сербии, где на месте

Так, во-вторых, в сербскохорватском языке ударяемые *o*, *e*, бывшие полудолгими уже в общеслав. эпоху вследствие положения перед слогом с полукраткой гласной (*ъ*, *ь*, *і*), удлиняясь в связи с выпадением или отпадеванием атих отпадеваемых атих полукратких гласных, получали долгое нисходящее ударение: *bôg, nôs, plôd, pôl, gôst, gôd, rôg, rôd, dôm, bôk, bôr, mčd, l'čd, krôv, hôd, gnôj, lôj, ôvce, vâjsku* и т. д.; то же в словенском: *zôbl, bôr, mčd, dôl, plôd, vôz, nôs, gôst, gôd, gnôj, dôm* и т. д. Отсюда ясно, что нисходящим было ударение и общеславянских слов *boğъ, nosъ, medъ* и т. д. с полудолгими *o*, *e*.

В-третьих, словенский язык переносит на следующий слог не только нисходящее ударение долгого слога таких слов, как *dâru, mrâku, mčha, listu, sinu, glâdu, grâdu, vrânu, drčvo, prâse, brâdo, rôko* и т. д., которые перешли в *darû, mrakû, mčhû* и т. д., но так же и ударение с кратких *o*, *e*, напр. в *sestrô, vodô, nogô, gorô, bogâ, medû, godû, rodû, vozâ, zvônâ, brodâ, nočî, kostî, osî, gostî, gospôd, golôb, obâd, spomîn, nemôč, večr, poust, jesen* и т. д. Ясно, что некогда на первом слоге этих слов было ударение однородное с тем, что в словах *dâru, mrâku* и т. д., т. е. нисходящее музыкальное.

Из всего предыдущего выясняется, что звуки *o*, *e* по общему правилу имели в начальном слоге музыкальное нисходящее ударение в общеславянском произношении. Обозначим его знаком $\hat{}$: *bôgъ, bôga*.

Музыкальное нисходящее ударение на долгих, полудолгих и кратких слогах в общеславянском произношении сохранялось только в начальном слоге: это видно, во-первых, из того обстоятельства, что оно переносилось на предшествующий слог, как это ясно не только из соединений слов с предшествующими предлогами (примеры приведены выше), но также из многих других случаев ⁴, во-вторых, из того, что прашто [ка]вское наречие сербскохорватского языка (восстанавливаемое путем сопоставления штокавского и чакавского наречий) не допускало нисходящих ударений ни в конце слова, ни в середине (в штокавском после перехода старых восходящих ударений в таком положении в нисходящие, ударение переносилось на предшествующий слог); равным образом чакавское наречие не знает вообще нисходящего ударения на долгом слоге ни в конце слова, ни в середине его (на кратком слоге известен только один вид ударения — резкое) ⁵. Отвечая на вопрос, что же делалось с исконным (музыкальным нисходящим) ударением на *o*, *e* не в начальном слоге, отвечаем: с серединых слогов оно вообще переносилось на начальный слог. Но переносилось оно не при всех условиях с серединых слогов, а с конечных слогов вообще переноса ударения не было; во всех этих случаях *o*, *e* получили вместо нисходящего музыкального ударения восходящее экспираторное.

Итак, во-первых, нисходящее музыкальное ударение переходило в восходящее экспираторное в конце слова. Такой переход зависел от общей для всех конечных слогов потери их музыкального характера; в связи с этим стоит и сокращение конечных гласных; вместо первоначальных *bobâ, vodâ, perô* безразлично явились с одним общим ударением *bobâ, vodâ, perô* (с краткими *a*, *o*).

Во-вторых, в середине слов нисходящее ударение переносилось на предшествующий слог, по-видимому, только тогда, когда ему предшествовал краткий слог; если же ему предшествовал долгий, нисходящее музыкальное ударение переходило в восходящее экспираторное ударение. В отдельных славянских языках действие этого закона нельзя в настоящее время проследить во всей его чистоте, но на него указывают, напр. такие факты: на месте общеслав. *obôdъ, olôkъ, poklônъ* явились *obodъ, otokъ, pòklonъ* (ср. русск. *обод, сербск. otok, ôbôd*); между тем *nârôdъ, nânôdъ, zâitônъ* перешли в *nârôdъ, nânôdъ, zâitônъ* (ср. русск. *народ, штокавск. nârod, nânos, zâton, чакавск. nârôd*). И также явились *prôrbôkъ* (шток. *prôrok*), *rôrbôdъ* (чакавск. *rôrôd*), *romôstъ* (русск. *ромст*), *dôxôdъ* (русск. *дохôd*, чешск. *dôhod*), где долгота гласных в предлогах первоначально, а возникшая под влиянием других предлогов. Понятно, что обратно долгие гласные предлогов заменялись краткими под влиянием других предлогов; отсюда, напр. чакавск. *naikъ, штокавск. prîstup, prêbor*, и также с краткостью вместо ожидаемой долготы: *nôrod, prôkop* и т. п.; в словенском при род. *nâuka* род. *naika*. Равным образом напр. русск. *пôрôдa, прîрôдa* ведут к общеслав. *rôrôda, prîrôda*, а сербск. *prîgoda, prêlona, vâtoro* к общеслав. *prîgôda, prêrôna, zâitôru*. Такое же влияние форм является ударение: *ô zem, prêz noh, ú pomôh, dv večer, nâ prolet, dv jesen, ú gosti, prokâj plot, nâ nos, zâ nojas, prê zoru*. У Крижанича: *prô to, ú тебе, úa себе, prêdi tobôju, zâ sobôju, sv sto, çrês god, úa бока, zâ бога, zâ леда, úa дома, nâ воjну, nâ десно, nô prostu, nô дрôбну, zâ топла, nô мокру, nâ opak, nâ четверо, nâ десятеро* и т. д.

В словенском: *na gôro, na nêge, na zémjo, brez bôga, do dîtu, pod nêbr, sred môrja, na rôje, na dko, na dčî, do nđčî, pod kôren, çez nčmoč, pod ôblak, na řsen, na spômlad, na ôblast, na rôvest, na rôsodo, na prôdaj, iz nôva* и т. д.

⁴ Напр. сербск. *lêpotu* из *lêpôtô* ср. им. ед. *lêpotâ* (*lêpôta*), *srâmotu* при *srâmotâ*; русск. *свобороду* при *своборôdъ*; сербск. *pòklôn* из *pòklônъ, râzûm* из *orâzûmъ, pôslûh* из *pòslûhъ* и т. д.

⁵ В *korâm, korâs* имеем, конечно, последнее ударение на *â*, явившееся в результате стяжения из *ae*; в праштокавском и это новое нисх. ударение перенесено на предшествующий слог: *kôrâm*.

с долгой гласной в третьем от конца слоге на ударение форм с краткой гласной в этом слоге находим, например, в глаголах: общеслав. *berbĭte* вместо ожидаемого *bĕrbĭte* из *berbĭte* 2 л. мн. пов. под влиянием *trĕsbĭte* (из *trĕsbĭte*). Словенский язык доказывает с очевидностью, что всякое срединное ударяемое *o*, *e* имело ударение восходящее; ср. такое ударение, напр. в словенском *narŕŏda, razdŕŏra, nanŕŏsa, pohŕŏda, privŕŏza, prorŕŏka, porŕŏda, priŕŏŕna, nakŕŏŕna, dohŕŏda, obrŕŏka, jeŕŕŕna, gololŕŕda, vodorŕŏsa, senokŕŏsa*. Словенское восходящее ударение падает на *o*, *e*, которые заменили *ŏ*, *ĕ* под действием этого экспираторного ударения: оно удлиняло гласную в открытом срединном (и как увидим также начальном) слоге.

Таким образом гласные *o*, *e*, так же как и все прочие, имели в общеслав. праязыке восходящее экспираторное ударение во всех слогах, кроме начального.

Но и в начальном слоге было известно это ударение и при том не только на исконно экспираторнодогих гласных, но также и на исконно музыкальных исконно долгих и кратких гласных. Долгие гласные оставляем в стороне. Остававшимся только на кратких *o*, *e*. Восходящее экспираторное ударение в начальном слоге имело двойное происхождение: во-первых, оно являлось в результате переноса ударения с полукратких *ŏ*, *ĕ*, *ĭ* (см. выше), во-вторых, оно заменяло нисходящее музыкальное ударение при наличии известных определенных условий.

Остановимся на экспираторном восходящем ударении, явившемся в результате переноса ударения. Это имело место как в конце слова, напр. *ŕŕŕokŭ* изменилось в *ŕŕŕŏkŭ* с восходящим ударением на полудолгом *o*, так и в начальном слоге и в односложных словах; так *romŕetŕi, proŕŕŕetŕi, nasŕpetŕi* в результате редукции *ĭ* и *ŭ* переходили в *romŕŕetŕi, proŕŕietŕi, nasŕpetŕi*, ср. Древнерусск. *пѡрѣт, сербск. пѡпрѣ, прѡлијѣ, нѡспѣ*; так им. ед. ч. *bodŭ, snorŭ, volŭ, noŕŕŕ, kon'ŕ* перешли в *bŏbŕ, snŏrŕ, vŏlŕ, nŏŕŕŕ, kŏn'ŕ* с восходящим ударением на полудолгом *o*; род. мн. *snorŭ, ŕenŭ, kozŭ, grozŭ* перешли точно так же в *snŏrŕŕ, ŕĕnŕŕ, kŏzŕŕ, grŏzŕŕ*⁶. Что в подобных словах общеслав. праязык имел действительно восходящее ударение, доказывается сербским языком, который сократил вообще полудолгие гласные под восходящим ударением: *bŏbŕ, rŏrŕ, snŏrŕ, kŏn'ŕ*, допустив однако в некоторых случаях растяжение гласной до долготы и перехода экспираторного восх. ударения в музык. восходящее под влиянием этого растяжения; ср. прашток. *dŏrŕ, nŏŕŕ* (чакавск. *dŏrŕ, nŏŕŕ*), р. мн. *gŏrŕ, ŕĕnŕ, nŏgŕ* (чакавск. *gŏrŕ, ŕĕnŕ, nŏgŕ*), в штк. ~ перешло в нисх. ударение в им. *dŏvŕŕ, nŏŕŕ*; а в род. мн. явились новообразования *gŏrŕa, ŕĕnŕa, nŏgŕa*.

Перехожу к восходящему экспираторному ударению на *o*, *e*, заменившему нисходящее музыкальное ударение. Это имело место, между прочим, в следующих четырех случаях. Во-первых, нисх. ударение на *o*, *e* заменялось восх. ударением экспираторным на удлинившихся до полудолготы *o*, *e* в третьем от конца слоге (в предпоследнем слоге в результате удлинения являлось, как мы видели, нисх. ударение на полудолгих *o*, *e*): *ŕĕnŕŕka, nŏŕŕŕka, rŏŕŕŕn'a*. Во-вторых, то же имело место в предпоследнем слоге если ему предшествовал слог с полукраткими *ŏ*, *ĕ*, на которые нисходящее ударение след. слога не могло перенестись: *mŏnŕŕgo*, из *mŭnŕŕgo*. В-третьих, такой же переход являлся перед группой согласных, в состав которых входил *j*: *nŏŕŕa, kŏŕŕa, vŏl'a* из *nŏsja, kŏzja, vŏlja*. В-четвертых, этот переход имел место в третьем слоге от ударения, когда нисходящее ударение принадлежало ему исконно, а не было перенесено с предшествующего слога: *nŏsite, hŏdite, ĕŕŕete, kŏl'ete* изменились в *nŏsite, hŏdite, ĕŕŕete, kŏl'ete*. Что во всех указанных случаях общеслав. праязык имел восходящее ударение, видно из словенского языка, имеющего в первом случае нисх. ударение не переносящееся на след. слог (между тем как первоначальное нисх. ударение подлежало такому переносу), а в остальных трех вследствие открытости этих слогов восх. ударения на долгом слоге: *nŕŕŕka, smŕŕkva, bŕŕŕna, dvŕŕŕna; mŕŕŕgo, nŕŕŕa, kŕŕŕa, vŕŕla, nŕŕsite, hŕŕdite, vŕŕdite, ĕŕŕŕete, kŕŕŕete, rŕŕŕete* и т. д. В сербском языке на месте ~ находим всюду резкое ударение ~; только в закрытом слоге перед *r, l, n, m, j* в праштокавском ~ переходило в ~ (чакавск.), откуда в штокавском ~: *smŕŕkva, vŕŕŕka, ŕĕnŕka, kŏŕŕa, vŏl'a, nŏsite, vŏdŕŕite, ĕŕŕŕete, kŏl'ete*. В чешском, где экспираторное восходящее ударение удлиняло гласную в открытом слоге, в первом слоге слова находим *nŕŕŕe, kŕŕŕe, vŕŕŕe, kŕŕŕeš* и др.

Предыдущее исследование показало, что в конце слова и в середине его на *o* падало в общеслав. праязыке всегда экспираторное восходящее ударение; между тем в начальном слоге здесь было известно в одних случаях экспираторное восходящее уда-

⁶ Под влиянием таких форм род. мн. восходящее ударение заменило ожидаемое нисходящее и в словах как *rogŕŕ* (р. ед. *rŕŕga* указывает на исконное *rŕŕgŭ*), *vodŕŕ, gorŕŕ, soxŕŕ* (в. *vŏdŕŕ, gŕŕŕŕ, sŏxŕŕ* указывают на исконные *vŏdŭ, gŕŕŭ, sŏxŭ*); тем естественнее была эта замена, что на долгой гласной всегда являлось в род. мн. восходящее ударение (частью вследствие переноса с окончания, напр. в *vŕŕŕŕŕŕ* из *vŕŕŕŕŕŕ*, частью вследствие изменения нисходящего ударения на долгой гласной в восходящее музыкальное ударение: *rŕŕŕŕŕ* из *rŕŕŕŕŕ*).

рение, а в других музыкальное нисходящее ударение. В рассмотренных выше великорусских говорах на месте ударяемого *о* в конце и середине слова является систематически *uo*, *ô*, а в начальном слоге в одних случаях ударяемое *о* заменяется через *uo*, *ô*, в других сохраняется как *о*. Если нам удастся доказать, что *ô* заменяется через *uo*, *ô* там, где в общеслав. праязыке было нисх. ударение, и сохраняется как *ô* там, где в общеслав. праязыке было нисх. музыкальное, то этим мы докажем, конечно, что *о* изменялось в великорусских говорах в *uo*, *ô* только в положении под старым экспираторным восх. ударением. Итак, рассмотрим все случаи, представленные Броком, Мавсиккой, Тоньшиным и Тростянским, где *ô* начального слога А) переходит в *uo*, *ô*, Б) сохраняется как *о*.

А. Мы находим *uo*, *ô* в имен. ед. односложных существительных м. р.; во всех приведенных существительных ударение окончное, в имен. оно перенесено с конечного *ъ*, *ь*. Экспираторное восх. ударение доказывается сербским языком, имеющим на этих односложных формах ударение \sim ; штокавскому \sim в некоторых из них соответствует праштокавское \sim , чакавское \sim :

dvôr (Б), *девор* (М), *дѣвр* (Тр.): слов. *dvôr*, шток. *дѣвр*, чакавск. *dvôr*.

kôñ (Б), *кѣнь* (Тр.): слов. *kôn'*, шток. *kôn'*, чакавск. *kôn'*.

kôt (Б), *кѣт* (М): слов. *kôt*.

kôl (Б): слов. *kôl*.

nôš (Б): слов. *nôš*, шток. *nôš*, чакавск. *nôš*.

pôp (Б), *пуоп* (М), *пѣп* (Тр.): слов. *pôp*, шток. *pôp*, чак. *pôp*.

nôm (Тр. *нодѣ*): слов. *pôd*, шток. *pôd*, *pôda* (Мажур.), чак. *pôd* — *podâ*.

stôu (Б), *стѣу* (М), *стѣол* (Тр.): слов. *stôl*, шток. *stôl*, чак. *stôl*.

xvôs (Б), ср. род. п. *xвостѣ*.

Кроме того, находим *ô* в *xôl* (Б), *zôñ* (Б), *сбрôд* (Т): эти слова восходят к общеслав. *sъxodъ*, *sъgonъ*, *sъbrodъ*, а потому имели восх. экспир. ударение; ср. слов. *zhôd*, р. *shôda*, *zôñ*, р. *zôna*.

В род. мн. слов женск. и ср. рода в общеслав. праязыке господствовало восх. эксп. ударение. В исследуемых говорах находим:

gôr (Б): слов. *gôr*, чакавск. *gôr*.

kôs от *kosá* (Б): слов. *kôs*.

kôs от *kozá* (Б).

nôk от *nogá* (Б): чакавск. *nôg*, слов. *nôg*.

pôr от *porá* (Б), *пѣр* (Тр.).

vôd от *vodá* (Б), *вѣд* (Тр.): чакавск. *vôd*, слов. *vôd*.

eduoф от *edova* (М).

môr' от *mor'e* (Б), *pôl'* от *pol'e* (Б), *stôf* от *stovo* (Б). Едва ли можно сомневаться, что и здесь могло быть восх. экспир. ударение; ср. формы множ. числа *mor'á*, *pol'á*, *stová*. Сербский и словенский язык указывает и на общеслав. *stôvъ* (сербск. *stôvâ*), *pôl'ъ*, *môr'ъ* (слов. *pôl', môr'*), но что рядом было и *pôf'ь*, указывается сербск. *pôfá* (при имен. мн. *pôfá* из *pofá*).

В краткой форме прилагательных находим:

dôp, т. е. *dobp* (Б): словенск. *dôber*, сербск. *dôbar* (при *dôbra*, *dôbro*) ясно указывают на восх. ударение.

gôu (Б): слов. *gôl*, чакавск. *gôl*.

В местоимениях с *ô*, *uo*:

môj (Б), *мѣй*, *муой* (М), *мѣй* (Тр.), *tvôj* (Б), *теуой* (М), *svôj* (Б), *свѣй* (М), *свѣй* (Тр.): слов. *môj*, *tvôj*, *svôj*, чак. *môj*, *tvôj*, *svôj*.

tôm местн. ед. (Б), *туом* (М), *тѣом* (Тр.): чак. *tôn*.

kôm местн. ед. (Б): чак. *kôn*.

tôj дат. местн. ж. (Б), *тѣй* (М), *тѣй* (Тр.): чак. *tôj*.

В прилагательных: *zôtm*, *zôj* (Б): чак. **zôtm*, **zôj*.

В глаголах. Формы повелит. наклонения:

dôj (Б): слов. *dôj* (Rad, CII, 27).

stôj (Б), *стѣй* (Тр.): слов. *stôj* (Rad, CII, 25).

nôbâ (Тр.): слов. *pôj* (Rad, CII, 14).

Причастия на *-ь*

môk (Б), *мѣг* (Т), *муог* (М), *мѣг* (Тр.): слов. *môgel* (Rad, CXI, 35).

rôs (Б): чакавск. **râstal* (Белич, 60, 59).

Наречие: *prôc* (Б), *пръдъч* (Тр.): слов. *prôc*. Вероятно допустить восх. ударение и в *euom* (М), *вѣт*, *вѣн* (Т), др. *омѣ*, *онѣ*.

Перехожу к словам неогласованным, имеющим в начальном слоге *ô*, *uo*.

В существительных сюда относится несколько двусложных слов женск. рода: *vôl'a* (Б), *вѣля* (М), *вуоля* (М), *вѣбля* (Тр.): слов. *vôlja*.

kôjka (М): слов. *kôjka*.

nyoша (М): слов. *nôja*.

dôbля (Тр.): о восх. ударении можно судить по аналогии.

lôvl'a (Б): слов. *lôvja* мн. *lôvja* вследствие положения в закр. слоге.

rôža (Б): о восх. ударении можно судить по аналогии.

rôšca (Б), *rûbъша* (Тр.): слов. *râšca* «рост».

В нижеследующих существительных восх. ударение зависело от наличия в предшествующем слого *ъ* или *ь*:

schôdy (Б): слов. р. ед. *shôda*, см. выше.

l'gôta (Б): чешск. *lhâta*.

В нижеследующих существительных имел место перенос ударения на русской почве, вызвавший восх. акспир. ударение: *kôn'i* им. мн. (Б), *kôni* (М): сюда же *kûbъna* в. ед. (Тр.): ср. выше *kôn'.*

sôspa им. ед. (Б), ср. обычное *cosná* (на общеслав. *sošnâ* указывает и чешское *sošna*; возможно, что *sôspa* явилось диалектически еще в общеслав., как *vôl'a*, *kôža* вследствие группы согласных, изменявшей *ъ* в *'* в формах с удар. на нач. слого: в. *sôspô* в. м. *sôspô*).

В нижеследующих двусложных существительных восходящее акспир. ударение явилось в общеслав. праязыке вследствие наличия *ъ*, *ь*, *ь* в предпоследнем слого:

kôška (Б), *kôшка*, *кюшка* (М).

nôška (Б), *нюшки* (М), *нѹшки* (Тр.): слов. *nôžka* (*ъ* в закр. слого в. м.).

gôrka (М), на *гѹрки* (Тр.): чешск. *hârka*.

dvôjka: слов. *dvôjka*.

trôjka (Б), *трѹйка* (Тр.), слов. *trôjka*.

кюшка (М), на *кѹшки* (Тр.).

kôrka (М): чешск. *kârka*.

Так же и по той же причине: *кôльцям* (М), *lôtka* (Б), *сôшка* (Т), *хôтика* (Б), *vôjs'k'ô* (Б), *vôl'xa* (Б), *vôtka* (Б) и *вѹтки* (Тр.), *vôjka* (Б), *нюжна* (М).

В краткой форме прилагательных, имевших некогда *ъ*, *ь* в предпоследнем слого, видим: *xôtko* (М), *lôtok* (Б), *нѹжна* (Тр.), что согласуется с общим явлением.

Далее отметим: *vnôgo* (Б), *mnôgo* (М), *мнyго* (М), *мнѹго* (Тр.): слов. *mnôgo*. Здесь восходящее ударение зависело от наличия в предшествующем слого *ъ*: *тѹного*. Формы *zôva*, *zôvni* (Б), ср. *-ôva*, *-ôvni* в неодносложных основах, как *gluxôva* (Б), *маладѹбy* (Тр.), откуда *ô*, *yo*; впрочем и сами по себе формы *zôlogo*, *zôvni* изменили бы ударение на *o* в восходящее (ср. *тѹного*), если бы существовали в общеслав. праязыке.

В сравнительной степени находим: *bôl'e* (Б): словенск. *bôlje* (не *boljê*) указывает на восходящее ударение; *ъ* вероятно заимствовано из *bôl'si*. Далее: *bôl'se* (Б), *бôльше* (М): ср. слов. *bôl'si* с *ъ* вместо *'* в закрытом слого.

Числительное *vôsetem* (Б): слов. *ôsetem*.

Наречия: *tôl'k'ô* (Б), *тôлькô* (М), *тѹбляка* (Тр.), ср. слов. *tôliko*, *кѹбляка* (Тр.), ср. слов. *кôliko*. Так же: *stôl'k'ô*, *skôl'k'ô* (Б). Ударение в *стôль* (М), *стюль* (М) должно было быть восходящим (общеслав. *s'toli*).

Двусложные глагольные формы рассмотрю ниже вместе с трехсложными словами.

Перехожу к трехсложным словам.

По общему правилу исконное ударение первого слога в трехсложном слове становилось акспираторным восходящим. В силу этого слово *rôdina* (М), на *rѹбдину* (Тр.) имело в общеслав. восходящее ударение; оно было известно (возможно, что с иными значениями) с ударением на окончании, слов. *rodina*, сербск. *родина*, но едва ли можно допустить, чтобы в *rôdina* ударение было перенесенное. Не подлежит сомнению восх. ударение в *nôžuk*, *bôbr'ik*, на *гѹбодичу*, с *кѹбника* (Тр.); уменьшительные весьма обыкновенно имеют ударение основных слов, от которых они произведены, ср. *nôž*, **bôbr* (р. *bobrâ*) (Б), **гѹбодь* (р. *гѹвдъ*) (Тр.), *кѹбнь*. Также несомненно восходящее ударение в уменьшительных: *нѹбжичка*, *нѹбжуньки*, на *гѹбрушки*, на *трѹбички*, *лѹбтачки*, *гѹблочки* (Тр.), ср. *nôžuk*, *нѹбжики*, *гѹбрка*, *трѹбика*, *lôtka*, *гѹбля* (Тр.); *кѹбсточки* (Тр.) указывает на **кѹбстка*. Слово *гѹблок* (Т) заимствованное, не общеславянское и получило восх. ударение вследствие того, что такое ударение являлось обычным в начальном закрытом слого. Слово *гѹбльница* имело восх. ударение под влиянием *гѹбльнай*. *Срôдственник* (М) ведет к **срôдство*, где восх. ударение зависело от положения перед вышавшим *ъ*.

В прилагательных *dôbroi* (Б), *дѹбрай* (Тр.), *гôtoi*, *хôброѹ* (Б), *гѹбстрым* (Тр.), *нѹбва жижина* (Тр.), *ва нѹбвам* (Тр.) восходящее ударение свидетельствуется словенским языком: *dôbrar*, *gôl* (*gôli* с *ъ* вместо *'* вследствие бывшей долготы след. слога), *nôv* (*nôvi*), *ôstar*.

В нижеследующих прилагательных восх. ударение вызвано было в общеслав. положением перед слогом с *ъ*, *ь*: *tôrkoѹ* (Б), *рôz'n'ôž* (Б), *рѹбных* (Тр.), *гѹбрькей*, *гѹбрькею* (Тр.), *гѹбрькѹ* (М), *спôрный* (М), *гѹольная* (М), ср. слов. *vôljъn*, *гôdon* (*rôdnî*), *gôgъk*. Точно так же акспир. ударение явилось и в *гôвноѹ*, ср. словенск. *râvnъl*.

В глаголах находим:

Наст. вр. *xôd'is* (Б), *хôдит* (М), *хѹбдим* (Тр.), *хѹбдя* 3 ед. (Тр.); *прôs'is* (Б), *прôсит* (М), *прѹбситца* (Тр.), *спрѹсят* (М); *tôv'is* (Б), *дѹвят* (М), *лѹвит* (М); *gôn'is* (Б), *гѹбноть* (Тр.); *tôr'et* (Б), *smôtr'is* (Б); *гѹбноть* (Тр.), *гѹодитсѹ* (М), *гѹодит* (М);

мўблица (Тр.); *нўбся* 3 ед. (Тр.), *прудит* (М); *võz'is* (Б). — Ср. слов. *võdiš, hòdi, gònis, prõsis, võzis, nõsis*.

Наст. вр. *põl'õš* (Б), *нўбля* (Тр.), *kõl'õš* (Б), *кўбля* (Тр.), *кюалём* (М), *põr'õš* (Б), *glõžõš* (Б), *хочет* (М), *хуочём* (М), *хўбча* (Тр.), *хўбчитца* (Тр.), *stõn'õš* (Б). — Ср. слов. *kõles, glõjes, põles, põrjes*.

Наст. вр. *мўгут, мўжеш* (М), *мўбжиш* (Тр.), *tõn'eš, tõnut* (Б). — Ср. слов. *tõnes, tõrjes*.

В инф. и наст. вр.: *strõit', strõžu* (Б), *стрõитсё* (М): ср. слов. *strõjis, põml'u, põml'it'* (Б), *пõмнат* (М), *пюмлю* (М): ср. слов. *põmniš* с \sim пм. в закрытом слоге. Сюда же: *прўбчил* (Тр.), *ne stõit, stõilo* (Б), *стõит* (М).

Отдельно оговорю: *tõt* (Б), *туот* (М). Как я указал выше, вероятно думать, что в общер. праязыке при *ть* развилось *toiž* (а не *tyž*) с восходящим ударением ввиду окончательного ударения в других формах или ввиду того, что *toiž* восходит собственно к *toiš*. — Что касается *tõ* (Б), то вероятно, что оно заменило *to* под влиянием *odnõ, bõlõ, goõ* и т. п. — Возможно, что под таким же влиянием явилось *цую* (М). — Ударение слов *хўбть, хўбшь* (Тр.), *xõš* (Б) было восходящим, как можно думать на основании формы **хоѿи*, имевшей в общеслав. окончательное ударение вследствие экспираторной долготы конечного *i* (на такую долготу указывает литовское *i* в *sãki*). — Неясно ударение местоименных форм *kõja, kõi* (Б); словенск. язык указывает на окончательное ударение (Rad, СХХI, с. 139), и оно оправдывало бы восх. ударение при переносе.

Только относительно следующих слов возможно, мне кажется, сомнение, имели ли они в общеслав. праязыке ударение восходящее. Это, во-первых, *põilo* и *stõilo* (Б); судя по словенскому *pojilo* ударение в *põilo* перенесенное и, следовательно, мы ожидали бы нисх. ударения; так же в *stõilo* ср. глагол *stõjati*; во-вторых, *põgr'op* (Б) имеет на *po* несомненно перенесенное ударение; по поводу этого слова, произносящегося и *põgr'er*, Брок, отмечая последнее произношение, на стр. 101 пишет: «м.б., впрочем, чужое слово; ср. обыкновеннее употребляемое *iãta*; однако δ говорит за приращенность». В-третьих, слово *põl'e* (Б), *пюсле* (М): слов. *poslě* указывает на общеслав. *põslb*, а форма *põslie* (русск. *после, послы*) доказывает, что ударение в *põslb* перенесенное, а следовательно нисходящее. Понятно, что приведенные четыре слова не могут свидетельствовать против выставленного нами положения, ввиду их единичности.

Обращаюсь теперь к обратному доказательству. Рассмотрю все случаи, где в начальном слоге сохраняется *o*, и приведу данные в пользу того, что во всех таких случаях в общеслав. праязыке было нисходящее ударение.

Сначала остановлюсь на односложных словах:

box (Б), *бог* (Т), *бох* (Тр.) — слов. *bõg*, сербск. *bõg*.

dot (Б), *дом* (М), *дам* (Тр.) — слов. *dõm*, сербск. *dõm*.

bor (Б), *бор* (М), *бор* (Т) — слов. *bõr*, сербск. *bõr*.

grom (Б), *гром* (Тр.) — слов. *grõm*.

pot (М), *пот* (Т) — слов. *põt*, сербск. *põt*.

noč (Б), *ночь* (Т) — слов. *nõč*, сербск. *nõč*.

Точно так же: *rok* (Б): слов. *rõg*, сербск. *rog*; *got* (Б): слов. *gõd*, сербск. *gõd*; *nos* (Б): слов. *nõs*, сербск. *nõs*; *brat* (Б): слов. *brõd*; *rot* (Б): слов. *rõd*, сербск. *põd*; *bož* (Б): сербск. *bõž*; *lõž* (Б): слов. *lõž*, сербск. *lõž*, *mosk* (Б): слов. *mõzg*; *vask* (Б): слов. *võsõk*, *võsk*; *gos'* (Б): слов. *gõst*, сербск. *gõst*; *kos'* (Б): слов. *kõst*, сербск. *kõst*; *bol'* (Б): слов. *bõi*; *drop* (Б): слов. *drõb*; *mos* (М): слов. *mõst*, сербск. *mõst*; *vos* (Т): слов. *võz*; *строй* (Тр.): слов. *strõj*; *звон* (Тр.): слов. *zvdn*; *bõk* (Б): сербск. *bõk*; *mor* (Б): сербск. *mõr*. Не может быть сомнения в том, что такое же ударение имело *vor* (Т), ср. род. *võra*, а также диал. *vor y vora* дубинку украл. Если при *vos'* (Б) было в род. *võvõdja* (ср. в Костр. у. *võvõdja* и *võvõdja*: Н. Виногр.), то оно правильно с нисходящим ударением, ср. слов. *gvõzd*.

В прилагательных находим *plõx, vos, strok* (Б); ср. словенск. *bõs*, сербск. *bõs*; остальные два слова в слов. и сербск. неизвестны (слов. *strõg* из русск.).

Числительное *sto* (Б), *сто* (М), *сто* (Тр.): слов. *stõ*, сербск. *stõ*; на нисход. ударение указывает *на сто*.

Местоименные *on* (Б); вероятно, в общеслав. были известны две формы *onž* (ср. слов. *õn*, сербск. *õn*) и *onč* (слов. *õn*, сербск. *õn*); тотемское *on* восходит ко второй из этих форм. Местоименные *то* (Тр.): слов. *tõ*. Тв. *со мной* (М): ср. сербск. *са мнõм*, указывающее на нисх. ударение; такое ударение могло явиться из местоименных *тою*, сербск. *tõm*.

Наречие *скрозь* (Тр.): слов. *skõz, skõzi* (при предлоге *skõz, skõz*).

Ниже оговорю несколько неясных случаев, где находим *o* в односложных словах. Перехожу к двусложным.

dõmot (Б), *дõма* (М), *дома, домам, y domu* (Тр.): слов. *dõm, domã*.

sõvo (Б), *слово* (М): слов. *slovõ*.

põl'õ (Б), *поля чистая* (Тр.): слов. *pořě*.

mõr'o (Б), *у моря* (Тр.): слов. *morjě*, сербск. *mõre*.

gõdy (Б), *три гõда* (Тр.): слов. *gõd, godě*.

õko, õci (Б): слов. *okõ, oči*.

Точно так же: *roba* (Б), ср. выше *rok*, сербск. *rôg*; *am rôdu*, с *rodu* (Тр.), ср. выше *rod*, сербск. *rôd*; с *brôdu* (Т), ср. выше *brot*, слов. *brôd*; *bôgy*, *bôgam* (Тр.), ср. выше *zog*, сербск. *bôg*; *môzgy* (Тр.), ср. выше *mosk*, слов. *môzg*; *vosky* (Тр.), ср. выше *vosk*, слов. *vôsk*; им. мн. *kôsy*, *gôry*, *ôsy*, *kôzy* (Б), *ôbxy* (Т), ср. слов. *kozŕ*, *ozŕ*, *kozŕ*; *vody* (М), ср. слов. *vodŕ*; *ôfci* (Б), ср. слов. *osŕŕ*, сербск. *ôvce*; *gôry* (Тр.), *sy gôry* (Тр.), ср. слов. *gorjŕ*; *drožzy* (Б), ср. слов. *drožjŕ*. Согласно с приведенными словами то же ударение можно допустить в *x Дону* (Тр.), *xотѣт* тв. ед. от заимств. *xor* (Б), им. мн. *vôždzy* (Б), *skôvorody* (Б).

То же в прилаг. и наречиях: *rôxо* (Б), ср. выше *rôx*. Так же: *skôra* (Тр.); основной для предположения здесь восх. ударения нет (в слов. *skôro*, сербск. *skôro* видим первонач. окончательное ударение); нисх. ударение доказывается русским *наскоро*. То же в числит.: *ôba*, *ôb'e* (Б): слов. *ôbâ*, *ôbŕ*. Вероятно, также в *dvôjo*, *trôjo* (Б), ср. слов. *dvôj*, *trôj*, сербск. *nâ troje*.

Перехожу к многосложным словам.

pôas (Тр.): слов. *pojâs*.

ôz'en' (Б): слов. *jesŕn*.

gôspadi, *sy gôspadam* (Тр.): слов. *gospôd*.

ôkyn' (Б): слов. *okûn* (Perga fluvialis).

ôz'ôro (Б): слов. *jezŕro* (при *jŕzer*).

ôs'm'ero (Б): слов. *osmêro*.

Такое же ударение имели *ôtova* (Б), ср. *ôd olova* (Rešetar), а также слов. *ju* (форма *ŕjuvo* имеет непонятное ударение); *rôxorony* (Б), *rôvot* (Б), *ôkarak* (Б), *ôvoloko* (Б), *ôrasno* (Б), *rô prostu* (Б) имеют перенесенное ударение, следовательно, оно было нисходящим, ср. слов. *oblâk*, *okrâk* (слов. *opâsŕn* заимств. из русск.); *nôgoty* (М), *nôkot'* (Б), ср. сербск. *iza nokta*; поэтому и *kôkŕ'i* (Б); *gôgor* (М), ср. сербск. *ôgôgor*, русск. *ôbgôgor*; *ôkâla*, два *ôkâla* имеет перенесенное ударение, ср. русск. *сокол*, сербск. *ôkô*, слов. *ôkol*, *ôkôla*, поэтому здесь было нисх. ударение; *ôgova*, ср. выше *bôg*, *bôga*. Вероятно, нисх. ударение было и в *ro tŕôjôti*, так как и здесь перенос ударения.

Далее сюда относятся глагольные формы: *rômer* (Б), ср. слов. *umŕl* (Rad, CXI, 29); *rôki'âto* (Б), ср. слов. *prekŕjŕ*; *skôvano*, *ssôvano* (Б), ср. сербск. *skôvan*, *ôkôvan*, между тем как в слов. *zakovân* (ведущее к старому окончательному ударению); такое же ударение в *pôvan* (Тр.), ср. сербск. *pôvan*.

Слово *nôчушка* имеет ударение слова *ночь*, см. выше. Слова *лошадь* (М) и *ôrok* (Б) заимствованные и ударение их подчинилось другим словам; *лшадь* под влиянием слов ж. р. с основой на *-i*, *ôрок* подобно полногласным словам с сочетанием *ôro* (см. ниже); перенос ударения *на лошадь* Устюжн., Прогр. № 28, *на сорок* свидетельствует о нисх. ударении; *лшбцы* (Тр.) также заимств. слово.

Перехожу к этим полногласным словам, на которые обратил внимание О. Брок, указавший, что в типе слов с *ôro* (известных вообще только в начале слова) ударяемое *ô* никогда не переходит в *ô*, *yo*. Русское *ôro* восходит к общеслав. *ôr* с нисходящим ударением; понятно, что на *o* сохранилось нисх. ударение и тогда, когда за *r* развилась гласная *o*. Перечислю встретившиеся в исследованиях и записках слова, не делая ссылки на сербские и слов. формы, где правильное соответствие русскому *ôro* является в виде *ra*, русскому *ôro* в виде *la*: *gôlovy* (Б), *ôblavy* (Тр.), *gôlov'en'* (Б), *ôblasam* (Тр.), *gôrot* (Б), *gôrada* (Тр.), *kôloko* (Б), *kôkâk* (Тр.), *bôrodu* (Б), *stôronu* (Б), *stôranu* (Тр.), *stôronu* (М), *tôlot* (Б), *ôblady* (Тр.), *pôlosy* (Б), *gôlot* (Б), *xvôros* (Б), *kôrop* (Б), *stôroš* (Б), *vôlos* (Б), *ôblodno* (Б), *ôbrogo* (Б), *ôblamy*, т. е. *solody* (Тр.), *ôbronâ nanŕ* (Тр.), *ôran* (Тр.), *ôblachy* (Тр.).

Этому большому числу примеров, где находим основание объяснять сохранение *ô* лежавшим на нем нисходящим ударением, противопоставляется сравнительно незначительное количество, где объяснение *ô* затруднительно. В некоторых из таких случаев возможно все-таки допущение на *o* нисходящего ударения, частью древнего, частью возникшего под влиянием той или иной аналогии; в других можно видеть заимствование из других (городских) говоров, о чем ясно говорит, например, для некоторых случаев О. Брок. Сообразно с этим разбираю нижеприведенные случаи с *ô* вместо ожидаемого *ô*, *yo* на три категории.

1. Древнее нисходящее ударение решаюсь допустить в следующих случаях. Мн. ч. *rôzg'i*, *rôzok* (Б); это форма множ. числа, единственное число не указано; в общеслав. ввиду экспираторной долготы сочетания *or* в данном слове, мы ожидали бы *orzâ* — *ôrzge*; но рядом явилось и *orzga* (фонетически в форме вин. ед., где *ôr* перешло в *or* перед группой согласных); отсюда сербск. *rôzga*, слов. *rôzga* им. *rôzga* благодаря закрытости слога. Чешское *rozha* доказывает, что *orzgâ* было все-таки диалект. известно в общеслав.; при русск. **розгâ* продолжало сохраняться *rôzgi* с нисх. ударением. То же относится к *nôzr'i* (Б); сербское *nôzdra*, слов. *nôzdra* ведут к общеслав. *nôzdra* с восх. ударением; но русское *новдрй* (чешск. *pozdra*) представляет старое ударение ед. числа, при котором во множ. числе было *nôzdrŕ*. — Слово *вор*, т. е. *bob* (Б) мы ожидали бы видеть в форме *bôr*, если бы были уверены, что в род. ударение *bobâ*; при возможном диалектически *bôba* (см. малор. *bib* — *bôbu*) имен. был бы *bob*. — В род.

мн. находим *вѣд* (Т); мы ожидали бы *вѣд*, ср. *vǫd* (Б), *еѣд* (Тр.), но напомним, что в общеслав. при *vǫdъ* могла существовать и более древняя форма *vǫdъ*, ср. слов. *vǫd* при *vǫd*. Ср. в совр. русских говорах р. мн. *сквород* при *скворѣд* Костромск. у. (Н. Виноградов). — Возможно, что нисх. ударение было и в наречии *бѣлѣ* (Б), так как вероятно, что о предлог и ударение на нем перенесенное. — В слове *ѣрбѣ* (Тр.), предполагающем сущ. *рѣнь*, на о могло быть заимствованное из существительного нисх. ударение; общеслав. *о҃рнь*, *о҃рнѣ* именно с этим ударением.

II. Новое нисх. ударение, вызванное аналогией, можно видеть в следующих случаях. Им. ед. *вѣйска* (Т), ср. *vǫis'k'ǫ* (Б), может иметь о вм. ъ при им. мн. *вѣйскѣ* под влиянием того, что при *словѣ*, *просѣ*, *полѣ*, *морѣ* и др. являлись *слѣво*, *прѣсо*, *плѣ*, *мѣре* со старым нисх. ударением на начальном слоге. — В следующих производных можно видеть влияние основных слов. При **спѣро* «хорошо» находим *спѣрнѣй* «выгодный» (Т), между тем как от **спѣр* «спор» произведено *спѣрнѣй* (Т); это дает основание думать, что *грѣмким* (Тр.), *бол'н'ѣ* (Б), *бѣльна*, *бѣльнаю* (Тр.) явилось под влиянием *грам*, *бол'*; равным образом *нѣчкю* (Тр.) под влиянием *ночь*; *грѣбѣя* (Тр.) под влиянием *грѣб*, *бѣжѣ гн'бѣдѣ* (Б) под влиянием *бѣж*, *ос*; точно так же *стрѣго*, *стрѣже* (Б) под влиянием *strok*, **strǫgo*; *гѣже* под влиянием **гѣже*, быть может *бѣжна* (Б) под влиянием *вож* (на основании слов. *бѣжна* можно ждать *бѣжна*). В пользу таких объяснений отметим, что вообще (как указал и Брок) чередования *ѣ*, *ѣо* с *о* в пределах одного и того же слова не замечается (исключение — формы род. мн. от односложных слов).

III. Влиянием городских говоров объясняю я себе *рѣркоѣ* (и *рѣрок*), **ѣркоѣ* (и *ѣрок*) (Б); обычным северным произношением является *рѣркѣй*, *лѣркѣй*, напр. Кадник. (Прогр. №№ 25, 26, 34), Петроз. (Прогр. № 30); ср. отмеченные выше формы: *ѣтоко*, *ѣркоѣ*, *ѣрко*. — Далее: *тѣжѣ*, *тѣжит*, *ѣбѣдѣ*, *ѣбѣт*, ср. отмеченные выше *ѣчет*, *ѣучѣт* (М), *ѣбѣча*, *мѣбѣжнѣ* (Тр.). — Затем *гѣр'коѣ* (Б), не ожидали ли бы мы в своем слове, в Тотемском говоре: *гѣр'к'ѣдѣ*, ср. выше *ѣрѣркеѣ* (Тр.). — В формах повел. *н'ѣ бѣж'с'о*, *н'ѣ бѣж'es'*, *рѣж* (Б), *стѣй* (Тр.), ср. выше: *стѣж* (Б), *нѣбѣ* (Тр.). — Слова *тѣрѣвай* (Тр.), *тѣрѣ* (Б) неясные, впрочем, по своему происхождению⁷. — Неясное *бѣрѣсилась* (Тр.). — Еще *ѣкпа*, *ѣкоп* (Б) вм. ожидаемого *ѣкпа* с восх. ударением. — Неясно *тѣжно* (Б), *мѣжна* (Тр.).

Отмечу здесь те сообщения, которые представляют те же отношения, что сообщения Брока, Мансики, Тоньшина и Тростянского, т. е. имеют *ѣо*, *ѣ* только под старым восх. экспир. ударением: № 2 (если исключить *тѣрѣсѣ*, заимствованное из № 1; отмечу *спѣрѣсѣ*), № 10 (если исключить *над ѣуоткоѣ*, *над ѣуоткам*, как едва ли живое народное слово), № 11, 12, 14—18, 21, 22, 23 (впрочем, здесь неожиданное *тапарѣдѣ*), 25, 27, 28, 30, 32—36, 41, 42 (кроме неясного *ѣбѣсѣ*), 43, 45. Почти все они представляют столь незначительное количество примеров, что не могут быть приведены в доказательство и для подтверждения выставленного положения — и это тем более, что в них отсутствуют указания на случаи, где *о* сохраняет свой звук.

Рассмотрение представленного материала не оставляет во мне сомнения, что *ѣо*, *ѣ* является в начальных и неначальных слогах только под старым экспираторным ударением, между тем *о* сохраняется под нисх. ударением, являвшимся исключительно в начальных слогах. Исключения из общего правила настолько незначительны в данных, предложенных Брок, Тоньшиным, Мансикой и Тростянским, что они не могут поколебать выставленного нами положения. Из него возникает несколько дальнейших последствий. Во-первых, можно думать, что система ударений общеслав. праязыка на русской почве сохранялась одно время без изменения; впрочем, то же следует из рассмотрения судьбы общеслав. сочетаний *ор*, *ол*, *ер* в русском языке; только при долготе *р*, *л* имело место полногласие, причем под старым нисходящим ударением получалось *ѣро*, *ѣло*, *ер'е* с нисходящим ударением на первом о, е (это имело место только в начальном слоге слова), а под старым восходящим ударением *орѣ*, *олѣ*, *ер'ѣ* с восходящим ударением на втором о, е⁸. Во-вторых, и после утраты долгих гласных продолжа-

⁷ Возможно, что и *тѣрѣгать* явилось в малор. или белор. вм. *тѣрѣгать* и отсюда передалось великорусским говорам; *не тѣрѣжь* ведет к *не тѣрѣжь*?

⁸ В одном слове, в причастии *испѣлото* Брок (стр. 43) отметил *ѣло* в середине слова; с его точки зрения это единичный случай, в котором *ѣ* является в слоге перед *л*, *р*; но ударение *испѣлото* с восходящим уд. на *о* правильно, так как в неначальном слоге было известно только восх. ударение. Единичность случаев *испѣлото*, *намѣлото* состоит в том, что в середине слов оказалось сочетание *ѣло*, тогда как оно м. б. только в начальном слоге; совершенно ясно (и так же представлял себе дело Брок), что *испѣлото*, *намѣлото* явились под влиянием *пѣлото*, *мѣлото*. — Ново также ударение напр. в слове *перѣблок* Вят. (Васнецов) в значении «небольшой волок, перелесок».

[Особое развитие *ѣ* в полногласных формах подтверждается наблюдениями над пустошенским говором; см.: Д. В. Б у б р и х, Фонетические особенности говора с. Пустошей, ИОРЯС, 4, 1913; о современном состоянии этого говора см.: А. С. Б е д н я к о в, О некоторых фонетических явлениях в говоре с. Пустоши, «Уч. зап. МОПИ», XLVIII, 1957. — В. К.]

лось в отдельных русских наречиях различие между двумя ударениями: музыкальным нисходящим, являвшимся только в начальных слогах слова, и экспираторным восходящим, являвшимся как в начальных, так и в серединных и конечных слогах слова. В одном музыкальном нисходящем совпали таким образом музыкальные нисходящие ударения на долгих, полудолгих и кратких слогах (следовательно, напр. *māza, nōs, vōdu*); в одном экспираторном восходящем совпали экспираторные восходящие ударения на некогда долгих, полудолгих и кратких слогах (следовательно, напр. *stāva, kōn', vōl'a, p'erō*)⁹. Можно думать, что это различие между двумя ударениями держалось в отдельных наречиях долго, если в них, очевидно, независимо друг от друга, гласная *о* под воск. ударением подверглась позднему изменению в *ѳо, ѳе*. В-третьих, из предыдущего следует, что над *о* из *ъ* в середине слова было восходящее ударение; если тем не менее вместо *krugōm, godōk, sv'ekrōvi* не явилось *krugūm, godūk, sv'ek-riūvi*, то ясно, что причина лежит не в гласной *о* и не в качестве лежавшего на ней ударения, а в природе предшествующей согласной; как мы видели выше, согласные перед исконным *о* произносились лабиализованно, а перед *о* из исконного *ъ* нелабиализованно. В-четвертых, можно думать, что восходящее экспираторное ударение в противоположность нисходящему растягивало гласную — и вот при таком ее растяжении лабиализация согласной развивалась в неслоговое *и* за согласною. В-пятых, наше ударение можно признать прямым наследником экспираторного воск. ударения; из предыдущего ясно, что это ударение было гораздо устойчивее музыкального нисходящего, так как употреблялось во всяких слогах слова, между тем как музыкальное нисходящее только в начальном слоге; понятно, что с течением времени экспираторное ударение вытеснило музыкальное ударение и в начальных слогах.

Глава V. Дальнейшее развитие дифтонгизации *о*

Полученный нами вывод — подчеркиваю это еще раз — основывается только на сообщениях и материалах Брока, Максикки, Тоньшина и Тростянского. Из представленных ими данных не видно, чтобы переход нисходящего музыкального ударения в экспираторное (имевший, конечно, место и в описанных ими говорах) повел за собой дифтонгизацию исконного *о* под исконным музыкальным ударением. Равным образом не дифтонгизировалось здесь *о* из *ъ* и *ы*. Случаи дифтонгизации *о* при новых условиях находим в этих говорах, как мы указывали выше, только после исконно мягких согласных: большую частью однако эти случаи объясняются на почве грамматической аналогии: *xorožyo, gožyo* под влиянием *b'etuo, šyroko; [s'ō], svojōž* под влиянием *lōž* и т. д. Это делает вероятным, что те сравнительно немногие случаи, где *ѳо* после мягкой согласной является не в грамматических окончаниях, а в корнях, обязаны также влиянию звуковой аналогии; *t'uoptōž, t'uočnož, l'uožkož*, как мы указывали, явились при *t'optō (t'apto* в южновеликор.), *t'omnō, l'ozkō* под влиянием *ncovož, gčolož, duobrož* при *novō (navō), gotō, dobrož; sl'uož* при *sl'ozā (sl'azā)* под влиянием *kuos* при *kosā (kosa)*. Ср. появление на почве такой же звуковой аналогии *о км. а, е*, напр. в *p'otna, zv'ozdy, zapr'ok, nb'ok* и т. д.

Но в некоторых сообщениях находим *ѳо, ѳе* вместо *о* при новых условиях, чуждых тем говорам, которые положены в основание предыдущего исследования. А именно мы находим — и при том в одних и тех же говорах — *ѳо, ѳе*, во-первых, на месте исконного *о* под старым нисходящим ударением, во-вторых, на месте *о* из исконного *ъ* и из исконного *ы*, в-третьих, на месте *о* после мягкой согласной из исконного *е*. Отмечаю то обстоятельство, что таким образом старые отношения нарушаются одновременно и по отношению к исконному *о* под нисх. музыкальным ударением, и по отношению к *о* неисконному: в этом вижу подтверждение того, что дифтонгизация *о* ограничивалась первоначально положением его под воск. экспираторным ударением.

Итак считая возможным допустить, что переход нисх. музыкального ударения в воск. экспираторное произошел в некоторых говорах в такую эпоху, когда еще действовал закон об изменении *о* в *ѳо* под экспираторным ударением. Вследствие этого *dōma, stōvo, pōl'e*, изменившись в *dōma, stōvo, pōl'e*, переходили дальше в *dyōma, stūōvo, pūōl'e*. Чередование старого произношения *dōma, stōvo, pol'e* с новым *dyōma, stūōvo, pūōl'e* имело последствием общее вытеснение *ѳ* через *ѳо* по звуковой аналогии; следовательно, *ѳ* из *ъ, ы, е* переходили в *ѳо*, несмотря на отсутствие в таких случаях

⁹ Музыкальное восходящее на сверхдлгой гласной (нового происхождения, вследствие, во-первых, переноса ударения, во-вторых, удлинения долгого, точнее полудолгого экспир. слога), напр. в словах *suā, pišēš, zvāliš*, благодаря сокращению долгой гласной, перешло также в восход. экспираторное ударение.

главного физиологического условия, вызывавшего дифтонгизацию *o*, а именно лабиализованной согласной перед ним¹⁰.

О существовании говоров с *цo*, *б* указанного нового происхождения можно заключить на основании десяти сообщений. Выделяется своею обстоятельностью сообщение Н. Н. Виноградова по Костромскому уезду (№ 20). Более или менее значительные данные содержатся в моем сообщении по Петрозаводскому уезду (№ 8), сообщении Е. Ф. Будде по Касимовскому (№ 26) и Л. В. Жирицкого по Епифановскому (№ 40). Остальные сообщения представляют единичные данные. Приведу все эти данные, различая положение *o* (I) под исконным нисх. музыкальным ударением, (II) положение *o* после согласной нелабиализованной (где *o* из *ъ* или *ы*), (III) положение *o* после согласных палатализованных (где *o* из *е*).

I: *дуома* (№ 8), *дбму*, *еуру*, *к нбчи* (№ 8), *нбць*, *к нбчи* (№ 9), *пуолё* (№ 13), *коло дубна*, *два кубна*, *слубо* (№ 20), *гудт*, *рудк*, *судрак*, *убба* (№ 26), *судли* (№ 39), *кубсу*, *будг*, *гудд*, *мудст* (№ 40).

II: *труось* (№ 1), *двух сут*, *в рут*, *сбцький*, *волбвк*, *у окбика*, *лсбк* (№ 8), *платкуди* (№ 40), *вуолк*, *мубрде*, *дублгой*, *буорубк*, *золубўка*, *моркубўка*, *пратубйна* (№ 20), *хтарубой* (№ 26), *дранинуой* (№ 31), *басудй*, *бальмудй* (№ 39), *такудой*, *какудой*, *раскрудйсья* (№ 40).

III: *кросла*, *мод*, *вотхяя*, *пошуй* (№ 8), *тубсам*, *тублоой*, *тублка*, *мобхкой*, *офюорово* (№ 20), *живюом*, *тсюплинькю* (№ 26), *пашуол* (№ 31).

Особенного внимания заслуживает указание Н. Н. Виноградова (№ 20) на то, что «в односложных словах *o* как *yo* по большей части не произносится¹¹ — *дом*, *кон*, — но стоит им при склонении обратиться в двусложные, и сейчас же появляется ударение: *коло дубма*, *два кубна*». Не свидетельствует ли это о том, что нисх. музыкальное ударение держалось дольше в закрытых слогах, чем в открытых?

¹⁰ [Здесь А. А. Шахматов, исходя из своей акцентологической теории, дает объяснение дальнейшему развитию *б*; в конечном счете он приходит к выводу, что разрушение оппозиции *б* : *o* началось еще в эпоху разрушения старых интонационных отношений, т. е. тогда же, когда эта оппозиция создавалась как фонологическая. Этот вывод вступает в противоречие с некоторыми другими положениями публикуемой статьи и не подтверждается фактами современных русских говоров и древнерусских памятников, которые определенно указывают на то, что исчезновение фонемы *б* — это изменение качества гласных, которое происходило в отдельных диалектах по-разному, много позже разрушения древнерусской интонационной системы. — В. К.]

¹¹ Однако находим *yo* в односложных словах под старым восх. экспираторным ударением: на *стубл*, *спрубс*, *вубн*, *вубт*, *брубсь*.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ВЕНГРИИ

1. Построенное на научных методах тюркское языкознание в Венгрии в своих истоках связано с деятельностью А. Регуди (умер в 1858 г.), собравшего во время своих поездок по России не только финно-угорский, но и чувашский материал, который был обработан Й. Буденцем¹.

Представитель урало-алтайского языкознания, Й. Буденц стремился изучить по возможности все урало-алтайские языки. Достаточно упомянуть его статьи об ономатопозитических глаголах в тюркских языках², о чувашско-тюркских звуковых соответствиях³ и особенно ценное описание «татарского» языка Хивы⁴; он участвовал в предпринятом Вамбери издании чагатайского словаря Абушка⁵, а также издал тексты для изучения якутского языка⁶.

Главой тюркологических исследований в Венгрии во второй половине XIX в. был А. Вамбери⁷ (1832—1913 гг.). В ин-

тенсивности и широте исследовательской работы А. Вамбери проявился здравый подход к программе создания тюркологии; однако труды Вамбери давно уже утратили свою ценность. Определенный интерес продолжает представлять его описание языка памятника турецкого языка «El-feredž ba'd eš-šidde»⁸. Мало удачной оказалась также попытка Г. Кууна издать «Codex Sumanicus» (Budapest, 1880).

В этот же период венгерская тюркологическая школа создала и работы, которые не стареют от времени. Вплоть до наших дней весьма ценными остаются «Казанско-татарские языковедные исследования» профессора урало-алтайского языкознания Клаузенбургского университета Г. Балинта (1844—1913 гг.), содержащие грамматику, тексты и словарь⁹; его османо-турецкая грамматика — лучшая турецкая грамматика на венгерском языке¹⁰.

Исследования И. Тури (1861—1906 гг.), в начале своего пути испытавшего сильное влияние Вамбери, помимо описания турецкого диалекта Кастамону¹¹, были посвящены памятникам тюркских языков — чагатайским словарям Бехджет-улугат¹² и Абушка Лугати¹³, а также тюркским языковым памятникам до конца XIV в. (в рамках последней работы дан

Leipzig, 1885, а также предпринятое им издание текста «Шейбани-наме» — «Die Scheibaniade», Wien, 1885.

⁸ Н. V a m b e r y, Alt-osmanische Sprachstudien, Leiden, 1901. См. также: V a m b e r y H., Jusuf und Ahmed. Ein özbekisches Volksepos im Chiwaer Dialekte (приложение к: KSz, XI, 1910).

⁹ B á l i n t G., Kazáni-tatár nyelv-tanulmányok, Budapest, 1877.

¹⁰ E g o ж е, Török nyelvtan, Budapest, 1875.

¹¹ T h ú r y J., A Kasztamuni-i török nyelvjárás, Budapest, 1885.

¹² E g o ж е, A «Behndes-ül-lugat», című csagatáj szótár, Budapest, 1903.

¹³ E g o ж е, Az «Abuška lugati» című csagatáj szótár, KSz, V, 1904.

¹ См.: B u d e n z J., Csúvas közlések és tanulmányok, «Nyelvtudományi Közlemények» (далее — NyK), I—1862, II—1863. Ниже используются следующие сокращения названий венгерских журналов: KCSA — «Kőrösi Csoma-Archivum»; MNy — «Magyar Nyelv»; KSz — «Keleti Szemle».

² B u d e n z J., A török hangutánzó igékről, NyK, II, 1863.

³ E g o ж е, Némely látszólagos képtelenségek a csúvas-török hangviszonyokban, NyK, III, 1864.

⁴ E g o ж е, Khivai tatárság, NyK, IV, 1865.

⁵ V á m b e r y Á., Abuska. Csagataj-török szógyűjtemény, Pest, 1862.

⁶ B u d e n z J., Jakut textusok, NyK, XIX, 1885.

⁷ Назовем здесь лишь наиболее крупные из работ А. Вамбери: «Csagataische Sprachstudien», Leipzig, 1867; «Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik», Innsbruck, 1870; «Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen», Leipzig, 1878; «Das Türkenvolk»,

исчерпывающий анализ «Искандер-наме» Ахмеда¹⁴; Тури опубликовал также грамматику и словарь к «Искандер-наме»¹⁵). Упоминания заслуживает также попытка обобщающего обзора по «среднеазиатско-тюркской литературе»¹⁶ и, кроме того, анализ трудов, посвященных «среднеазиатско-тюркскому языку»¹⁷.

Известный современник Тури, И. Кунош (1860—1945 гг.), директор Восточной торговой академии в Будапеште, первым собрал османско-турецкую народную поэзию (хотя и не совсем в беспорядке, но по крайней мере в исчерпывающем виде)¹⁸. Во время первой мировой войны он записал множество татарских текстов со слов пленных солдат (над изданием этих текстов работает Ж. Какук). Основываясь на своих собраниях материала, Кунош опубликовал на венгерском и немецком языках ряд работ о народном творчестве тюрков. Однако ему были чужды как прагматизм исследования, так и точность филологического метода (это особенно относится к его изданию чагатайского словаря Шейха Сулеймана Эфенди [1902 г.] и к его большой турецкой грамматике [1905 г.] на венгерском языке). Полеаны его работы о языке дунайских татар¹⁹, а также исследования по тюркскому языку „Яркенда“²⁰.

II. Новый этап исследования урало-алтайских языков начинается в Венгрии

¹⁴ Его же, *Török nyelvemlékek a XIV. század végéig*, Budapest, 1903 (нотурецки напечатано в «Milli tettebbü'ler mestü'asi», II, 1915).

¹⁵ Его же, *A XIV. századbeli oszmán-török nyelv*, NyK, XXXIV, 1904.

¹⁶ Его же, *A közép-ázsiai török irodalom*, Budapest, 1904.

¹⁷ Его же, *A közép-ázsiai török nyelv ismertetései*, Budapest, 1906 (нотурецки напечатано в «Milli tettebbü'ler mestü'asi», I, 1915).

¹⁸ Kúnos I., *Oszmán-török népköltési gyűjtemény*, Budapest, I—1887, II—1889. В основном тот же материал содержится в изданиях В. В. Радловым «Образцах народной литературы тюркских племен» (VIII—Наречия османские. Тексты собрания И. Куношом, СПб., 1899). См. также: Kúnos I., *Ada-kálei török népdalok*, Budapest, 1906; его двухтомную книгу «Türkische Volksmärchen aus Adakale» (Leipzig—New York, 1907); «Három Karagöz-játék» (NyK, XX, 1886—1887) и его статьи «Rumelisch-türkische Sprichwörter» (KSz, VII, 1906), «Türkisches Volksschauspiel I—II» (KSz, VIII, 1907 и отдельно: Leipzig, 1908).

¹⁹ Kúnos I., *A dunai tatárok nyelvéről*, KSz, V, 1904.

²⁰ Kúnos I., *Adalékok a Jarkendi (keletázsiai) törökség ismeretéhez*, KSz, VI, 1905.

деятельностью И. Синнеи (последователь И. Буденца с 1893 г.), который, отказавшись от урало-алтайской гипотезы, посвятил себя венгерскому и финно-угорскому языкознанию и внедрил в венгерское языкознание строго критические методы исследования.

Современник Синнеи, Б. Мункачи (1860—1937 гг.), основные работы которого относятся к области финно-угорского языкознания, занимался исследованиями первобытного периода тюркских народов и древних венгерско-тюркских связей. Заслугой Б. Мункачи является также его организаторская деятельность: он создал (под председательством А. Вамбери, а после его смерти — под председательством исследователя Азии Г. Алмаши) Венгерский комитет Интернационального средне- и восточноазиатского общества; установив тесные научные связи с председателем Русского комитета этого международного общества В. В. Радловым, Мункачи добился, чтобы молодые исследователи посылались на несколько месяцев в Россию с целью изучения тюркских языков. Именно благодаря этому появились башкирские, татарские, карачаевские и балкарские исследования В. Преле²¹, мои кумыкские собрания²², а также два объемистых тома чувашской народной поэзии Ю. Месароша²³. Печатный орган упомянутого общества — «Keleti Szemle» («Revue orientale»; за время его существования с 1900 г. по 1932 г. вышел 21 том) стал международным журналом по вопросам урало-алтаистики, причем в этом журнале опубликовано особенно много тюркологических работ, принадлежавших перу видных европейских ученых.

Главой тюркского языкознания в Венгрии в это время был З. Гомбоц (1877—1935 гг.), который при исследовании урало-алтайских языков избрал путь компаративистики. Гомбоц занимался исторической фонетикой алтайских

²¹ Pröble V., *Baskir nyelvstanulmányok*, I—KSz, IV, 1903, II—там же, V, 1904; его же, *Tatár nyelvjárás adalékok*, NyK, XXXVIII, 1908; его же, *Karatschaisches Wörterverzeichnis — Karatschaische Studien*, KSz, X, 1909; его же, *Balkarische Studien*, KSz, XV, 1914/15.

²² Németh Gy., *Kumük és balkár szójegyzék*, KSz, XII, 1911/12; J. Németh, *Proben der kumükischen Volksdichtung*, I—там же; II—там же, XIII, 1912/13.

²³ Mészáros Gy., *Csuvas népköltési gyűjtemény*, I—A csuvas ósválás emlékei, Budapest, 1909; II—Közmondások, találós-mondások, dalok, mesék, Budapest, 1912.

языков²⁴, тюркской ономастикой²⁵, тюркской грамматикой (он дал исчерпывающую критику моей тюркской грамматике²⁶), тюркской морфологией²⁷, тюркскими заимствованиями в славянских языках²⁸ и опубликовал множество работ, посвященных тюркским элементам в венгерском языке; составленный им список чувашских слов²⁹ основан на «Материялах» Н. И. Ашмарина. Почти все, что написал Гомбоц, надолго сохранит свою научную ценность.

Современником Гомбоца был В. Прёле, выполнивший описание ряда тюркских языков. В. Прёле является также автором статьи, посвященной вопросу турецкого акцента³⁰.

К 1920 г. положение в венгерской тюркологии (в отношении не только состава научных кадров, но и условий работы) претерпело определенные изменения. Еще в 1916 г. в Стамбуле был основан Венгерский научный институт, который прекратил свое существование в 1918 г., не оставив никаких следов в тюркологии. Туранское общество, основанное в 1910 г., поставило перед собой нереальную цель сблизить (в культурном, а отсюда и в политическом отношении) урало-алтайские народы и венгров. Осуществлению этой цели должен был служить издаваемый с 1913 г. Обществом журнал «Türán», в котором публиковались популярные статьи. В 1918 г. в журнале сменилась редакция; отныне в нее вошли и специалисты; в выпусках журнала за этот год были опубликованы работы В. Банга, З. Гомбоца, А. фон Ле Кока, Нолча, Оберхуммера, Секфю, Такача, Тедеки и др.

В 1921 г. было создано чисто научное венгерское общество востоковедов, так называемое Общество Кёрёши Чома³¹, со своим печатным органом — «Körösi Csoma-Archivum». Журнал, однако, не был в достаточной мере поддержан Венгерской Академией наук. Будучи главным редактором журнала, я смог с 1921 г.

²⁴ G o m b o c z Z., Zur Lautgeschichte, der altaischen Sprachen, KSz, XIII, 1912/13.

²⁵ Е го же, Über den Volksnamen *bezenyű*, «Türán», 4, Budapest, 1918.

²⁶ Е го же, Adalékok a török nyelvtanhoz, NyK, XLIV, 1915—1917.

²⁷ G o m b o c z Z., Das tschuwaschische Praesens-Futurum, KCSA, I, 1924.

²⁸ G o m b o c z Z., A szlávtság török elemeiről, I—«Nyelvtudomány», IV, 1913, II—V (1915).

²⁹ G o m b o c z Z., Csuvás szójegyzék, NyK, XXXVI, 1906.

³⁰ W. P r ö h l e, Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen, KSz, XII, 1911/12.

³¹ К. Чома (1784—1842 гг.) является основателем тибетской филологии; он пытался найти в тибетской литературе источники первобытной истории венгров.

по 1941 г. издать всего лишь два тома журнала, один дополнительный том и два выпуска, — и это несмотря на то, что в журнале сотрудничали как венгерские, так и иностранные исследователи Азии, в частности тюркологи (К. Броккельман, Э. Денисон Росс, Ж. Дени, А. фон Габен, Т. Ковальский, М. Ф. Кёнрюлю, Т. Менцель, М. Ясянен, А. З. В. Тогаи и др.). К другим более крупным изданиями Общества Кёрёши Чома относятся «Bibliotheca orientalis Hungarica», главным редактором которой до 1938 г. являлся я, а затем — Л. Лигети (до настоящего времени вышли девять выпусков, в том числе в 1928 г. «Mitteltürkischer Wortschatz» К. Броккельмана, в 1955 г. — большая работа Л. Фекето «Die Siyāqat-Schrift», в 1960 г. — библиографический справочник «Sovietico-turcica»; в печати находится моя работа «Die Türken von Vidin — Sprache, Folklore, Religion»).

В первые десятилетия XX в. в тюркологии произошел большой сдвиг: изучение тюркских языков стало научной дисциплиной по образцу индоевропейского и финно-угорского языкознания. В 1902 г. В. Грёнбек выступил со своими выдающимися в методологическом отношении исследованиями по исторической фонетике; через несколько лет после этого Ф. В. К. Мюллер начал публиковать уйгурский материал из берлинских коллекций; в 1908 г. появился чувашский словарь Х. Паасонена; стала развиваться тюркология в Турции (в частности, в 1915 г. в Стамбуле был опубликован «Divân» Махмуда Кашгарий); П. Пеллио, Г. Рамстедт, В. Банг выступили со своими блестящими тюркологическими и алтаистическими публикациями; русская тюркология, имевшая давние традиции, в советское время достигла новых успехов (деятельность Н. И. Ашмарина, А. Н. Самойловича; создание тюркских литературных языков; тюркологические исследования в тюркоязычных республиках, разработка грамматик и словарей); с 1915 г. и до наших дней во всем мире создаются новые кафедры и новые журналы по тюркской филологии; ряды исследователей тюркских языков пополняются подготовленными специалистами.

В Венгрии в этом международном ансамбле в начале XX в. выделились Б. Мушкачи и З. Гомбоц. Следуя им, но в своей научной программе больше приближаясь к Вамбери и Тури, я особенно стремился укрепить связь венгерской и мировой тюркологии. Еще студентом университета я посетил кумыков на Кавказе и чувашей в Белебее. Проблемы, над которыми я работал, в основном уже были упомянуты выше³².

³² Библиография моих работ содержится в «Acta orient. Hung.», XI, 1—3, 1960, стр. 11—28. Приведу названия еще

В 1926 г. я приступил к изучению турецких диалектов на Балканском полуострове. Основным результатом этих исследований явилась книга «Die Türken von Vidin — Sprache, Folklore, Religion», которая находится в печати. Ранее мною опубликованы работы по турецким диалектам Болгарии и Албании³². В результате этих исследований удалось установить, что западорумелийские диалекты резко отличаются от восточнорумелийских, причем первые сохранили многие древние черты, наличие которых указывает на связь с турецким языком северо-восточной Анатолии; в Албании же в свое время употреблялся западорумелийский, но очень отличавшийся от турецкого диалект Македонии.

За долгое время моей академической деятельности в Венгрии ряды тюркологов пополнялись специалистами, которые в традиционном плане продолжали и продолжают сейчас работу в области тюркского языкознания. В свое время я уже

некоторых своих работ: J. Németh, Die Rätsel des Codex Cumanicus, ZDMG, LXVII, 4, 1913; его же, Az ősjakut, hangtan alapjai, NyK, XLIII, 2—3, 4, 1914. В 1916—1917 гг. я составил учебники турецкого языка, опубликованные в серии «Sammlung Göschel»; грамматика (J. Németh, Türkische Grammatik, Berlin — Leipzig, 1916) в 1962 г. появилась также на английском языке («Turkish grammar» — «Publications in Near and Middle East studies», Columbia university). См. также изданный нами «Das Ferah-name des Ibn ʿUṭāib», «Le monde oriental», XIII, 1919 (османский литературный памятник 1425—1426 гг., уникум из рукописного собрания Венгерской Академии наук); «A székelylek' eredetének kérdése», в «Századok», LXIX, Budapest, 1935 (секулы — венгерское племя в Трансильвании, возможно, тюркского происхождения; по-французски эта же статья — «La question de l'origine des Sicules» — напечатана в «Archivum Europae centro-orientalis», VI, 1—4, Budapest, 1940); J. Németh, Probleme der türkischen Urzeit, «Analecta orientalia memoriae A. Csoma de Kőrös dicata», redigiert von L. Ligeti, I, Budapestini, 1942; его же, Die türkischen Texte des Valentin Balassa, «Acta orient. Hung.», II, 1, 1952; его же, Zur Kenntnis der Mischsprachen (Das doppelte Sprachsystem des Osmanischen), «Acta linguistica Hung.», III, 1—2, 1953; его же, Neuere Untersuchungen über das Wort tábor «Lager», там же, 3—4; его же, Wanderungen des mong. Wortes nökör «Genosse», там же, 1—2.

³³ J. Németh, Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens, Sofia, 1956; его же, Traces of the Turkish language in Albania, «Acta orient. Hung.», XIII, 1—2, 1961.

касался работ Л. Рашоньи, Л. Лигети и Г. Дьерфи; здесь мне хотелось лишь сделать некоторые дополнительные замечания.

Л. Рашоньи (ранее Рашонья-Надь) с 1935 г. по 1942 г. был профессором венгерского языка в Анкарском университете, а с 1942 г. по 1944 г. — профессором турецкого языка в Клаузенбургском университете. Рашоньи — специалист по турецкой ономастике и топонимике³⁴.

Л. Лигети, вице-президент Венгерской Академии наук, профессор Будапештского университета с 1939 г., положил начало в Венгрии систематическим, филологически обоснованным, критическим исследованиям в области алтаистики, особенно монгольской филологии, равно как и в некоторых областях восточно-азиатской филологии — в первую очередь тех, которые связаны с лингвистическими и алтаистическими штудиями (тибетология, китайская историческая фонетика) и с объяснением алтайских и других языковых реликтов в китайских источниках. Экспедиции Л. Лигети в Вос-

³⁴ На его работ следует еще упомянуть: Rásonyi Nagy L., Taksony, MNY, XXIII, 3—6, 1927; его же, Orman, MNY, XXIV, 1—2, 1928; его же, Das uigurische Aesop-Josipas-Fragment, «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», VII, 3—4, 1930; его же, Der Volksname Берендүй, «Seminarium Kondakovianum», VI, Praha, 1933; L. Rásonyi, Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве», там же, VIII, 1936; его же, Contributions à l'histoire des premières cristallisations d'État des Roumains, «Archivum Europae centro-orientalis», I, Budapest, 1935; его же, Sur quelques catégories de noms de personnes en turc, «Acta linguistica Hung.», III, 3—4, 1953; его же, Les noms toponymiques comans du Kiskunság, там же, VII, 1—2, 1957 (по-турецки — в сб. «Németh armarum», Ankara, 1962); его же, Török nyelvten, Budapest, 1960; его же, Les noms de nombre dans l'anthroponymie turque, «Acta orient. Hung.», XII, 1—3, 1961; его же, L'origine du nom székel, «Acta linguistica Hung.», XI, 1—2, 1961; его же, Über die geographischen Namen Tortillou und Tatrang, UAJb, XXXIII, 3—4, 1961; его же, A magyar keletkutatás orosz kapcsolatai (Связи между венгерскими и русскими востоковедами), Budapest, 1962; его же, Les noms de personnes imperatifs chez les peuples turques, «Acta orient. Hung.», XV, 1—3, 1962; его же, Der Frauennamen bei den Türkvölkern, UAJb, XXXIV, 3—4, 1962; Rásonyi Nagy L., Török jövevényszavainkhoz, MNY, XXX, 5—6, 1934; его же, Török adatok a M. Et. Szótárhoz, NyK, LI, 1941; его же, Jövevényszavaink és az anatóliai tájszavak, «Festschrift für J. Melich», Budapest, 1943.

точную Азию (1928—1931 гг.) и особенно в Афганистан (1936—1937 гг.) имели своей целью также и задачи исследования тюркских языков; из своей поездки в Афганистан Л. Лигети привез много ценных тюркологических материалов (по туркменским и прочим диалектам). Тюркологическая деятельность Л. Лигети освещалась уже неоднократно³⁵.

В Будапеште учились тюркологи молодого поколения, работающие не в Венгрии: Рагип Ездем (Стамбул), Хюсейн Намык Оркун, Хасан Эрен и Хамит Зюбейр Кошай (Анкара), Бекир Сидки Чобанзаде (Баку), П. Миятев (София), Т. Халаши-Куи (Нью-Йорк), Й. Экман (Лос-Анжелос), Д. Шинор (Блумингтон).

III. С 1950 г. начинается новый период в истории венгерской науки, когда руководство научными исследованиями организовано осуществляется Венгерской Академией наук; новые научные кадры подготавливаются планомерно, а ученым старшего поколения оказывается активная поддержка. Издаются новые журналы на языках мира, в том числе в области востоковедения — возглавляемый Л. Лигети «Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae» (вышли 17 томов); в серии «Bibliotheca orientalis Hungarica» опубликованы многие работы (те из них, в которых затрагиваются тюркологические темы, я упоминал выше).

³⁵ Библиографию работ Л. Лигети см.: «Acta orient. Hung.», XV, 1—3, 1962, стр. 7—13. Из тюркологических работ Лигети упомяну еще следующие: L. Ligeti, Die Herkunft des Volksnamens Kirgis, KCSA, I, 1925 (по-турецки — в «Türkiyat mecmu'asi», I); Ligeti L., Mongolos jövevényszavaink kérdése, NYK, XLIX, 1935; егo же, A török hosszú magánhangzók, MNY, XXXIV, 1938 (по-французски — в JA, CCXXX, avril-juin, 1938; по-турецки: Ligeti L., Türkçede uzun vokallar, «Türkiyat mecmuasi», VII—VIII, İstanbul, 1942); егo же, [реп. на кп.:] Ramstedt, Über den Ursprung der türkischen Sprache, MNY, XXXV, 1939; егo же, Az ismeretlen Belső-ázsia, Budapest, 1940 (по-турецки — «Bilimiyen İç-Asya», İstanbul, 1946); егo же, A kínai átírások barbár nyelvi gloszák kérdése, NYK, LI, 1941 (по-турецки: L. Ligeti, Çin yazısıyla yazılmış barbar glossaları meselesi, «Ankara Üniversitesi dil ve tarih-coğrafya fakültesi dergisi», IX, 1951); егo же, Notes sur le colophon du «Yitikan sudur», «Asiatica. Festschrift F. Wellers», Leipzig, 1954; Л. Лигети, О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана, «Acta orient. Hung.» IV, 1—3, 1955; L. Ligeti, Sur la langue des Afghars d'Afghanistan, «Acta orient. Hung.», VII, 2—3, 1957; егo же, [реп. на кп.:] Moravcsik Gy., Byzantinoturcica², «Acta orient. Hung.», X, 3, 1906.

Тюркологический институт при Будапештском университете, где до последнего времени не было оплачиваемых научно-технических работников, ныне имеет в своем штате двух научных сотрудников и библиотекаря; молодые тюркологи заняты также в других институтах университета. Созданное при библиотеке Академии наук ориенталистическое собрание книг особенно богато работами по тюркологии.

В заключенных с дружественными странами соглашениях по развитию культуры предусмотрены научные поездки тюркологов. Венгерские тюркологи посещают Москву, Ленинград, Пекин, Бухарест, собирают материалы в Болгарии.

С 1950 г. до 1962 г. молодые тюркологи Ж. Какук, Г. Хазан и А. Бодроглигети после окончания аспирантуры были удостоены степени кандидата наук. Ж. Какук работает в Тюркологическом институте при Будапештском университете. Наряду с упоминавшимся исчерпывающим исследованием Ж. Какук, касающимся османских элементов в венгерском языке, она опубликовала также работы о балканско-турецких диалектах, о саларском языке (саларские материалы были записаны ею в 1960 г. в Пекине) и др.³⁶

Исследования Г. Хазан, научного сотрудника академии в Славянском институте при Будапештском университете (в настоящее время откомандированного в Берлинский университет им. Гумбольдта), посвящены главным образом проблеме тюркского влияния на балканские языки; ему принадлежат публикации различного рода балкаво-тюркских материалов³⁷.

³⁶ См. важнейшие ее публикации: S. K a k u k, Le dialecte turc de Kazanlyk, I, «Acta orient. Hung.», VIII, 2, 1958; егo же, Textes turcs de Kazanlyk, II, там же, VIII, 3; егo же, Constructions hypotactiques dans le dialecte turc de la Bulgarie Occidentale, там же, XI, 1—3, 1960; Z s. K a k u k, Die türkische Mundart von Küstendil und Michailovgrad, «Acta linguistica Hung.», XI, 3—4, 1961; егo же, Les mots d'emprunt turc osmanlis dans le hongrois et les recherches d'histoire phonétique de la langue turque-osmanlie, «Acta orient. Hung.», V, 3, 1955; егo же, Textes salars, там же, XIII, 1—2, 1961; егo же, Un vocabulaire salar, там же, XIV, 1—2, 1962; егo же, Sur la phonétique de la langue salare, там же, XV, 1—3, 1962; егo же, Poésie populaire tatare recueillie par I. Kinos, там же, XVI, 1, 1963; егo же, Kossuth Lajos török nyelv-tana (подготавливается к печати). О поездках Ж. Какук в Болгарию (как и о научных экспедициях Г. Хазан) см. «Введение» к моей работе «Die Türken von Vidin» (в печати).

³⁷ К библиографии его работ: G. H a z a n, Les manuscrits, conservés à Sofia,

А. Бодроглиети получил также и прикладное образование под руководством проф. З. Телегди; его кандидатская диссертация была посвящена изучению тюркско-иранских языковых отношений; в настоящее время он работает при кафедре общего языкознания Будапештского университета, руководимой З. Телегди. Исследования А. Бодроглиети сосредоточены в области средневеково-тюркской филологии и тюркско-иранских связей ³⁸.

des remaniements médiévaux de Marvazî et 'Aufî, «Acta orient. Hung.», VII, 2—3, 1957; его же, Textes turcs du Rhodope, там же, X, 2, 1960; его же, Monuments linguistiques osmanlis-turcs en caractères cyrilliques dans les recueils de Bulgarie, там же, XI, 1—3, 1960; его же, Beiträge zur Kenntnis der türkischen Mundarten Mazedoniens, RO, XXIII, 1960; его же, Rumeli ağzlarının tarihi üzerine, «Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten», 183, 1960; «Sovietico-Turcica», redigiert von G. Hazai, Budapest, 1960; его же, Contribution à l'histoire d'une limite dialectale dans les Balkans, «Orbis», X, 1, 1961; его же, Über den osmanisch-türkischen Abschnitt des dreisprachigen Sprachführers von Saloniki, UAJb, XXXIII, 1—2, 1961; его же, Remarques sur les rapports des langues slaves des Balkans avec le turc-osmanli, «Studia slavica», VII, 1—3, 1961; его же, Notes sur le «Tarih-i Ungurus» de Terdzüman Mahmüd, «Acta orient. Hung.», XIII, 1—2, 1961; его же, A propos d'un changement phonétique dans le moyen-osmanli, там же, XV, 1962; его же, Contribution à l'histoire des dialectes turcs-osmanlis, «Studia orientalia», XXVIII, 4, Helsinki, 1963; его же, A propos des époques de l'évolution de la langue turque (osmanli) («Труды XXV Международного конгресса ориенталистов. Москва, 1961») (в печати).

³⁸ Из его работ упомяну здесь следующие: А. Бодроглиети, Glosses on Sayf-i Sarāyī's Gülistān bi-t-türki, «Acta orient. Hung.», XIV, 2, 1962; его же, Notes on the Turkish literature at the Mameluke court, там же, XIV, 3, 1962; его же, A Turkish folk song from the Golden Horde, там же, XV, 1—3, 1962; его же, A collection of Turkish poems from the 14-th century, там же, XVI, 3, 1963. Находятся в рукописи или подготавливаются к печати следующие работы А. Бодроглиети: «Sa'dī's Gülistān in Khwarezmian Turkish», I—II; «Preliminary report on the Turkish loan words in the Kurdish language»; «Notes on the versification of Alī's Qissa-i Yūsuf and the Qutadū Bilig»; «Anaptyxis in Persian and Turkish»; «On the epic art of Nevā'ī and Nisāmī»; «Nevā'ī MSS in the Hungarian libraries»; «The Persian and Spanish glosses in the translation of the Koran in Latin letters»;

Профессор семитской филологии в Будапештском университете К. Цегледи, интересы которого связаны в основном с древней историей степных народов, опубликовал также исследования, которые, хотя и возникли в связи с историческими интересами Цегледи, касаются собственно области тюркского языкознания или содержат объяснения имен ³⁹.

Имеют лингвистическое значение также и некоторые из публикаций кафедры истории Турции Туркологического института, возглавляемой проф. Л. Фекете. Областью, которой Л. Фекете уделяет наибольшее внимание, является исламская палеография, разрабатываемая на филологической основе; отсюда ясно, что работа указанной кафедры включает в значительной степени и лингвистическую обработку исторических памятников. Кафедрой ставятся и систематически разрабатываются многие проблемы ономастики. Л. Фекете уже ранее опубликовал многочисленные статьи, посвя-

«South Kurdish proverbs»; «Philological contributions to Sa'dī's Gülistān on the basis of Sayf-i Sarāyī's Gülistān bi-t-türki».

³⁹ К библиографии его работ: Czeglédi K., Egy bolgár-török yiltavár méltóságnev, MNy, XL, 1944; его же, A kunok eredetéről, там же, XLV, 1, 1949; его же; A karluk törzsek nevei, там же, XLV, 2; его же, A török népek és nyelvek tagolódásának kérdéséhez, там же, XLV, 3; его же, Sarkel, там же, XLVIII, 1—4, 1952; его же, A kazár kíl ~ kel eredete, там же, XLIX, 1—2, 1953; его же, Herakleios török szövetségesei, там же, XLIX, 3—4; его же, IV—IX. századi népmozgalmak a steppén, «A Magyar nyelvudományi társaság Kiadványai», 84, 1954; его же, Gēza nevünk eredete, MNy, LII, 3, 1956; его же, A magyar népnév legrégebbi előfordulásai a forrásokban, «Pais Dezső Emlékk.», Budapest, 1956; его же, A szavárd-kérdés Thury József előtt és után, MNy, LV, 3, 1959; его же, Nyugati türk eredetű méltóságnevek, сб. «Névtudományi vizsgálatok», Budapest, 1960; его же, Khazar raids in Transcaucasia in 762—764 A. D., «Acta orient. Hung.», XI, 1—3, 1960; его же, A korai kazár történelem forrásainak kritikájához, «Az MTA I Osztályának Közleményei», XV, 1959; его же, Prof. L. Fekete, «Acta orient. Hung.», XIII, 1—2, 1961; его же, Coray-quzī, Qara-qum, Kök-Öng, там же, XV, 1—3, 1962; его же, Bemerkungen zur Geschichte der Chazaren, там же, XIII, 3, 1961; его же, A Qarakhánidák eredete, «Bárczi-Emlékk.», Budapest, 1964; его же, A régi török törzsszövetségek számszerű felosztásának kérdéséhez, MNy, LIX (в печати).

ценные турецкой ономастике⁴⁰, а его крупные труды — настоящие сокровищницы для лингвистического исследования⁴¹. Недавно ученик Л. Фекете, Ю. Кальди-Надь, на основе филологически точной латинской транскрипции опубликовал турецкие налоговые реестры комитета Бараны (XVI в.)⁴².

Работа проф. Ю. Моравчика «Byzantinoturcica» (I², II², Berlin, 1958) возникла под влиянием венгерско-туркских ономастических исследований Гомбоца и Мелиха. Эта работа, содержащая много материала по истории турецких языков и по турецкой ономастике, является большим вкладом в мировую тюркологию. В связи с рассматриваемым им византийским материалом Ю. Моравчик опубликовал многочисленные работы по турецкой филологии, особенно по истории древних турецких народов и по турецкому языкознанию⁴³.

⁴⁰ Fekete L., *Igék oszmánli-török tulajdonnevekben*, MNy, XXIII, 3—6, 1927; е г о ж е, *Számnevekkel alakult oszmánli-török helynevek*, там же, XXVI, 1—2, 1930; е г о ж е, *Törtel mint személynév*, там же, XXX, 1—2, 1934; е г о ж е, *Testrésznevekkel alakult helynevek az oszmánli-törökben*, там же, XXXII, 9—10, 1936; е г о ж е, *Az oszmánli-török nyelv hódoltságkori magyar jövevényszavai*, там же, XXVI, 7—8, 1930; е г о ж е, *Doqz a törökben és a perzsában*, «Pais Dezső-Emlékk.», Budapest, 1956; е г о ж е, *Beiname (lagab), Personennamen (istm) und Apposition (na't) in den Offener muğata'a-Deftern*, «Acta orient. Hung.», XV, 1—3, 1962.

⁴¹ См. «Türkische Schriften aus dem Archive des Palatinus Nikolaus Esterházy. 1606—1645», redigiert von L. Fekete, Budapest, 1932; L. Fekete, *Die Siyāqat-Schrift in der türkischen Finanzverwaltung*, I—II, Budapest, 1955.

⁴² Káldy-Nagy Gy., *Baranya megye XVI. századi török adóösszeírásai*, Budapest, 1960.

⁴³ Библиография его трудов (326 названий) собрана Р. Бенедикти в X томе

В заключение кратко остановлюсь на библиографических справочниках и указателях по турецкому языкознанию в Венгрии. В начале 30-х годов Т. Халаш-Куш по инициативе президента Турции Ататюрка составил библиографический указатель всей венгерской тюркологии, включающий более 1500 названий (этот указатель не был опубликован: машинописные экземпляры его имеются в Венгрии и в Турции). В 1926 г. появилась «Венгерская библиография по тюркологии и по восточновенгерским связям 1914—1925», составленная Ю. Моравчиком⁴⁴, а в 1935 г. опубликована составленная Л. Рашоньи библиография с тем же названием за 1926—1934 гг.⁴⁵. Библиография за следующее десятилетие составлена Хасаном Эреном; однако в связи с неблагоприятными обстоятельствами она не вышла в свет.

В соответствии с новым учебным планом Будапештского университета в будущем изучению турецких народов и языков Советского Союза будет придаваться еще большее значение, чем до сих пор, а это, несомненно, приведет к тому, что исследования в области венгерско-турецких связей будут возобновлены с новой силой. Мы будем также стремиться уделять больше внимания новым, прогрессивным литературам турецких народов.

Ю. Немет

Перевел с немецкого М. М. Малюков

(fasc. 1—3, 1962) «Acta antiqua Hung.», посвященном Ю. Моравчику. Упомяну лишь: J. Moravcsik, *Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes*, «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», VII, 3—4, 1940; Ю. Моравчик, *Происхождение слова TZITZAKION*, «Seminarium Kondakovianum», IV, Praha, 1931; Gy. Moravcsik, *Кочкобллов ein albulgarisches Wort?*, KCSA, II, 6, 1932.

⁴⁴ J. Moravcsik, *Ungarische Bibliographie der Turkologie und der orientalisches-ungarischen Beziehungen. 1914—1925*, KCSA, II, 3, 1926.

⁴⁵ KCSA, I. pótkötet, 1935.

РЕЦЕНЗИИ

Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). — М., изд-во МГУ, 1963. 302 стр.

Новая книга Р. А. Будагова — значительное явление в советской романистике. Она интересна не только содержащим-

ся в ней обильным фактическим материалом, но и своей методологией, показывающей новые возможности в семасиологии

ческих исследованиях. От многочисленных сравнительно-семасиологических исследований в области романских языков книга Р. А. Будагова отличается рядом существенных черт, на которых мы остановимся подробнее.

Что берется за основу сравнения? Вот главный вопрос, который встает перед филологом, ведущим исследование в сравнительном плане. В романistikе имеется немало работ, где в качестве основы сравнения берется отдельное слово и прослеживается судьба его значений в разных языках. Имеются работы обратного — ономастиологического — направления, в которых в качестве сравнения взято определенное понятие и сопоставляются способы выражения этого понятия в разных языках¹. И наконец, очень многие работы как бы объединяют семасиологическое и ономастиологическое направления в исследовании, рассматривая эволюцию лексико-семантической группы слов в связи со способом обозначения определенного круга понятий.

Рецензируемая книга принципиально отличается от существующих сопоставительно-семасиологических исследований в романistikе. Хотя в конкретных сравнительных этюдах представлены все три указанных выше пути анализа, в масштабе всей книги основу сравнения составляет не какое-либо слово или группа слов, не какое-либо понятие или группа понятий, но общезначимые семантические категории, представленные в виде оппозиций: моносемия — полисемия — омонимия, свободное — относительно связанное — абсолютно связанное значения слова, логическое и чувственно-экспрессивное в слове, синонимия. Метод исследования определяет структуру книги. Перечисленным категориям посвящены главы: 4, 6, 9, 10, 12. В первых трех главах книги рассматриваются общеметодологические вопросы. В других главах прослеживаются факторы эволюции семантики слов как общие (роль промежуточного звена в значении слова, система языка и значение слова, связь истории слов и истории вещей, неравномерность смыслового развития слов), так и специфически романские (соотношение слов народного и книжного происхождения, значение слова и субстрат). Каждая глава начинается небольшим вводным разделом, раскрывающим сущность проблемы. Эти вводные параграфы имеют самостоятельное значение и представляют большой интерес, так как вводят читателя в гущу споров, прошлых и современ-

ных, по данному вопросу, в которых автор занимает всякий раз ясную аргументированную позицию.

Далее следуют сопоставительные очерки, в которых слово или группа слов анализируется в связи с общей проблемой главы. Некоторые из этих сравнительно-семасиологических этюдов выполнены в собственно семасиологическом плане, например, исследуются развитие значения слова *robe* «платье» (стр. 75), *talentum* «талант» (стр. 115), *ministre* «служитель» (стр. 80) и др., другие — в ономастиологическом, например, исследуются наименования в разных языках понятия «колыбель» (стр. 55), «края ноги» (стр. 101), «безумный» (стр. 102) и т. п. Но в большинстве случаев анализируется словесная пара или группа слов с точки зрения двустороннего соотношения слов и значений. Например, исследуются словесные пары: *petere* — *demandare* «просить» (стр. 50), *malum* — *potum* «яблоко» (стр. 56), *tacere* — *calare* «молчать» (стр. 61), семантические поля «деньги» (стр. 59), «дорога» (стр. 167), «говорить» (стр. 172), «понимать» (стр. 198) и много другие.

Сопоставительная семасиология и лексикология разрабатывалась в романistikе почти исключительно как проблема генетическая. Тщательно изучая редкие слова, сохранившие какие-нибудь малораспространенные корни, обследуя диалектные заимки, ученые незаслуженно мало внимания уделяли общепотребительной лексике в ее современном состоянии. Недостатком словарей романских языков Мейер-Любке, Вартбург, Короминаса является свойственная им «сверхатимологизация», пренебрежение лексикой так называемого «книжного происхождения», игнорирование современных значений слов. Р. А. Будагов справедливо указывает, что для теории и практики изучения таких общераспространенных слов, как франц. *demande* «просить» или *penser* «думать», исп. *pedir* «просить», итал. *officina* «фабрика», имеет гораздо большее значение, чем выяснение судьбы названия какого-нибудь вышедшего из употребления предмета домашнего обихода. В рецензируемой книге не только обобщен и по-новому осмыслен огромный накопленный в романistikе материал, но излагаются также результаты оригинальных исследований автора, причем последние связаны именно с общепотребительной лексикой, взятой из пяти наиболее распространенных литературных языков: французского, итальянского, испанского, португальского, румынского. Это делает книгу еще более актуальной и доступной для широкого круга читателей.

Для сопоставительно-семасиологических исследований первостепенное значение имеет вопрос о том, как понимать само значение слова. В совре-

¹ См. подробнейшую библиографию работ этого направления в романistikе в кн.: В. Q u a d r i, *Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschung. Eine entwicklungsgeschichtliche Darstellung*, Bern, 1952.

менной лингвистике намечаются две трактовки этой проблемы. Представители некоторых направлений структурализма определяют значение слова лишь по совокупности его отношений с другими словами в лексической системе. Другие исследователи полагают, что структурным значениям, связанным с оппозициями, соответствует определенное семантическое содержание². В книге Р. А. Будагова развивается понимание значения слова, близкое ко второму. Значение слова трактуется не только как фактор, зависящий от лексической системы языка, но и как фактор самостоятельный³. Автор реабилитирует самостоятельное значение слова и стремится показать, что только всесторонний учет семантической стороны слов дает возможность правильно судить о специфических явлениях в лексике родственных языков.

Географическая дифференциация лексики романских языков не раз привлекала внимание исследователей⁴. Отыскивались и систематизировались факты, показывающие противопоставление латеральных языков (испанский, румынский) центральному (французский, итальянский), западных (испанский, французский) восточным (итальянский, румынский), северных (французский, румынский) южным (испанский, итальянский) и т. д. Все эти лексические противопоставления и схождения, имеющие аналогию в фонетике и грамматике, далеко не абсолютны. В книге Р. А. Будагова доказывается, что важен не только факт присутствия того или иного слова в том или ином языке, но менее важные его значения и употребительность. Недостаточно констатировать, что франц. *table* «стол» и итал. *tavola* «стол; доска» противостоят рум. *masă* «стол» и исп. *mesa* «стол». Нужно отметить, что это противопоставление касается лишь одного из значений указанных слов, в других значениях эти слова соотносятся с иными вокабулами. Так углубляется вся проблема лексической дифференциации.

Важнейшей методологической проблемой, с которой сталкивается исследователь при сравнительном изучении родственных языков, является соотношение общего и особенного. Эта проблема — лейтмотив всей книги, она

постоянно в центре внимания автора. Соотношение общего и особенного рассматривается в двух аспектах: 1) соотношение между элементом системы и лексической системой; 2) соотношение между фактами одного романского языка и фактами всей группы романских языков.

Взаимодействие между значением слова и системой языка специально исследуется в восьмой главе. Здесь на ряде примеров показываются различные аспекты сложных взаимоотношений между индивидуальным и системным. В других главах рассматривается, как лексическая система взаимодействует с иными факторами развития языка. Так, толчком к определенной группировке слов может стать особенность реальной, субстрат и другие «нелексикологические» факторы, однако осуществление последствий этого толчка берет на себя лексическая система (см., например, развитие пары *porta—ostium* «дверь» в романских языках, стр. 261—265) и др. Однако взаимодействие между элементом системы и самой системой может с успехом исследоваться и внутри отдельного взятого языка. Значительно больший интерес при сравнительном изучении родственных языков представляет другая сторона соотношения между общим и особенным: отношение между общей для всей группы языков тенденцией в семантическом развитии и различиями в конкретных проявлениях этой тенденции в разных языках. Этому вопросу Р. А. Будагов уделяет постоянное внимание, рассматривая его как в семасиологическом плане (развитие значений у слов общего происхождения в разных языках), так и в опомасиологическом плане (способ наименования предмета-понятия в разных языках).

В последнем случае нередко обнаруживается, что один и тот же принцип наименования по-разному реализуется в родственных языках. Так, ни в одном из романских языков не сохранилось латинского слова *zira* «икра ноги». Все языки прибегли к одному и тому же способу наименования данной части тела — метафорическому, основанному на «вмешательстве» чувственного образа. Но разные языки использовали разные стороны этого образа (стр. 101—102). В итал. *polpa* и рум. *pulpă* реализуется признак «мясистая часть (ноги)», во франц. *molle* — «мягкая часть (ноги)», в исп. *pantorrilla* и португ. *panturrilha* «утолщенная часть (ноги)

Для обозначения понятия «безумный» во всех романских языках было использовано метафорическое средство, но в каждом свое (ср. франц. *fou*, рум. *nebun*, исп. *loco*, итал. *pazzo*, стр. 102).

Рассматривая проблему «общее — особенное» в семасиологическом плане, Р. А. Будагов анализирует очень интересное и малоизученное явление: **н е р а в н о м е р н о с т ь с м ы с л о в о**

² См., например: P. Guiraud, *La syntaxe du français*, Paris, 1963, стр. 23.

³ См. более подробно в статье: Р. А. Будагов, К критике релятивистических теорий слова, сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961.

⁴ См. одну из последних работ на эту тему в советской романистике: В. В. Макаров, Об изучении лексико-семантической дифференциации романских языков, сб. «Вопросы романского языкознания», Кишинев, 1963.

го развития в родственных языках (этой проблеме специально посвящена 11 глава книги, а также много этюдов в других разделах). Явление это состоит в том, что слово, возникающее из одного источника, в родственных языках сохраняет общие контуры смыслового развития, но темпы и результаты этого развития в синхронном разрезе неодинаковы: в одном языке слово сохраняет такое значение, которое в другом является уже пройденным этапом (стр. 224). Так, у романских прилагательных, восходящих к лат. *captivus* «пленный», развивается значение «несчастный, слабый, жадный, плохой», которое переходит затем в значение «дурной, злой».

Р. А. Будагов подробно анализирует современные и исторические значения этой группы романских прилагательных, показывая, что общее направление развития остановилось в разных языках на разных ступенях. Выводы исследования можно резюмировать такой схемой⁵:

Ступени семантического развития

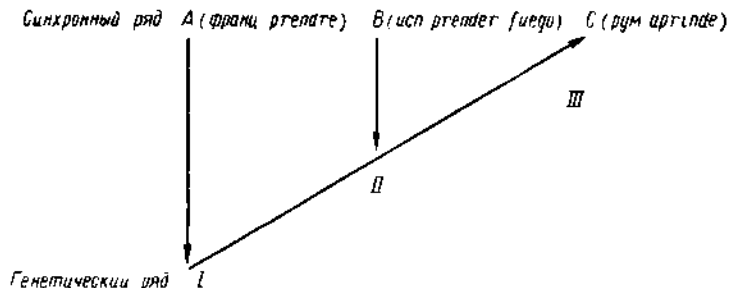
I. Пленный → II. Несчастный, слабый → III. Злой

		I	II	III
Лат.	<i>captivus</i>	+		
Исп.	<i>cautivo</i>	(+)	(+)	
Франц.	<i>chétif</i>	(+)	+	
Итал.	<i>cattivo</i>	(+)	(+)	+

Очень интересны также этюды, посвященные неравномерности семантического

развития в родственных языках латинских слов *calere* «быть горячим», *premere* «давить», *familia* «челядь», *fabrica* «фабрика», *domestivus* «домашний» и др.

Неравномерность семантического развития аналогичных элементов в разных языках позволяет обращать пространственное соседство в последовательность во времени и тем самым определять направление этого развития, обнаруживать переходные формы. Здесь фактически применяется прием, который в теории исторического исследования называют «генетическим оборачиванием»⁶. Французский глагол *prendre* сохраняет основное значение лат. *prehendere* «брать» (стр. 72 и сл.). В непереходном употреблении он может значить «загораться». Выражение *prendre feu* имеет также среднее значение «загораться». В румынском языке сопоставимая форма *aprinde* в качестве единственного и основного значения имеет «поджигать, зажигать». А *aprinde focul* «разводить, зажигать огонь» — свободное сочетание слов. Каким образом развивалось значение этого слова в румынском языке? Какова общая тенденция его семантического развития? На эти вопросы помогают ответить данные испанского языка. В общелитературной норме испанского языка непереходный *prender*, так же как и его французский двойник, значит «загораться, заниматься» (об огне). Однако выражение *prender fuego* имеет не среднее значение, как французское *prendre feu*, но активное: «зажигать», на базе которого возникает свободное употребление *prender* в значении «поджигать», пока еще имеющее ограниченное использование (латиноамериканизм). Сравнение фактов трех языков выявляет общие тенденции развития и переходные ступени. Испанский язык дает промежуточное звено (специализированное значение слова в словосочетании) между исходным состоянием (франц. «брать») и конечным (рум. «зажигать»). Соотношение синхронного и генетического ряда, показанное в этом исследовании, схематически может быть выражено так:

развития в романских языках латинских слов *calere* «быть горячим», *premere* «давить», *familia* «челядь», *fabrica* «фабрика», *domestivus* «домашний» и др.

Неравномерность семантического развития аналогичных элементов в разных языках позволяет обращать пространственное соседство в последовательность во времени и тем самым определять направление этого развития, обнаруживать переходные формы. Здесь фактически применяется прием, который в теории исторического исследования называют «гене-

Сравнение с родственными языками в данном случае позволяет определить исчезнувшие либо незафиксированные этапы в развитии данного явления в том языке, где это развитие дошло до крайней точки.

Сравнение дает ключ к решению многих «внутренних» вопросов отдельного языка. Р. А. Будагов показывает это на ряде примеров. Румынские глаголы *pleca* «уходить» и *pleca* «сгибать» восходят к лат. *plicare* «сгибать». С чем имеем мы

⁵ В скобки взяты отмершие или второстепенные значения.

⁶ См.: Б. А. Грушин, Очерки логики исторического исследования, М., 1961, стр. 109.

дело в данном случае: полисемией одного глагола или же омонимией, образовавшейся в результате разрыва семантических связей? (стр. 129). Общеизвестно, с каким трудом решаются подобные проблемы внутри одного языка. Наряду с некоторыми внутриязыковыми данными важным аргументом в пользу того, что перед нами — омонимия, являются факты сравнительной семасиологии. Так, в испанском и португальском языках, где лат. *placare* претерпел аналогичную семантическую бифуркацию, смысловую дифференциацию соответствует формальная (ср. исп. *llegar* «прибывать», *plegar* «снимать»).

С другой стороны, детальные семасиологические сопоставления с родственными языками показывают, что в итал. *polvere* «пыль; порошок» следует видеть не омонимию, а полисемию (стр. 125 и сл.). Оба понятия выражаются одной вокабулой (*praf* или *puibere*) в румынском языке и даже во французском и испанском, где они обозначены разными словами (франц. *poudre* и *poussière*, исп. *polvora* и *polvo*), семантические связи между обоими словами не утрачены, и обозначаемые ими понятия как бы входят в систему общего и более широкого понятия: «порошок; измельченные частицы твердого вещества». Во многих других разделах книги данные родственных языков также оказываются существенным аргументом при решении внутриязыковых проблем.

Таковы некоторые из тех многих вопросов сравнительной семасиологии родственных языков, которые нашли отражение в рецензируемой работе. Ценность книги Р. А. Будагова в том, что она открывает перспективы для новых направлений в области сравнительной семасиологии. В ней сделана попытка, как пишет сам автор, выйти за пределы отдельных тематических групп слов (стр. 275). Распределение и осмысление обширного материала вокруг общих категорий семантики представляется в высшей степени плодотворным. В дальнейшем оно должно дополниться выявлением тенденций каждого из сопоставляемых языков в отношении использования данной семасиологической категории, для чего необходимы статистические обследования, хотя бы частичного или выборочного характера.

Возьмем, например, проблему соотношения логических и чувственно-экспрессивных элементов в слове. Недостаточно еще отметить, что семасиологические изменения связаны с устранением или с приобретением чувственно-экспрессивного элемента в значении слова. Такие факты известны всем языкам, они не входят непосредственно в область сравнительной семасиологии. Последняя интересуется общими тенденциями данного языка в сравнении с другими: в каком языке чувственно-экспрессивный элемент ре-

гулярнее представлен в значении слова, каково использование слов с экспрессивным элементом значения в речи, с помощью каких средств создается в данном языке экспрессивная окраска слова. Так, частичное статистическое исследование французских и русских текстов и словарей показывает, что на уровне языка русский язык характеризуется большим количеством лексических единиц с чувственно-экспрессивным элементом (слова, отличающиеся от своих синонимов только эмоциональной окраской, слова с суффиксами субъективной оценки и др.). Эти лексические элементы являются важнейшим средством достижения экспрессивности в русском языке и на уровне речи. Во французской речи экспрессивность формируется преимущественно путем различных переносов: использование слов в фигуральном значении (метафоризация), либо в несвойственном им функционально-стилистическом окружении (стилистическая транспозиция). Было бы весьма интересно изучить под этим углом зрения и родственные языки. Так, предварительные исследования показывают, что в испанском языке шире, чем во французском, чувственно-экспрессивные элементы представлены и на уровне языка и на уровне речи. Здесь, как и в русском языке, имеется разветвленная система суффиксов субъективной оценки, развитая стилистическая дифференциация синонимов (например, наличие категории поэтизмов, почти неизвестной французскому языку), и с другой стороны, метафорические элементы используются еще шире, чем во французском языке.

Также представляет большой интерес выявление общих закономерностей языков в отношении объема значения слова, характерных путей развития полисемии, направлений в формировании синонимических рядов, использовании слов книжного происхождения, в соотношении между словом и словосочетанием и т. п. Однако выявить эти тенденции при современном состоянии сравнительной семасиологии не всегда представляется возможным ввиду почти полного отсутствия работ, обследующих в этом плане конкретный материал разных языков.

Большую пользу сравнительно-семасиологическим исследованиям мог бы принести также компонентный анализ значения слов, входящих в одну тематическую группу. Особенное значение он может иметь при изучении родственных языков, где общность формы нередко затуманивает оттенки значений⁷.

⁷ См. интересный пример компонентного анализа слов, относящихся к тематической группе «сиденье», в родственных языках (франц. *chaise*, *fauteuil*, *siège*, исп. *silla*, *butaca*, *sillón*, *sillín*) в статье: В. Pottier, *les travaux*

В рецензируемой книге в ряде случаев вскрываются различные аспекты одинакового общего значения у слов разных языков. Так, у «наследников» латинских *urbs, villa, civitas* в романских языках обнаруживаются такие аспекты значения, как «город вообще», «небольшой город», «большой современный город», «укрепленный город», «населенный пункт особого назначения» («рабочий поселок», «университетский городок») и др. (стр. 196—198). Выявление подобных аспектов значения позволяет провести очень тонкие наблюдения над сменой значений у отдельных слов, перегруппировкой слов и значений внутри тематической группы. Однако, большая формализация значений, представленная в виде ряда семантических множителей, в большей степени обнажила бы семантические сходства и расхождения.

Резюмируя сказанное выше, еще раз отметим, что с точки зрения методологии сравнительно-семасиологических исследований Р. А. Будагов в своей книге подводит итог целому периоду в развитии сравнительной лексикологии романских языков, когда исследование велось пре-

lexicologiques préparatoires à la traduction automatique, «Cahiers de lexicologie», 3, 1962.

имущественно на материале отдельных слов или групп слов, и выдвигает новую плодотворную идею о сравнительном изучении семасиологических категорий. Дальнейшая реализация этой идеи предполагает, по нашему мнению, выявление общих тенденций данного языка в отличие от другого в функционировании этой категории, для чего необходимо использование некоторых методов современной лингвистики, прежде всего статистических, и их применение при исследовании фактов как на уровне языка, так и на уровне речи.

Наша рецензия далеко не охватывает всего круга тех вопросов, которые возникают при чтении этой очень содержательной и интересной книги, представляющей собой плод долголетней работы видного советского ученого. Отметим также, что книга снабжена подробным научным аппаратом: перечнем источников — словарей романских языков (их сжатый, но содержательный анализ дается на стр. 24—32 книги), текстов (в том числе книг в переводах с одного романского языка на другой), научной литературы (свыше 250 названий на многих языках) и тщательно сделанными указателями слов и устойчивых словосочетаний.

В. Г. Гак

Э. А. Штейнфельдт. Частотный словарь современного русского литературного языка. 2500 наиболее употребительных слов. Пособие для преподавателей русского языка. — Таллин, 1963. 316 стр. [Научно-исслед. ин-т педагогики Эстонской ССР]

Впервые вышедший в нашей стране частотный словарь русского языка призван был стать действенным инструментом для объективной оценки употребительности лексических единиц в современном русском литературном языке. Частотный словарь в руках методистов и преподавателей дает возможность строгого планирования учебного процесса (последовательность введения лексического материала, обработка орфографии, определение объема грамматического минимума для каждого данного этапа обучения).

Трудно переоценить значение «Частотного словаря современного русского литературного языка» для теоретического и прикладного языкознания. Э. А. Штейнфельдт проделала колоссальную и ответственную работу по анализу 400 000 словоупотреблений в современных текстах на русском языке. Как планирование, так и проведение работы по составлению частотного словаря опирается на комплекс лингвистических и математических постулатов, выбор которых (особенно первых) определяет окончатель-

ный вид самого словаря и потенциальные возможности этого словаря в гораздо большей степени, чем это имеет место при составлении словарей других типов. Читатель, пользующийся частотным словарем, должен ясно представить себе, из каких допущений исходил составитель словаря и что можно и чего нельзя в связи с этим ожидать от словаря.

«Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт ниже будет рассматриваться именно с точки зрения исходных положений или допущений, заложенных автором в основу ее работы. Мы надеемся, что подобный анализ будет способствовать правильному использованию словаря в повседневной работе широких кругов лингвистов и методистов.

Представляется, что в качестве исходных положений, на которые опирается составитель частотного словаря, можно выделить следующие: 1) объем выборки, обеспечивающий достаточную надежность результатов статистического обследования лексики, т. е. достоверность частотного словаря (математический посту-

лат); 2) содержание текстов, выбор которых определяет качественное содержание самого словаря (лингвистический постулат).

Длина выборки в 400 000 словоупотреблений была признана автором достаточной для 1100—1300 слов, которые обладают вполне приемлемой степенью надежности и покрывают 70% обследованного текста. Разница между «истинной» частотой слова и его наблюдаемой частотой не должна превышать 30% от последней, а этому требованию как раз соответствуют указанные 1100—1300 слов¹. Что касается второго исходного положения, а именно качественной, лингвистической, характеристики выборки, то автору можно предъявить ряд возражений.

Художественная литература для детей заняла $\frac{1}{4}$ всей выборки, художественная литература для взрослых — $\frac{1}{8}$, отдельно пьесы — $\frac{1}{8}$, тексты молодежных радиопередач — $\frac{1}{4}$, газетные и журнальные тексты — $\frac{1}{4}$ всех словоупотреблений. Таким образом, тексты для детей вместе с текстами из детских и молодежных газет и журналов, не говоря о радиопередачах, составляют половину всех словоупотреблений. Сразу же возникает вопрос: будет ли отражать словарь этих текстов лексику современного литературного языка в целом, как это можно было бы ожидать от работы, судя по ее заглавию? Данный словарь рассчитан на широкий круг лиц, не всегда знакомых с частотными словарями и принципами их составления. Пользующийся частотным словарем будет, мягко говоря, дезориентирован, узнав, что самым употребительным именем существительным в русском является слово *ребята* (стр. 95), а в число других сорока наиболее употребительных имен существительных входят также *пионер, мама, мальчик, девочка*² (стр. 97).

Таким образом, работа Э. А. Штейнфельдт, задуманная и выполненная как

¹ Подробное обоснование данному объему выборки и допускаемой автором степени надежности первых 1300 слов содержится в работах, на которые ссылается Э. А. Штейнфельдт: Р. М. Фрумкина, Некоторые вопросы методики составления частотных словарей, «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 2(9), М., 1959; Р. Фрумкина, Э. Штейнфельдт, Статистические методы отбора лексики для словаря-минимума по русскому языку, «Р. яз. в нац. шк.», 1960, 6.

² Ср., например, наиболее употребительные словоформы имен существительных в письменной речи американских школьников (*time* «время; раз», *mother* «мать, мама», *friend* «друг, подруга», *home* «дом», *dog* «собака»), которые приводятся в кн.: Н. D. Rinsland, A basic vocabulary of elementary school children, New York, 1945.

частотный словарь текстов, относящихся преимущественно к литературе для детей и имеющих к тому же местную «окраску»³, не может считаться в строгом смысле «Частотным словарем современного русского литературного языка», отчего ценность работы не может не снижаться, тем более, что это по счету всего лишь второй частотный словарь русского языка после словаря Г. Йосселсона⁴.

Кроме собственно словаря, а также чисто информативных разделов (I. «Частотные словари русского языка» — стр. 13—20 и II. «Источники словаря» — стр. 21—26), в книге содержится ряд глав, посвященных методике составления словаря и анализу полученных частотных характеристик обследованного материала.

Глава III «Методика работы. Построение словаря» (стр. 27—36) знакомит читателя с приемами составления словаря и организацией его в книге. Каждое слово текста заносилось на отдельную карточку, общее число которых составило 400 000. Этот простейший, хотя и несколько трудоемкий поначалу, способ облегчает дальнейшую работу по всем видам подсчетов и является наиболее удачным при ручной обработке. На карточку, кроме слова, заносились индексы грамматического класса (части речи) и категории, источника и места слова в источнике. Оформление карточки позволяет без особого труда восстановить место, откуда попало в словарь данное слово.

Приходится сожалеть, что в работе термин «слово» употребляется далеко не однозначно, поэтому не всегда и не сразу удается понять, что имеется в виду — словарное (заглавное) слово, словоупотребление (каждое слово текста) или одно из разных слов (словоформ) текста. Далеко не каждый из пользующихся словарем сможет догадаться, что 12 789 слов из числа имен собственных, исключенные из подсчетов (почему? Так ли интересно знать, какие имена имеют наибольшую частоту употребления?), означают словоупотребления, а не разные слова, т. е. единицы текста, а не словаря.

Особое внимание, как нам кажется, следует обратить на главу IV «Результаты подсчетов грамматических форм» (стр. 37—72), которая представляется не менее ценной частью работы, чем собственно словарь. Здесь приводятся частотные характеристики грамматических форм и классов в обследованных текстах. В высшей степени интересны данные табл. 4 «Количество разных слов по частям речи

³ Слова «таллинский», «эстонский», «прибалтийский», «ленинградский» и др. занимают в словаре не последнее место.

⁴ H. H. Josselson, The Russian word count and frequency analysis of grammatical categories of standard literary Russian, Detroit, 1953.

в связи с частотой» и табл. 3 «Словоупотребления по частям речи» (последняя почему-то помещена в предыдущей главе), где распределение слов по частям речи отражено в двух планах — «удельный вес» каждой части речи в тексте (среди всех слов текста) и в словаре (среди разных слов текста). Остается пожалеть, что в книге не помещена подобная же таблица, иллюстрирующая распределение по частям речи словоформ. Эти данные, равно как и общее число равных словоформ (его автор не сообщает), позволили бы получить ряд количественных характеристик грамматического строя русского языка и в частности — численное выражение степени его аналитичности (синтетичности) ⁵.

Табл. 4 позволяет проследить за тем, как меняется соотношение между грамматическими классами в различных частотных зонах словаря. Нетрудно заметить, что среди малоупотребительных слов «удельный вес» имен существительных несколько уменьшается по сравнению с высокочастотными зонами, класс глагола остается более или менее стабильным, а группа имен прилагательных увеличивает свой «вес» и среди слов с частотой от 1 до 9 (общее число слов в этой зоне равно 20 037) занимает 16%. Нет необходимости пояснять, какие возможности для анализа стилистических особенностей текста открываются при использовании данных лексико-статистического описания языка (речи), каким является всякий частотный словарь.

В этой же главе помещены таблицы распределения по частотам форм различных глагольных категорий, форм имен существительных и местоимений.

Глава V «Оценка эффективности словаря» (стр. 73—88) посвящена проблеме надежности частотных списков, представленных в книге. Оценка достоверности результатов наблюдений является тем этапом, обойти который совершенно недопустимо при любом статистическом исследовании ⁶. Прежде чем рекомендовать материал частотного словаря как отражающий реальную картину статисти-

ческой структуры лексики данного языка, следует установить, является ли этот словарь объективным и надежным.

Выше отмечалось, что при подборе текстов для анализа были введены определенные ограничения и что это заставляет рассматривать работу Э. А. Штейнфельдт как частотный словарь текстов преимущественно детской литературы. Следовательно, при оценке достоверности словаря вопрос ставится так: достаточно ли объективно отражает частотный словарь лексико-статистическую структуру языка текстов, подобных тем, которые отбирались для составления словаря?

Для оценки эффективности словаря автор использовала тексты иные и в иной пропорциональности, чем для составления частотных списков, — в частности, тексты из басен И. А. Крылова, русских народных сказок, переводов сказок Г.-Х. Андерсена и братьев Гримм. Эксперимент с покрываемостью словарем этих текстов сам по себе очень интересен и мог бы послужить темой отдельной главы, но по его результатам никак нельзя судить об эффективности словаря, о достоверности его материала.

Таким образом, приходится отметить, что оценка надежности данных словаря автором проделана не была и это может вызвать затруднения при пользовании словарем. Правда, как указывалось выше, допустимая ошибка для оценки достоверности первых 1100—1300 слов была определена еще до составления словаря. Этот прием не может рассматриваться как оценка проделанной работы, тем более, что ставилась задача установления необходимого и достаточного объема выборки, а эта задача и определение эффективности словаря — не одно и то же.

В связи с этим нам представляется возможным произвести оценку надежности словаря, применив один из несложных методов математической статистики, который состоит в нахождении доверительных границ для вероятностей слов по их частотам ⁷.

Доверительные границы для вероятностей слов вычисляются по уравнениям:

$$p_1 = \frac{hn + \frac{1}{2}g^2 - g\sqrt{h(1-h)n + \frac{1}{4}g^2}}{n + g^2},$$

$$p_2 = \frac{hn + \frac{1}{2}g^2 + g\sqrt{h(1-h)n + \frac{1}{4}g^2}}{n + g^2},$$
(1)

⁵ Ср.: Дж. Гринберг, Квантитативный подход к морфологической типологии языков, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963; а также Р. Г. Пировский, П. М. Алексеев, Е. А. Чернядьева, Статистика речи и закономерности языка, «Тезисы докладов Межвузовской конференции на

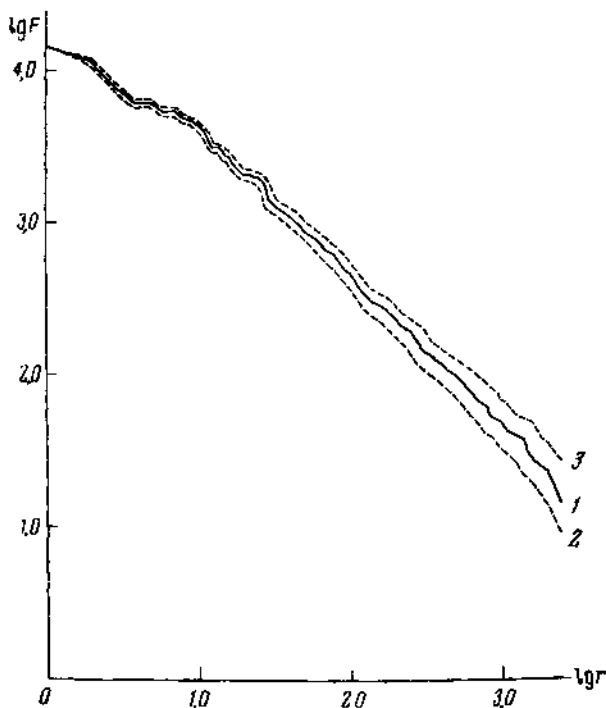
тему «Язык и речь» (27 ноября — 1 декабря)», М., 1962.

⁶ См. об этом, например: Дж. Э. Юл, М. Дж. Кендэл, Теория статистики, 14-е изд., М., 1960, стр. 24.

⁷ См.: Б. Л. ван дер Варден, Математическая статистика, М., 1960, стр. 44—46.

где p_1 и p_2 — границы доверительного интервала для вероятности, h — частота слова, n — объем выборки в количестве словупотреблений, g — константа, равная 1,96 при уровне значимости 5%⁸.

доверительного интервала, а e_1 и e_2 — величины оценки относительной ошибки. Используемый нами прием позволяет оценить достоверность готового словаря и установить, в частности, достаточ-

Распределение частот 2500 слов в «Частотном словаре» современного русского литературного языка и доверительные интервалы для вероятностей слов. F — абсолютные частоты слов, r — порядковые номера слов, 1 — кривая частот, 3 и 2 — доверительные интервалы (в абсолютных частотах)

График показывает распределение частот слов словаря Э. А. Штейнфельдт в зависимости от их порядковых (частотных) номеров и границы доверительных интервалов вероятностей этих слов. По оси X отложены десятичные логарифмы номеров слов, а по оси Y — логарифмы их частот.

Составленная нами таблица (см. стр. 134), кроме значений номеров, абсолютных и относительных частот, верхних и нижних границ доверительных интервалов, дает также величины оценки относительной ошибки для границ доверительных интервалов, которые определялись по уравнениям:

$$e_1 = \frac{h - p_1}{p_1} \quad e_2 = \frac{p_2 - h}{p_2}, \quad (2)$$

где p_1 и p_2 — нижняя и верхняя границы

ную надежность для практических целей первой тысячи слов «Частотного словаря современного русского литературного языка» при относительной ошибке определения частоты слова не более чем в одну треть от значения самой частоты. Это должно означать, другими словами, что первая тысяча слов данного словаря будет совпадать (с точностью плюс-минус тридцать процентов) с равным количеством первых слов любого другого частотного словаря, составленного по такой же методике, по выборке такого же объема из текстов такого же характера и в такой же пропорциональности, как и при составлении данного словаря.

Две трети всей книги занимает собственно словарь, представляющий собой списки слов, упорядоченных по частоте, по алфавиту и по частям речи. Основными можно считать частотный и алфавитный списки всех 2500 слов, отобранных в словарь. В их число вошли слова,

⁸ Там же, стр. 406.

Доверительные интервалы вероятностей слов «Частотного словаря современного русского литературного языка»

Порядковый номер слова (n) в частотном списке	Частота слова		Границы доверительного интервала		Оценка относительной ошибки в процентах	
	абсолютная (F)	относительная (h)	нижняя p ₁	верхняя p ₂	вниз (ε ₁)	вверх (ε ₂)
1	14576	0,03644	0,03585	0,03704	1,65	1,62
2	11804	0,02951	0,02898	0,03005	1,83	1,80
3	7343	0,01836	0,01794	0,01878	2,35	2,24
4	6097	0,01524	0,01487	0,01563	2,50	2,49
5	6067	0,01517	0,01479	0,01556	2,57	2,50
10	4186	0,01047	0,01015	0,01079	3,06	2,96
20	2044	0,00511	0,00489	0,00534	4,50	4,31
50	852	0,00213	0,00199	0,00228	7,04	6,58
100	445	0,00111	0,00102	0,00122	10,50	9,02
200	219	0,00055	0,00048	0,00063	14,58	12,70
300	150	0,00038	0,00032	0,00044	18,75	13,64
400	117	0,00029	0,00025	0,00035	19,60	17,14
500	97	0,00024	0,00020	0,00030	20,00	20,00
1000	49	0,00012	0,00009	0,00016	33,33	25,00
2500	14	0,00004	0,00002	0,00006	66,66	40,00

встретившиеся не менее чем в 14 текстах, и не реже чем 14 раз на все 400 000 словоупотреблений. Те же 2500 слов размещены в списках по частям речи, но уже в порядке убывания не частот, а количества текстов, в которых они встретились.

В целом сам частотный словарь, т. е. два его основных списка (частотный и алфавитный), занимает только одну треть объема книги, и это заставляет думать, что не экономией места руководствовалась автор, помещая в словарь лишь 2500 слов из 24 224 (т. е. чуть больше одной десятой части всего количества разных слов, обнаруженных в текстах). Э. А. Штейнфельдт не учла, таким образом, что всякий частотный словарь представляет собой ценность в первую очередь всем своим материалом, из которого по желанию можно извлечь любые выдержки и дополнительные списки. Теоретическая ценность работы только выиграла бы от ее полноты.

С точки зрения содержания словарь отразил те недостатки, которые имелись в принципах подбора текстов. Ограниченность и специфичность тематики обследованных текстов заставили выделить в число наиболее употребительных слова, характерные для литературы преимущественно детской, да к тому же с местной окраской.

Для того чтобы «Частотный словарь современного русского литературного языка» стал ценным источником информации о лексике русского языка для самых различных применений теоретического и прикладного характера, автору

необходимо учесть вышеизложенные соображения. Сам факт опубликования первой и пока единственной в нашей стране работы Э. А. Штейнфельдт представляется весьма оградным и дает основания надеяться на появление в недалеком будущем частотных словарей русского и других языков, словарей «общих» и «тематических»⁹.

Л. И. Ешан, П. М. Алексеев

⁹ О работах по составлению частотных словарей в СССР см.: Л. А. Новик, Некоторые вопросы лингвостатистики и частотные словари, «Уч. зап. [Бельцк. гос. пед. ин-та им. А. Руссо]», 6 (филологический), Кишинев, 1963 (здесь приводится список 3370 наиболее употребительных слов в текстах на румынском и молдавском языках длиной 300 414 словоупотреблений); «Материалы к частотному словарю языка Пушкина (проспект)», М., 1963; Л. Н. Засорина, О статистике и автоматизация в лексикографии, ФН, 1963, 4; Г. Г. Белонгов, Р. Г. Пётровскій, О машинном переводе, там же, 1964, 1; Е. Я. Анкина, Статистическое исследование технического словаря, «Уч. зап. [Куйбышевск. гос. под. ин-та им. В. В. Куйбышева]», 43, фак-т иностр. языков, 1963; е е ж е, Статистический анализ структуры лексики технических текстов по материалам литературы по нефтяной промышленности, там же; Р. Г. Пётровскій, Математическое языкознание, его перспективы, «Вестник высшей школы», 1964, 6.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

4—6 июня 1964 г. в Киеве состоялась конференция секции общественных наук АН УССР и Киевского гос. университета, посвященная вопросам методологии языкознания. На заседаниях обсуждались следующие основные проблемы лингвистики: 1) марксистская методология лингвистических исследований; 2) специфика языка, его системность, развитие, особенности языковых и речевых категорий, форма и содержание языковых единиц, языковые и речевые контакты, знаковый характер языка и др.; 3) математические и структурные методы изучения языка и его отдельных систем; 4) вопросы методологии и методики преподавания лингвистических дисциплин в вузах. С проблемным вступительным докладом «Углублять методологические основы лингвистических исследований» выступил акад. И. К. Белодед. Охарактеризовав основные проблемы, стоящие перед советскими лингвистами, докладчик подчеркнул, что разработка этих проблем требует усовершенствования методов, методик исследований, и в том числе — интенсификации применения сравнительно-исторического метода и широкого привлечения новых методов — математических и структурных, которые имеют непосредственную связь с применением и применением языка в технике, кибернетике, в информационных и управляющих системах, а также дают возможность при исследовании применять новейшие технические устройства.

Уяснению специфики взаимосвязи между марксистским философским методом и специальными методами исследований языкового материала был посвящен доклад проф. А. А. Белецкого (Киевский университет) «Основные методы исследований в современном языкознании».

Методы изучения сущности языка были темой доклада ст. научн. сотр. Института языкознания АН УССР А. С. Мельничука «Принципы изучения природы языка». Докладчик предложил

дополнить общее понимание сущности языка как материального объективно существующего явления признанием языкового характера языка, что выходит за пределы собственно сущности языка и относится к природе языка как общественного явления, в частности к сфере его общественных функций.

С принципами лингвистического картографирования в украинистике познакомили участников конференции зав. отделом диалектологии Института языкознания АН УССР проф. Ф. Т. Жилко. Проф. И. И. Ковалик (Львовский университет) в докладе «Методологические проблемы изучения строения слова» отметил, что принципы марксистского диалектического метода могут применяться также при изучении системной структуры языка на различных его уровнях — фонологическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом и словообразовательном.

В плане обсуждения второго комплекса проблем одним из первых был прочитан доклад доц. Ю. Р. Гепнера (Харьковский педагогический институт) «Лингвистические и внелингвистические факторы развития языка». Отмечая наличие взаимодействий языковой системы и объективной действительности, с одной стороны, языка и мышления, с другой, докладчик, в частности, подчеркнул, что непосредственное влияние внелингвистических явлений на развитие языка весьма ощутимо проявляется, например, в фактах родства языков, определяет пути образования литературных языков, обуславливает взаимодействие литературного языка и диалектов, интеграцию и дифференциацию языков и т. п.

Внелингвистические и внутрilingвистические факторы развития языка, межъязыковые контакты, их типы, взаимовлияния и т. п. получили освещение в докладе ст. научн. сотрудников Института языкознания АН УССР В. М. Русановского и К. К. Целуйко «Типы языковых контактов и методы их изучения».

Вопросы взаимосвязи языка и мыш-

ления, особенности их развития — тема доклада проф. В. Н. Мигригина (Крымский пединститут) «Формирование различных компонентов структуры языка и речи в связи с развитием мышления (по реконструкциям и фактам развития русского языка и речи)».

С докладом «К вопросу о соотношении категорий формы и содержания в лингвистических единицах» выступила ст. науч. сотр. Института языковедения АН УССР В. И. Перейбейнос.

Формулируя общие тенденции развития взглядов на значение, ст. науч. сотр. Института философии АН УССР М. В. Попович в докладе «Философский аспект проблемы значения в логике и лингвистике» отметил, что проблема значения в современной логике развивается в тесной связи с развитием математики и построением различных логических исчислений; в лингвистике при анализе этой проблемы используются методы структурной семасиологии, которые, однако, не обеспечивают всестороннего изучения значений.

Проблеме знакового характера языка и языковых образований, которая частично была затронута в докладах акад. И. К. Белододе и ст. науч. сотр. А. С. Мельничука, был посвящен доклад мл. науч. сотр. Института языковедения АН УССР А. Ф. Демьяненко «Язык как знаковая система», где предлагалось знаковый аспект языковых явлений, подлежащий изучению и лингвистики и семиотики, рассматривать лишь

как одну из многих особенностей языка и речи.

Доц. П. П. Коструба (Львовский университет) прочел доклад «Системные взаимосвязи между фонетикой, фонологией и морфологией».

Третьему комплексу указанных выше проблем были посвящены доклады: доц. Ф. А. Никитиной (Киевский университет) «Перспективы применения структурных методов при изучении языковых явлений» и ст. преп. Киевского университета В. В. Коптилова «Изучение языка художественной литературы точными методами».

Конкретные попытки применения точных методов исследования языка, и именно алгоритм, разработанный на электронной машине «Киев», охарактеризованы в докладе ст. науч. сотр. Института кибернетики АН УССР Э. Ф. Скороходько «О применении электронных цифровых машин в лингвистических исследованиях».

В принятой резолюции отмечается, что конференция явилась не только яркой демонстрацией того, как в творческом единстве, руководствуясь передовой марксистской методологией, советские ученые совершенствуют старые и широко внедряют новые методы лингвистических исследований, но и свидетельством постоянного внимания широкой научной общественности к теоретическим вопросам языкознания.

А. Ф. Демьяненко (Киев)

16—20 июня 1964 г. в Башкирском университете в Уфе проводилась III научная конференция по вопросам романо-германского языкознания*. Кроме языковедов Урала и Поволжья, в работе конференции приняли участие преподаватели вузов и научных учреждений Ленинграда, Владимира, Смоленска и некоторых других городов.

Конференцию открыл ректор Башкирского университета Ш. Х. Чанбарисов. Председатель оргкомитета конференции Ю. М. Скребнев (Уфа) сообщил о развитии романо-германской филологии в Поволжье и на Урале за 1963—1964 гг. и оставил на задачах конференции.

Плениарные заседания были посвящены докладам на темы, имеющие общезыковедческое значение. В. А. Слободчикова (Саратов) в докладе «Некоторые вопросы кибернетического понимания языка» предложил свою классификацию ярусом (порядков) знаков, обра-

зующих систему языка. Г. И. Богин (Уфа) в докладе «К вопросу о психологическом механизме перевода» сделал попытку определить актуальные аспекты семиотики при рассмотрении процесса перевода как лингвистического процесса и как процесса, связанного с психической деятельностью субъекта. Психическим факторам, содействующим реализации языка в речи, был посвящен доклад М. Д. Белогорцева (Куйбышев) «О соотношении языковых и неязыковых средств в предложении в процессе мышления». Р. Р. Каспранский (Уфа) в докладе «Спектральный анализ звукового состава языка» на примере сонорных гласных немецкого языка изложил методику анализа и принципы предложенного Р. О. Яковсоном и его соавторами выделения материальных репрезентантов различительных признаков фонем.

С. И. Кауфман (Свердловск) в докладе «Количественный анализ метаграмматических категорий, определяющих качественные особенности стиля» дал статистическую характеристику

* О предшествующих конференциях см.: ВЯ, 1962, 3; 1963, 4.

качественных особенностей технического стиля в сравнении со стилем художественной литературы. Г. Г. Сильницкий (Смоленск) в докладе «Типы семантических трансформаций в современном английском языке» предложил классификацию предложений по «семантическому субстрату» (имеется в виду обобщенное смысловое содержание, выражаемое классом семантически однородных предложений; по отношению к семантическому субстрату лексико-грамматическое оформление выступает в роли трансформы). Доклад И. С. Тышлера (Саратов) «О количестве слогов в слове, частотности и семантике» был посвящен статистической проверке взаимозависимости трех количественных характеристик слова: полисиллабичности, употребительности и полисемантической. Э. Х. Ротт (Челябинск) в докладе «Контекстология и фразеология» изложил основы контекстологического метода во фразеологии как лингвистической дисциплине применительно к ряду европейских языков.

Доклад Ю. М. Скребнева (Уфа) «Некоторые типы синтаксических отношений, выделяемых по функциональному признаку» содержал критику традиционного синтаксиса, рассматривающего лишь обобщенные семантические отношения между конститuentами коммуникативной единицы (т. е. занимающегося анализом субкоммуникативного уровня); по мнению докладчика, не свободна от указанного недостатка и теория актуального членения предложения, поскольку авторы этой теории явно исходят из представления о восприятии речи в строго линейной последовательности. Докладчик предложил свою типологию свойственных предложению отношений, отражающую более дробную, чем в теории актуального членения, функциональную спецификацию конститuentов (эти отношения выявлены на основе анализа коммуникативной роли НС). В докладе Л. П. Зайцевой (Саратов) «К вопросу о синтаксической вариантности и синтаксической синонимии» освещался вопрос об основных средствах создания синтаксических вариантов (порядок слов, некоторые изменения словоформ, введение и варьирование служебных слов, интонационное оформление, количественный состав компонентов), а также вопрос о дифференциальных признаках синтаксических вариантов и синонимов. И. А. Кузнецов (Свердловск) в докладе «Классификация подчиненных предложений в английском языке» сообщил о разработанных им критериях классификации сложных предложений.

Т. С. Глушак (Оренбург) в докладе «Некоторые наблюдения над стилем обиходной речи современного немецкого языка» показала, что замкнутость систе-

мы того или иного функционального стиля следует понимать лишь относительно, — как закрепленность за тем или иным стилем определенных языковых средств. В докладе В. М. Никитина (Владимир) «К проблеме грамматического значения» освещались характерные противоречия и ошибки различных точек зрения в понимании сущности грамматического значения; докладчик предложил свои (по разным основаниям деления) классификации типов грамматического значения. Л. М. Васильев (Уфа) в докладе «К проблеме типологии грамматических категорий» остановился на отношении грамматических категорий к действительности (мотивированность — немотивированность категории в зависимости от наличия коррелята во внеязыковой реальности) и предложил классификацию грамматических категорий. В. Г. Руделев (Оренбург) в докладе «К вопросу о грамматических (морфологических) классах слов» обосновал положение о нерациональности выделения классов слов, различающихся одновременно по нескольким признакам, относящимся к разным уровням, и предложил выделить лишь бинарные и неперекрывающиеся на каждом уровне классы — фонологические классы слов, морфологические классы слов и т. д.

Часть докладов была прочитана на заседаниях четырех секций. На заседании секции сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания были прочитаны доклады: М. Д. Белогорцев «К вопросу о хронологическом соотношении корня и окончания в индоевропейских языках», С. В. Смирницкая (Ленинград) «О видовом значении префикса *gi-* в древневерхне-немецком языке», Е. С. Смушкевич (Магнитогорск) «К истории формирования возвратного залога в английском языке», Р. Р. Касирапский «Фонема /s/ в фонологической системе немецкого языка», Н. Х. Мяфтахова (Ленинград) «Фонологический анализ древнеанглийского удлинителя перед звонкими гоморганскими группами *ld, mb, nd, ng* и др.», Г. А. Тренина (Ижевск) «Атрибутивные сочетания типа *stone wall* в английском и удмуртском языках», В. П. Недялков (Ленинград) «Конструкция с глаголом *lassen* в немецком языке», Б. Ф. Фочник (Тюмень) «Формально-грамматическая категория рода», Р. З. Мурясов (Уфа) «К сопоставительному изучению тюркских форм инфинитива и их соответствий в некоторых индоевропейских языках», В. А. Сырчина (Ижевск) «Сравнительный анализ форм прошедшего времени в немецком и удмуртском языках» и А. Х. Фатыхов (Уфа) «Коррелятивная связь в тюркских, славянских и германских языках».

На заседании секции лексикологии и стилистики были прослушаны доклады: Л. С. Абезгауза (Уфа) «Роль переноса значения в становлении английской нефтепромышленной терминологии», Э. И. Анцевич (Свердловск) «К характеристике терминологии в области магнетизма» (на материале немецкого языка), Л. Г. Маршанина (Свердловск) «Об использовании профессионализмов в различных стилях речи», Д. Г. Кошелева (Казань) «Глаголы с приставкой *be-* в „Чудодеи“ Штритматера», И. А. Короленко (Ленинград) «К вопросу об этимологических дублетах», Э. Х. Ротт «Одновершинные фразеологические единицы», Л. А. Грязнова (Оренбург) «К вопросу об определении антонимов фразеологических единиц и их классификации», Я. И. Гельбду (Уфа) «К вопросу об устойчивости и одинаковой сфере употребления антонимов», Э. М. Вольфсон (Оренбург) «Семантические отношения парных синонимов в английском языке», Д. И. Иванова (Ижевск) «Омонимия неологизмов в английском языке», В. М. Аврасин (Курган) «Стилистическая роль типов связи слов, словосочетаний и предложений в немецком языке», Б. А. Князев (Челябинск) «Семантические способы выражения эмоциональности в современной английской разговорной речи», М. А. Данкова (Свердловск) «Многочленные образования в различных синтаксических функциях и некоторые случаи их стилистического использования в современной английской публицистике», И. Н. Цмыг (Уфа) «К вопросу о возможностях использования стилистической тоналности слова как средства сатиры и юмора», Л. А. Азнабаева (Уфа) «Повторяемость лексики и синтаксических конструкций как стилистический прием», Т. М. Ершова (Куйбышев) «Небольшие поправки и дополнения к курсу лексикологии английского языка».

Наибольшее количество докладов было прочтано на заседании секции грамматики: В. А. Слободчиков «К вопросу о математическом моделировании структур на синтаксическом уровне», Т. Р. Котляр (Саратов) «К вопросу о соотносительной связи», А. А. Чунтонова (Уфа) «Употребление субстантивных сочетаний в адвербиальной функции», Л. С. Коренцовит (Свердловск) «К проблеме исследования специфики атрибутивных конструкций в

английской технической литературе», И. Г. Сапрыкина (Уфа) «Аппозиционные конструкции в предикативном употреблении», Г. С. Ерошина (Уфа) «Статистическая дистрибуция однородных сказуемых в современном английском языке», А. Н. Степанова (Оренбург) «К вопросу о синтагматической модели косвенно-переходных глаголов современного французского языка», Г. Г. Придильникова (Куйбышев) «К вопросу о средствах выражения эмоциональной оценки в английском языке», М. Г. Поляков (Шадринск) «Английские экспрессивные частицы на уровне предложения» и «Английские экспрессивные частицы на уровне словосочетания», Е. Н. Туранина (Куйбышев) «Конверсия в английском языке», Г. В. Сильникова (Смоленск) «Трансформационный анализ и его роль в семантической классификации слов», Л. К. Любецкий (Саратов) «К вопросу о разграничении понятий „авеню“ и „ступень“ в системе словообразования», С. Г. Хамзина (Уфа) «К вопросу о так называемом активном инфинитиве с пассивным значением», Л. В. Рубаи (Астрахань) «Индикатив как средство выражения модальности в современном немецком языке», М. С. Веденькова (Челябинск) «Форма *möchte* в современном немецком языке», Г. Н. Классен (Уфа) «Грамматические категории имени существительного в нижненемецком диалекте», И. Н. Куделин (Ульяновск) «Имя числительное как часть речи в немецком языке» и «О немецкой лексеме *ein*», М. К. Демидова (Куйбышев) «Немецкий артикль как выражение категории определенности и неопределенности», А. Н. Карманов (Орск) «Употребление артикля в предложных группах с именем прилагательным в немецком языке», З. А. Медведева (Уфа) «К вопросу об изучении моделей сочетаемости глаголов в технических текстах».

Ряд докладов был прослушан также на заседаниях секции методики. Некоторые из них содержали лингвистические и лингвистико-психологические обоснования методов и приемов обучения языкам.

Конференция приняла рекомендации по дальнейшему развитию научно-исследовательской работы в области романо-германской филологии на Урале и в Поволжье.

Г. И. Богин
(Уфа)

21 мая 1964 г. исполнилось десять лет со дня создания лейпцигской ономастической группы.

В 1954 г. лейпцигская группа в соответствии с государственным планом исследований начала систематическую обработку ономастического материала бывших земель Тюрингии, Саксонии и Заксен-Ангальт. Как отметил проф. Р. Фишер в одном из своих сообщений по поводу научной работы группы, истекшее десятилетие было отмечено стремлением социального осмысления ономастики. При рассмотрении многочисленных славянских имен наши задачи выходяли за пределы решения просто филологических вопросов: необходимо было решить исторические проблемы, связанные со столетним совместным пребыванием немцев и славян, причины которого были неодинаковы в различных областях. В работах 1954—1963 гг., опубликованных или готовых в рукописи, описываются топонимы 33 округов, микротопонимы 12 округов, в том числе тюрингской области по реке Заале; кроме того, рассмотрены топонимы еще 9 округов.

В серии исследований «Deutsche-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte», издаваемой Т. Фрингом и Р. Фишером, до 1964 г. было напечатано 17 монографий. В 1963 г. в ГДР была опубликована насчитывающая более 900 названий «Библиография по ономастике», обработанная Э. Эйхлером и К. Хенгстом.

К празднованию десятилетия лейпцигской ономастической группы была подготовлена разнообразная программа докладов. Проф. И. Белич (Прага) и проф. Р. Гроссе (Лейпциг) посвятили свои сообщения проблемам границ между родственными языками и диалектами. Проф. И. Белич рассматривает изоглоссы между родственными языками как результат более ранних ступеней языкового развития, предшествующих созданию национального языка; проф. Р. Гроссе в своем докладе занимается вопросами характеристики диалектных ареалов и их картографирования. Обе эти темы представляют большой интерес для топонимастики. В своем докладе проф. Т. Бем-Бланке (Веймар) указал на важность сотрудничества между ономастикой и археологией. Проф. Э. Пойсс (Халле) занимался славянскими поселениями, лежащими западнее реки Заале. Проф. П. Недо (Лейпциг) рассмотрел мифологическую основу названия горы *Tschorneböh* (в.-луж. *Čorný böh*), возникшего из более раннего *Cornu bok*; в качестве вторичного образования в верхне-лужицком находим *Běty böh*. Ранее гора носила также верхне-лужицкие названия *Kačka* и *Prašiva*. Д-р Ф. Хелльфрицш (Штоллберг-Саксония) на материале фогтландских фамилий продемонстрировал возможности социологического рассмотрения ономастического материала.

Э. Эйхлер

Перевел с немецкого М. М. Максимский

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Бюллетень научной информации. Общественные науки. 4, 1963. 92 стр.

Вопросы английского и немецкого языкознания. Материалы второй научной конференции вузов Урала (6—7 марта 1963 г.).— Уфа, 1963. 123 стр. [Уч. зап. Башк. гос. ун-та, XIII. Серия филол. наук, 5(9).]

Вопросы теории и истории языка. Сб. статей кафедры русского языка и факультета иностранных языков.— Вологда, 1964. 358 стр. (Уч. зап. Вологодск. пед. ин-та, XXVII).

Материалы по математической лингвистике и машинному переводу. II.— Л., 1963, 194 стр.

Славянский сборник. II.— Фрунзе, 1964. 212 стр. [Уч. зап. филологич. ф-та Киргизск. гос. ун-та].

Словарь лингвистических терминов (2945 латышских терминов). Сост. Р. Грабис, Д. Барбаре, А. Бергмане.— Рига, 1963. 256 стр.

Дослідження і матеріали з української мови. VI.— Київ, 1964. 164 стр. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. [Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Emakeele Selts] IX.— 1963. 246 стр.; X — 1964. 290 стр.— Таллин.

Kodumurre. [Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Emakeele Selts].— Tallin, 1963, 6. 92 стр.

И. А. Батманов, А. Ч. Кунан. Памятники древнетюркской письменности Тувы. II.— Кызыл, 1963. 68 стр.

А. К. Кошелев.— Одна синтаксико-морфологическая модель в славянских языках. (Отд. отт. из «Годишник на Софийския ун-т»).— София, 1964. 98 стр.

П. Пальмюс. Валдайский диалект карельского языка.— Таллин. 1962. 226 стр. (на эст. яз.).

Annali. Sezione slava. VI.— Napoli, 1963. 210 стр.

Ceskoslovenská rusistika. IX, 2—3, 1964. Стр. 65—193.

Gramatica limbii romine. I — 437 стр.; II — 588.— București. 1963.

- Język polski. XLIII. 4—5, 1963. Стр. 177—296.
 Language and style. Collected papers by St. Ullmann.— Oxford, 1964. 270 стр.
 Mycenaean studies. Proceedings of the Third international colloquium for Mycenaean studies held at «Wingspread», 4—8 September, 1961, ed. by E. L. Bennet, Jr.— Madison, 1964. 284 стр.
 Revue roumaine de linguistique. IX, 1, 1964. 115 стр.
 Slavia orientalis. XIII, 1.— Warszawa, 1964. 103 стр.
 Slovo a slovesnost. XXV, 2—3.— Praha, 1964. Стр. 81—244.
 Studies in egyptology and linguistics in honour of H. J. Polotsky.— Jerusalem, 1964. 189 стр.
 Zpravodaj mistopisné komise CSAV. V. 2—3, 1964. Стр. 73—195.
 E. B a c h. An introduction to transformational grammars.— New York — Chicago — San Francisco, 1964. 205 стр.
 M. B e n s o n. Dictionary of Russian personal names. With guide to stress and morphology.— Philadelphia, 1964. 175 стр.
 H. B l a n c. Communal dialects in Baghdad.— Cambridge (Mass.), 1964. 204 стр.
 O. M. B r i k. Two essays on poetic language. «Michigan Slavic materials», 5.— Ann Arbor, February, 1964. 81 стр. [погапирит].
 M. F. G o o d m a n. A comparative study of Creole French dialects.— The Hague, 1964. 144 стр.
 F. G ö r n e r. Die Bildung der Ethnika von Ortsnamen im serbokroatischen Sprachraum.— Berlin, 1963. 184 стр.
 R. H a r w e g. Kompositum und Katalysationstext vornehmlich im späten Sanskrit.— The Hague, 1964. 164 стр.
 F. W. H o u s e h o l d e r, K. K a z a z i s, A. K o u t s o u d a s. Reference grammar of literary Dhimitiki (Indiana university, Bloomington).— The Hague, 1964. 188 стр.
 G. H ü t t l - W o r t h. Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550—1800.— Berkeley — Los Angeles, 1963. 132 стр.
 I. L e h i s t e, P. I v i ć. Accent in Serbocroatian. An experimental study. «Michigan Slavic materials», 4.— Ann Arbor, August 1963. 142 стр. [погапирит].
 G. M o u n i n. La machine à traduire.— The Hague, 1964. 209 стр.
 G. M o u n i n. Les problèmes théoriques de la traduction. [Le Mesnil-sur-l'Estrée (Eure)]. 1963. 297 стр.
 V. P i s a n i. Le lingue indeuropee.— Paideia, 1964. Стр. 119.
 A. R e s z k i e w i c z. Internal structure of clauses in English. An introduction to sentence pattern analysis.— Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963. 163 стр.
 M. S a m i l o v. The phoneme *jat* in Slavic («Slavistic printings and reprintings» ed. by C. H. van Schooneveld, XXXII).— The Hague, 1964.
 G. S c h l i m p e r t. Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen Deutschlands.— Berlin, 1964. 83 стр.
 A. S j ö b e r g. Synonymous use of synthetical and analytical rection in Old Church Slavonic verbs.— Stockholm — Göteborg — Uppsala. 1964. 135 стр.
 F. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego. II, 3(8), (Klimkować — Kokornak) — Kraków, 1963. Стр. 225—336.
 J. V a c h e k. A Prague school reader in linguistics.— Bloomington, 1964. 485 стр.
 W. W e n z e l. Die Ortsnamen des Schweinitzer Landes.— Berlin, 1964. 153 стр.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
 «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В 1964 г. (№ 1—6)

СТАТЬИ |

В и н о г р а д о в В. В.— Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания	3
Фр. Д а л е ш (Прага). Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии	6
Ж и р м у н с к и й В. М.— Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха	4
З а л и з н я к А. А.— К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке	4
М а к а е в Э. А.— Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика	1
М е щ а н и н о в И. И.— Основные грамматические формы аргативного строя предложения	5
Ш в е д о в а Н. Ю.— О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе	2

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Апресян Ю. Д.— О сильном и слабом управлении	3
Белоозеров В. Н.— Формальное определение фонемы	6
Григорьев В. И.— Статистическое распознавание и дифференциальные признаки фонем	3
Гринберг Дж.— Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных	4
Долгопольский А. Б.— Гипотеза древнейшего родства языковых семей северной Евразии с вероятностной точки зрения	2
Долежел Л.— Вероятностный подход к теории художественного стиля	2
Жинкин Н. И.— О кодовых переходах во внутренней речи	6
Зализняк А. А.— «Условное ударение» в русском словоизменении	1
Карпинская О. Г.— Типология рода в славянских языках	6
Колесов В. В.— О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье	4
Колесов В. В.— Падение редуцированных в статистической интерпретации	2
Кузнецов П. С.— К вопросу о происхождении аканья	1
Кузнецов П. С.— Опыт формального определения слова	5
Мразек Р.— Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы	3
Об общеславянском лингвистическом атласе	3
Ревзин И. И.— К логическому обоснованию теории фонологических признаков	5
Риглер Я.— К проблеме аканья	5
Серебрянников Б. А.— О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений	3
Скорик П. Я.— К вопросу об аналитических конструкциях	3
Стеблин-Каменский М. И.— О симметрии в фонологических решениях и их неединственности	2
Степанов Ю. С.— О предисылках лингвистической теории значения	
Тихонов А. Н.— Чистовидовые приставки в системе русского видо-вого формообразования	1
Уорт Д. С.— Об отображении линейных отношений в порождающих моделях языка	5
Успенский В. А.— Одна модель для понятия фонемы	6
Широкое О. С.— О соотношении фонологической системы и частотности «фонем»	1
Щербак А. М.— Тюркский консонантизм	5

Обсуждение вопросов русской орфографии

Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» (И. Ф. Протченко — Москва; М. А. Жовтобрюх, В. М. Русановский — Киев)	6
Янаклев М.— Теория орфографии и речь	1

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Баскаков А. Н.— Типы бессоюзных сложносочиненных предложений в турецком языке	1
Вертоградова В. В.— К интерпретации среднеиндийских интервокальных фрикативных	1
Глазов Ю. Я.— Морфофонемика и синтактофонемика классического тамильского языка (на материале «Гирюкурала», IV—V вв. н. э.)	3
Горшкова К. В.— Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма	5
Земская Е. А.— Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке	2
Каменецкайте Н. Л.— Характер синонимии устойчивых глагольных словосочетаний	4
Колмогоров А. Н., Прохоров А. В.— О дольнике современной русской поэзии	1
Корнилов Г. Е.— О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка	4
Круаткии Я. Б.— Назализованные гласные в истории древнеанглийского языка	6

Кубрякова Е. С.— Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка	1
Лурье С. Я.— К вопросу о греческом ударении	1
Макаев Э. А.— Именное склонение в ведическом и в санскрите.	6
Матвеев А. К.— Субстратная топонимика русского Севера	2
Медовщиков Г. А.— К вопросу о проникаемости грамматического строя языка	5
Мыркин В. Я.— Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в индоевропейском аспекте	5
Селиверстова О. Н.— Опыт семантического анализа слов типа <i>все</i> и типа <i>кто-нибудь</i>	4
Хамм И.— Сербская и хорватская редакции общеславянского литературного языка	3
Шведова Н. Ю.— Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения	6
Шеверовский В. В.— О новых результатах исследования карийских надписей	4

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Калинин В. М.— О статистике литературного текста	1
Конюс Е. А.— Опыт применения статистического метода в области исторической лексикологии	2
Левин Ю. И.— Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами	4
Лескис Г. А.— О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста	3

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Неопубликованная работа А. А. Шахматова по русской исторической фонетике и акцентологии	5
Шахматов А. А.— Дифтонги <i>yo</i> и <i>ie</i> в великорусских говорах	5,6

КОНСУЛЬТАЦИИ

Падучева Е. В.— О способах представления синтаксической структуры предложения	2
---	---

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Матвеевко В. А.— Семантика в Миланском центре кибернетики и лингвистики	4
Молдова М.— Тюркское языкознание в Болгарии	5
Немет Ю.— Общие проблемы тюркского языкознания в Венгрии	6
Фрумкина Р. М.— Автоматизация исследовательских работ в лексикологии и лексикографии	2
Шеверовский В. В.— Новые исследования по хеттологии	3
Эдельман Д. И.— Современное состояние изучения памирских языков	1

Рецензии

Адмони В. Г.— <i>H. Brinkmann. Die deutsche Sprache</i>	3
Арутюнова Н. Д.— <i>A. Julland. Outline of a general theory of structural relations</i>	1
Ахманова О. С.— «Словарь сокращений русского языка»	4
Браун М.— <i>I. Mahnken. Die Struktur der Zeitgestalt des Redegebildes</i>	1
Васильев Л. М.— <i>J. Filipec. Česká synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie</i>	3

Габба К.— <i>G. Hüllt-Worth. Foreign words in Russian</i>	5
Гак В. Г.— <i>P. A. Будагов. Сравнительно-семантические исследования,</i> 1963	6
Гак В. Г.— <i>M. Cohen. Nouveaux regards zur la langue française</i>	1
Гарбян А. С.— Два интересных труда по арменоведению	2
Горнунг Б. В.— <i>Ф. П. Филин. Образование языка восточных</i> славян	3
Григорьев В. И.— <i>М. А. Сапожков. Речевой сигнал в кибернетике и</i> связи	2
Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.— <i>В. Г. Адмони. Исторический</i> синтаксис немецкого языка	5
Денисов П. Н., Давыдов М. В., Афонон Э. А. « <i>Psycho-</i> <i>linguistics</i> »	4
Ешан Л. И., Алексеев П. М.— <i>Э. А. Штейнфельдт. Частотный</i> словарь современного русского литературного языка	6
Карпенко Ю. А.— <i>Vi. Šmilauer. Uvod toponomastiky</i>	2
Клепикова Г. П.— <i>I. Coteanu. Elemente de dialectologie a limbii</i> <i>române</i>	2
Кржижкова Е.— «Исследования по чешскому языку»	5
Кузнецова А. И.— <i>C. Wolkonsky, M. Poltoratzky. Handbook of</i> <i>Russian roots</i>	4
Леонтьев А. А.— <i>Е. И. Кукушкина, А. Г. Степанова. Библиография</i> библиографий по языкознанию	4
Лер-Сплавинский Т.— О северо-восточных окраинах прасла- вянского языка	1
Макаев Э. А.— <i>M. K. Jensen. Tonemicity</i>	4
Михайловская Н. Г.— <i>П. Коваль. Лексичный фонд литературної</i> мови кїївського періоду X—XIV ст., I	4
Николаева Т. М.— Вопросы общей лингвистики в работах Д. Бо- линджера	1
Рагимов М. Ш., Аслапов В. И.— <i>Э. В. Севортян. Аффиксы</i> глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследо- вания	3
Ревзин И. И.— « <i>Studia Grammatica</i> », I, II	3
Филин Ф. П.— <i>V. Kiparsky. Russische historische Grammatik. I.</i>	2

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Георгиев В. И.— Общеславянское значение проблемы акавья	4
---	---

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Журавлев В. К.— Проблемы фонологии и фонетики на V Междуна- родном съезде славистов	2
Кузнецов П. С.— 400 лет русского книгопечатания	4
Кузьмина А. И.— Об изучении языков народностей Западной Си- бири в Томском пединституте	1
Матвеев А. К.— О топонимической работе в Уральском государственном университете им. А. М. Горького	1
Над чем работают ученые	1,5
Никонов В. А.— Ономастика на V Международном съезде славистов и славянский топонимический атлас	2
Сятковский С. И.— Основные проблемы синтаксиса на V Междуна- родном съезде славистов	3
Толстой Н. И.— Проблемы истории древнеславянского литературного языка на V Международном съезде славистов	4
Хроникальные заметки	1—6
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	1, 3, 5, 6

CONTENTS

Articles: Fr. Daneš (Prague). Contribution to the theoretical interpretation of syntactical homonymy; **Discussions:** Discussion on the «Suggestions for the improvement of Russian orthography» (I. F. Protčenko — Moscow, M. A. Ževtobriukh, V. M. Rusanovskij—Kiev); N. I. Zinkin (Moscow). On code-shifts in internal speech; V. A. Uspenskij (Moscow). One model for the notion of the phoneme; V. N. Beloözerov (Moscow). A formal definition of the phoneme; O. G. Karpinskaja (Moscow). Typology of gender in Slavonic languages; **Materials and notes:** N. Y. Svedova (Moscow). Determining object and determining adverbial modifier as independent extenders of the sentence; E. A. Makaeв (Moscow). Nominal declension in Vedic and Sanskrit; Y. B. Krupatkin (Sevastopol). Nasalized vowels in the history of Old English; **From the history of linguistics:** A. A. Sakhmatov. The diphthongs *yo* and *ie* in Russian dialects (the end); **Critics and bibliography; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: Fr. Daneš (Prague). Essai d'interprétation théorique d'homonymie syntactique; **Discussions:** Discussion des «Propositions pour le perfectionnement de l'orthographe russe» (I. F. Protčenko — Moscou, M. A. Ževtobriukh, V. M. Rusanovskij—Kiev); N. I. Zinkin (Moscou). Sur les transitions de code dans le discours interne; V. A. Uspenskij (Moscou). Un modèle pour la notion de la phonème; V. N. Beloözerov (Moscou). Une définition formelle de la phonème; O. G. Karpinskaja (Moscou). Typologie du genre en slave; **Matériaux et notices:** N. Y. Švedova (Moscou): L'objet déterminant et complément circonstanciel déterminant comme élargisseurs indépendents de la proposition; E. A. Makaeв (Moscou). Déclinaison nominale en védique et en sanscrit; Y. B. Krupatkin (Sevastopol). Voyelles nasalisées dans l'histoire du vieux-anglais; **De l'histoire de la linguistique:** A. A. Sakhmatov. Les diphtongues *yo* et *ie* dans les parlers russes (fin); **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанными литературно и подписанными автором. И текст, и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 25 стр., объем рецензии — 15 стр. машинописи. Редакция заинтересована в получении кратких сообщений и заметок по конкретной тематике объемом до 15 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах.)

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значение их — в кавычках.

6. Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.

7. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

С О Д Е Р Ж А Н И Е

О. С. Исмаилов, В. Б. Витурин (главный редактор),
В. М. Делюгин (заместитель редактора), Н. С. Ковалева, Л. А. Мухоморова,
М. В. Платов, В. Э. Плифис, П. И. Ротин, Ю. В. Ростовцевский,
Б. А. Сергеевич, П. И. Титов (ответственный редактор), О. И. Гуров

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XIII

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1984